

М. Е. Главацкий

«ФИЛОСОФСКИЙ ПАРОХОД»: год 1922-й

Историографические
этюды

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2002

ББК ТЗ(2)6-49

✓ Г 52

Рецензент заведующая кафедрой
истории и культуры УрГЮА
доктор исторических наук, профессор
М. И. Кондрашова

Главацкий М. Е.

Г52   «Философский пароход»: год 1922-й:
Историографические этюды. – Екатеринбу-
бург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 224 с.
ISBN 5-7584-0036-X

1252710

В монографии впервые предпринята по-
пытка проанализировать литературу о высыл-
ке инакомыслящей интеллигенции из России
в 1922 г. Описываются причины изгнания
людей мысли, подготовка и осуществление
этой операции («Философский пароход»).

Адресовано всем, кто интересуется исто-
рией интеллигенции в России.

ББК ТЗ(2)6-49

ISBN 5-7584-0036-X

© М. Е. Главацкий, 2002
© В. С. Солдатов, оформление,
2002
© Издательство Уральского
университета, 2002

*Посвящается внукам с надеждой,
что их внуки будут жить
в Открытом обществе*

ВВЕДЕНИЕ

31 августа 1922 г. очередной номер газеты «Правда» вышел с передовой статьей «Первое предостережение». В ней подводились итоги длительной работы Совнаркома, Политбюро ЦК РКП(б) и ГПУ по подготовке и осуществлению высылки из России группы инакомыслящей интеллигенции.

В статье сообщалось, что «по постановлению Государственного политического управления наиболее активные контрреволюционные элементы из среды профессуры, врачей, агрономов, литераторов, высылаются частью в Северные губернии России, частью за границу. <...> Среди высылаемых почти нет крупных научных имен. В большинстве это политиканствующие элементы профессуры, которые гораздо больше известны своей принадлежностью к кадетской партии, чем своими научными заслугами...»¹ И далее: «Принятые Советской властью меры предосторожности будут, несомненно, с горячим сочувствием встречены со стороны русских рабочих и крестьян, которые с нетерпением ждут, когда наконец эти

---

¹ Здесь и далее в книге текст документов приводится с сохранением орфографии и пунктуации первоисточника.

Российская Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центральн. Ком. и Московск. Ком. Р. К. П. (больш.).

№ 194. Четверг 31 августа 1922 г.

Первое предостережение.

Известствующие и вскрывающие круги интеллигенции, во-первых, что ИЭП дает им такую опору для контр-революционной работы, усиленно павали таную, поддерживая тесную связь с заграничными белогвардейцами. Советская власть, обдумавшая слишком много терпелив, дала, наконец, первое предостережение: наиболее активные контр-революционные элементы из профессоров, врачей, агрономов и пр. высылаются частью за границу, частью в северные губернии. Для рабочих и крестьян все это служит напоминанием о том, что им скорее нужно иметь свою рабоче-крестьянскую интеллигенцию.

Несмотря на то, что Советская власть существует только пять лет, несмотря на то, что она пользуется доверием и поддержкой интеллигентного большинства трудящихся как России, несмотря на то, что она ведет непримиримую героическую работу по ликвидации разрушенного империалистами страны, а успешно выводит страну из состояния голодной нищеты, пауперизма и разлада, несмотря на это, предупреждает свое будущее интеллигентное население, а Совет-

ском кооперативном движении. Наконец, некоторые группы этих антисоветских элементов весьма тесно обжились с контр-революционным движением той части духовенства, которая активно выступила против взятия церковных ценностей.

Наконец, все эти группы находились в тесной связи с старой белогвардейской эмиграцией, получающей деньги от враждебных нам буржуазных правительств, и пытаясь дискредитировать все вы-

сказанные на абсолютного величину средства несправедливо. В будущем же году расширится продукция почти всех оживающих заводов, а следовательно с большим расходом. Те же бурсы, которые оживаются Саларотростом, расширяют каппали и которые имеют сразу сильный толчок к доведению производства сахара до довоенной нормы, поэтому под угрозой их производства: ливнем, с одной стороны, а другой — жаровостью и, конечно, для дальнейшего не расширения производства сахара, но все же без сомнения расширения сахара.

Следует отметить, что при производстве в 1921—22 г. 2.000.000 пуд. сахаром, производительность 12 р. 50 к. за пуд, а в 1922 г. при том же в производстве с 10 пудами, при увеличении производства в 4—5 раз, производительность увеличилась до 7 р. 50 к., т. е. почти в 40 раз. В будущем году, в связи с увеличением производства, можно ожидать еще

идеологические врангелевцы и колчаковцы будут выброшены с территории РСФСР»¹.

Любопытно, что в статье не было названо ни одного имени. Почему? Чтобы никто не усомнился в том, что «среди высылаемых почти нет крупных научных имен»? Что приговор окончательный и обжалованию не подлежит? Как не подлежит дальнейшему изучению и какие-либо подробности правительственной акции, имевшей, кстати, название «операция»?

И действительно, до 90-х гг. XX в. отечественные историки почти не касались этой темы, ограничиваясь включением в свои работы отдельных цитат:

¹ Правда 1922 31 авг.

«В августе – сентябре 1922 г. по постановлению ГПУ из Петрограда, Москвы, Киева и других русских центров страны в административном порядке были высланы наиболее активные контрреволюционеры»¹; «В августе – сентябре 1922 г. из Петрограда, Москвы, Киева в административном порядке были высланы частью за рубеж, частью в северные губернии 160 наиболее активных буржуазных идеологов»².

Не вдаваясь в серьезное изучение темы, истории, над которыми витали тени высланных, молчаливо следовали концепции правдинской передовицы.

Между тем за рубежом публиковались воспоминания и работы самих деятелей науки и культуры, подвергнувшихся экспатриации, – Н. А. Бердяева, П. А. Сорокина, М. А. Осоргина, Б. И. Харитона, Н. О. Лосского, М. М. Новикова, А. С. Изгоева и др. За границей увидела свет и статья историка-диссидента, эмигранта «третьей волны» М. Геллера. Так стала накапливаться источниковая база для будущих исследований.

Перелом в отечественной исторической науке обозначился в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., когда остро встал вопрос о «белых пятнах» и «закрытых зонах», о необходимости выработки новых подходов к изучению научных проблем. Появились и специальные газетные и журнальные статьи о высылке интеллигенции в 20-е гг. Правда, первыми и наиболее активными авторами оказались публицисты и литераторы. Возникло словосочетание «философский пароход», которое стало обозначать изгнание за границу инакомыслящих из России в 1922 г., –

¹ Голиков Д. Л. Крах вражеского подполья. М., 1971. С. 302.

² Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 287.

среди них выделялись философы. Для историков же пришло время, когда в научный оборот стали вводиться архивные документы.

Тема оказалась привлекательной для многих исследователей: Ю. Голанда, Т. Красовицкой, М. Геллера, С. Хоружего, В. Костикова, В. Сапова, Л. Кога-на, С. Красильникова, В. Соскина, А. Гака, И. Селезневой, А. Масальской, И. Казанина, А. Квакина, В. Тополянского, С. Малышевой, И. Маториной, А. Санина, М. Хлопаевой, А. Литвина, А. Латышева и др. (перечень впечатляющий, хотя и не исчерпывающий). Благодаря им к настоящему времени накоплен значительный научный материал.

И все же остаются вопросы, на которые пока нет ответов или по которым высказаны полярные точки зрения. Мы до сих пор не знаем ни численности, ни состава включенных в списки кандидатов на изгнание и лиц, оказавшихся на чужбине. Мы так и не можем решить, считать ли депортацию самым позорным деянием большевиков или ее следует рассматривать как «предусмотрительную гуманность». Почему не состоялся диалог между интеллигенцией и большевистской властью в 1922 г.? Каковы истинные причины экспатриации? Можно ли считать, что идея высылки за границу принадлежала лично В. И. Ленину? Есть ли доказательства того, что высланные действительно были «пособниками Антан-ты» и идеологическими «врангелевцами» и «колчаковцами»? Можно ли согласиться с выводом одного из исследователей: «Горе той власти, которая не может позволить себе “роскошь” иметь оппозицию, но и горе той оппозиции, которая не хочет понять власть»? Какие уроки можно извлечь из высылки инакомыслящих?

Как видим, тема продолжает быть актуальной.

Мой интерес к проблеме экспатриации деятелей науки и культуры определился лишь тогда, когда в руках оказались документы засекреченных ранее архивных фондов и спецхранов библиотек. Особое место среди них заняли списки кандидатов на высылку. Впервые они были опубликованы в разделе «Интеллигенция и советская власть» учебной книги (хрестоматии) «История России», изданной лицеем Уральского университета в 1993 г. Вскоре интерес к этой хрестоматии проявили издатели Челябинска, Москвы и других городов. Это и стало еще одним побудительным мотивом, чтобы взяться за разработку историографии данной проблемы, то есть, образно говоря, заняться сбором урожая, посеянного другими.

Требуется время, чтобы подготовить историографическую работу: глубоко и вдумчиво изучить опубликованное, не упустив главное, понять авторский замысел, наметить перспективы разработки темы и т. д.

Считаю принципиально важной публикацию документов. Это позволит читателям осмыслить проблему взаимоотношений интеллигенции и власти не только по чьим-то переложениям, но и по первоисточникам, то есть составить собственное мнение по тем или иным вопросам.

За помощь, оказанную в подготовке книги, выражаю искреннюю признательность профессорам Б. В. Емельянову, С. А. Красильникову и В. Л. Соскину. Благодаря сотрудникам Российского государственного архива социально-политической истории И. Селезневой и Л. Лыковой, Архива Президента РФ – И. Кондаковой, Центрального архива ФСБ Рос-

сии – С. Матвеевой, главному библиографу научной библиотеки ИНИОН РАН М. Исакович, Центра документации общественных организаций Свердловской области – Г. Степановой я смог познакомиться с уникальными документами. В Исторической библиотеке (Москва), «профессорском» зале Свердловской областной библиотеки им. В. Г. Белинского (Екатеринбург), научной библиотеке Уральского государственного университета им. А. М. Горького меня щедро снабжали малоизвестными изданиями 20-х гг.

Большую научно-справочную помощь оказали мне аспиранты Л. Хохлова и И. Ермакова, заведующая Музеем истории Уральского университета В. А. Мазур. И еще я очень обязан жене Тамаре, ученому-биологу. Она всегда приходила мне на помощь, откладывая свою работу, если видела, что я в ней нуждаюсь. Ей же довелось быть первой читательницей и критиком подготовленных материалов.

Из-за нехватки времени некоторые сюжеты оказались «за кадром». Но я рассматриваю данное издание как пробный выпуск и с благодарностью приму советы и предложения по его улучшению.

Этюд первый

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

Высылка из РСФСР инакомыслящей интеллигенции в 1922 г. явилась уникальной подобной мерой, в первую очередь по масштабам и последствиям, когда-либо предпринимавшейся большевистским руководством. Является ли неординарность этой акции свидетельством ее случайности или она стала вполне логичным шагом в развитии внутренней политики страны? Каковы были ее явные и скрытые причины?

Разные авторы высказывали разные точки зрения на эту проблему.

Одним из первых обратился к данному вопросу Ю. Голанд. Он отметил, что, пользуясь свободой печати, фактически еще существовавшей в первой половине 1922 г., известные философы, экономисты открыто выражали свои взгляды, не скрывая враждебного отношения к марксизму, оспаривали возможность социалистического строительства. Представители интеллигенции считали, что нэп неразрывно связан со свободой творчества. Характерна редакционная статья в февральском номере журнала «Летопись Дома литераторов» за 1922 г., в которой ут-

верждалось: «Мы твердо помним, что определенная экономика порождает соответствующую идеологию... А если так, то не следует ли заранее учесть конечный, неизбежный результат? Не пора ли уже сейчас признать, что свободный товарообмен неразрывно связан с допущением свободного обмена идей по любому вопросу?». Вот с этим-то выводом лидеры большевиков и не могли примириться.

Уже в марте 1922 г., отмечает Ю. Голанд, В. И. Ленин стал выражать обеспокоенность такими высказываниями. Перед ним «стояла коренная проблема нэпа: при каких политических и идеологических условиях капиталистические методы в экономике могут служить средством строительства социализма?»¹.

Исследователь В. В. Костиков также обратил внимание на взаимосвязь политики с экономикой (в данном случае с нэпом). По его мнению, «высылка, в более широком, политическом контексте тех лет явилась следствием очень сложной идейной борьбы вокруг нэпа, результатом непонимания того, что экономическое возрождение страны нельзя провести без политических реформ, без демократизации в духовной жизни». Но в конечном счете восторжествовало противоположное мнение: либерализация в сфере экономики, возрождение рынка должны сопровождаться более жестким идеологическим контролем. Результаты этой концепции хорошо известны: через несколько лет нэп был разгромлен»².

Анализируя причины высылки, Т. Ю. Красовицкая в статье «Что имеем, не храним...» напря-

¹ Голанд Ю. Экономика и политика // Знамя. 1990. № 3. С. 128–129.

² Костиков В. В. «Не надо проклинать изгнание»: Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990. С. 72.

мую связывает их с тем, что в начале 20-х гг. у власти не получился диалог с элитой гуманитарной интеллигенции. Лидеры большевиков, и В. И. Ленин прежде всего, видели, что за корректно-академическими выкладками мыслящей части общества стоят не тактические, а стратегические вопросы. «Может ли партия, – отметила Т. Ю. Красовицкая, – ввязаться в широкую мировоззренческую дискуссию, требующую больших сил, в то время как она виртуозно и хладнокровно должна пройти по минному полю, или, как Ленин говорил, совершать восхождение на очень высокую, опасную и непобежденную вершину: капиталистическими методами строить социализм?» И далее: «Сможет ли партия в условиях экономической (а вопрос жестко ставится о гарантиях политических и идеологических) либерализации сохранить власть?»¹. Завершая свою статью, Т. Ю. Красовицкая делает следующий вывод: «Беда той власти, которая не может позволить себе “роскошь” иметь оппозицию, но горе и той оппозиции, которая не хочет понять власть...»².

Ценно здесь то, что при решении вопроса о причинах высылки предлагается исходить из вовлеченности в процесс двух сторон: оппозиции и власти. Ко второй же части вывода: «...горе и той оппозиции, которая не хочет понять власть» – вернемся позднее. С ней, видимо, не все согласятся.

Исследователи единодушны в том, что первую солидную статью по истории высылки опубликовал М. Геллер. Касаясь причины этой акции, он отметил: «Высылка значительной группы деятелей рус-

¹ Красовицкая Т. Что имеем, не храним // Московские новости. 1990. 20 мая. С. 14.

² Там же. С. 15.

ской культуры в 1922 г. была завершением единственного в советской истории опыта сотрудничества между советской властью и русской интеллигенцией, сотрудничества на равных основаниях. Опыт продолжался пять недель и закончился во внутренней тюрьме ВЧК на Лубянке, где 31 августа 1921 г. оказались интеллигенты – инициаторы сотрудничества. В этом эпизоде отразилось отношение партии и государства к проблеме хлеба и к интеллигенции»¹.

Итак, в качестве причины высылки автор называет неудавшийся опыт сотрудничества советской власти с интеллигенцией в процессе борьбы с голодом.

Как известно, Комитет помощи голодающим был утвержден в июле 1921 г. декретом ВЦИК. Из 73 членов Комитета 12 представляли советское правительство (Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, М. М. Литвинов, Л. Б. Красин, А. В. Луначарский и др.), 61 – русскую общественность (профессора С. Н. Прокопович, Н. Д. Кондратьев; председатель Московского общества сельского хозяйства А. И. Угримов; писатели А. М. Горький, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин; бывшие кадетские деятели Н. М. Кишкин, Е. Д. Кускова и др.). Комитету был присвоен знак Красного Креста. Ему предоставлялось право приобретать в России и за границей продовольствие, собирать пожертвования, открывать за границей отделения и командировать туда своих уполномоченных. Автономия Комитета закреплялась освобождением «от ревизии Рабоче-Крестьянской Инспекции». По мнению М. Геллера, ни до этого, ни после ни одна обществен-

¹ Геллер М. Первое предостережение – удар хлыстом // Вопр. философии. 1990. № 9. С. 39. Впервые статья была опубликована в журнале «Вестник Русского Христианского Движения» Париж. 1978. № 127. С. 187–232.

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

Плакат К. Моора. 1921 г.

13
[*Философский пароход*]

ная организация не получала таких прав¹. Однако Комитет уже в конце августа был ликвидирован, а его наиболее активные члены, представлявшие общественность, арестованы и позднее высланы за границу.

В своем исследовании М. Геллер отмечает, что неудавшийся опыт сотрудничества советской власти с интеллигенцией в борьбе с голодом имеет прямое отношение и к изгнанию 1922 г.

Однако В. В. Сапов, пытаясь дать ответ на вопрос, что же послужило причиной высылки деятелей культуры, выразил несогласие с мнением М. Геллера: «Не вдаваясь в исторические подробности деятельности Комитета, отметим все же, — указывает он, — что между его роспуском и высылкой... прошел год. Уже одно это обстоятельство должно насторожить историка, анализирующего причины высылки. Возможно ли, чтобы в то кипучее время между причиной и “следствием” протянулась такая «дистанция»?

Правильнее считать деятельность Комитета не причиной высылки (и тем более основной), а всего лишь поводом»².

И все же, думается, прав М. Геллер. Разрыв во времени между роспуском Комитета и высылкой при ближайшем рассмотрении оказывается вполне логичным. Ведь такую меру, как изгнание из страны в «административном порядке», по решению ГПУ, без суда и следствия надо было еще подготовить. Отметим, что между одной и другой акциями много общего. Во-первых, обвинения против Комитета и экспатри-

¹ См.: Геллер М. Указ. соч. С. 46.

² Сапов В. В. Высылка 1922 года: попытка осмысления // Социолог. исслед. 1990. № 3. С. 112.

антов 1922 г. сводились к их антисоветской деятельности. «Преступлением, — отмечает М. Геллер, — было и непонимание того, что спасение от голодной смерти силами общественности, в то время как государство не могло ничего сделать, было актом *политическим*» (курсив автора цитаты. — М. Г.)¹. Другими словами, преступлением считалось само существование Комитета, стремившегося объединить всех, кто мог содействовать спасению от голода, и становившегося, таким образом, центром возрождения общественности. Этого власти допускать не хотели.

Обратим внимание и на сходство инструктивных указаний В. И. Ленина 1921 г. (при ликвидации Помгола) и 1922 г. (при подготовке высылки) по обработке общественного мнения — высмеивать и травить в газетах, и даже буквальное совпадение в лексике: «очистить» Москву от «кукишей» (1921) и «очистим Россию» от инакомыслящих интеллигентов (1922).

Не придавал значения В. В. Сапов и выводу М. Геллера о том, что история Всероссийского комитета помощи голодающим — это модель отношения советской власти к противникам, в данном случае общественности», т. е. «старой» интеллигенции. А модель складывается не в один момент.

Точка зрения М. Геллера о прямой связи высылки 1922 г. с событиями 1921-го получила поддержку ряда исследователей. По мнению С. С. Хоружего, независимая общественность стала объектом нового этапа репрессивной политики, широко развернувшейся в 1921–1922 гг. «Первой крупной акцией, — отмечает исследователь — обозначившей

Геллер М. Указ. соч. С. 52

новые цели и, видимо, подтолкнувшей к рождению идеи высылки, стал разгром Помгола (Всероссийского комитета помощи голодающим) в августе 1921 г. <...> Авторитет Помгола помог привлечь крупномасштабную помощь из-за рубежа: в конце августа 1921 г. были подписаны соглашения о продовольственных поставках с организацией помощи Нансена и с американской организацией Гувера, знаменитой АРА, посылки которой запомнились с тех пор многим в России. Немедленно после этих соглашений, 26 августа, В. И. Ленин пишет письмо “Сталину и всем членам Политбюро ЦК РКП(б)” с требованием и детальной программой роспуска Помгола и репрессий над его членами. На следующий день, 27 августа, Комитет был разогнан и члены его (за вычетом коммунистов и нескольких знаменитостей) арестованы. Большая часть их после недолгого заключения подверглась ссылке, а многие затем оказались и в списках высланных из страны»¹.

Согласие с мнением М. Геллера выразил и Л. А. Коган, считающий, что идея высылки постепенно вызревала, вынашивалась и начала прокладывать себе дорогу задолго до массовой депортации. В числе ее первых жертв были деятели Помгола (Всероссийского комитета помощи голодающим)².

Согласны с этим мнением и другие исследователи. Так, А. М. Гак, А. С. Масальская, И. С. Селезнева отметили, что еще в начале 1922 г. власти приступили к выселению меньшевиков из Москвы, Петро-

---

¹ Хоружий С. С. «Философский пароход» // После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994. С. 192. Впервые указанная статья была опубликована в 1990 г. (см.: Лит. газ. 1990. 9 мая, 6 июня.)

² См.: Коган Л. А. «Выслать за границу безжалостно». (Новое об изгнании духовной элиты) // Вопр. философии. 1993. № 9. С. 61.

града и других крупных городов. 5 января Политбюро поручило заместителю председателя ВЧК И. С. Уншлихту определить также уездные города и не возражать против выезда меньшевиков за границу¹. А так как за рубежом стали распространяться слухи об их казнях, то «Правда» в качестве опровержения сообщила, что в действительности меньшевиков «всего навсего высылают (и дают даже денег на проезд) к... приятелям – Мартову и К^о»².

Вместе с тем в рассуждениях В. В. Сапова есть ценное наблюдение, на которое никто не обратил внимания: «Высылка 1922 г. имела другие, более глубокие причины, и едва ли не главная из них – то отношение к интеллигенции, которое окончательно сложилось в “русском марксизме” к началу 20-х гг., но истоки которого прослеживаются задолго до Октябрьской революции. Наивно было бы ожидать, что к моменту пролетарской революции те “элементы” буржуазной культуры, которые, по мысли В. И. Ленина, есть в каждой национальной культуре, сами собой или каким-либо чудом элиминируются, перестанут существовать. Так или иначе, но все эти “элементы” с октября 1917 г. были обречены. Нужен был только повод, который и не замедлил явиться»³.

Таким образом, В. В. Сапов устанавливает прямую связь высылки 1922 г. с идеологией марксизма в России, которая формировалась еще в конце XIX в.

Этот вывод нашел подтверждение в исследовании Н. Г. Павловой «Формирование марксистской

См.: Гак А. М., Масальская А. С., Селезнева И. С. Депортация интеллигенции в 1922 г.: (Позиция В. И. Ленина) // Кентавр. 1993. № 5. С. 79

² Правда. 1922. 24 янв.

³ Сапов В. В. Указ. соч. С. 113.

концепции интеллигенции в России: историко-философский подход». По ее мнению, «многие тенденции в отношении интеллигенции после Октября 1917 года были обусловлены корневыми связями российской социал-демократии с народничеством 70–80–90-х гг. XIX века, элементами “народнического наследия” в марксистской теории интеллигенции. В содержании этого наследия оказались определенные идеи и тенденции (антиинтеллектуализма, нигилистического отношения к умственному труду, духовной культуре, интеллигенции как ее активному субъекту и носителю), которые, будучи выражены в теоретической форме, закрепляли в массовом сознании некоторые культурные стереотипы, формировали отрицательное эмоционально-психологическое отношение к интеллигенции вообще. Некоторые из этих стереотипов (“интеллигенция ест хлеб народа”) идут еще от народников 70-х годов»¹. В работах народников (В. П. Воронцова и др.) Н. Г. Павлова выделила ряд положений и интенций, близких марксистскому пониманию интеллигенции: тезис «о связи духовной деятельности интеллигенции с интересами того или иного класса; о ее буржуазной природе; “о естественной близорукости” интеллигенции, вытекающей из двойственности ее социально-экономического положения; о недоверии к рефлексивной способности интеллигенции, идее ее служебной роли в политической борьбе классов и т. д.»².

¹ Павлова Н. Г. Формирование марксистской концепции интеллигенции в России: историко-философский подход: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1994. С. 14. Отголоски таких настроений характерны и для более позднего времени. 1 сентября 1922 г., на следующий день после высылки, автор, укрывшийся за инициалами «И. Л.», писал в статье «Светочи науки»: «Пусть каждый ученый, беря в рот кусок данного ему хлеба, спросит себя сам, что же он дал рабоче-крестьянской России?» (см.: Правда. 1922. 1 сент.).

² Павлова Н. Г. Указ. соч. С. 15.

Очевидно, что такие взгляды были питательной почвой для формирования в отношении интеллигенции стереотипа негативизма.

Указанные выше суждения получили развитие в трудах В. Л. Соскина. Он выделяет прежде всего общие причины высылки. По его мнению, высылка большой группы интеллигентов стала кульминационным моментом в утверждении идеологического господства большевизма. В толще партии, да и в сознании самих лидеров «довлело чувство, сформированное десятилетиями политической борьбы с инакомыслием и его носителями»¹.

Став правящей партией, «большевики готовы были сотрудничать без особых оговорок лишь с теми, кто также готов был без оговорок им служить. Та же часть интеллигенции, которая «смела свое понятие иметь» по самой своей независимой сути всегда воспринималась неприязненно и даже враждебно...»²

Вместе с тем В. Л. Соскин попытался дать ответ и на вопрос, что явилось непосредственной причиной столь неординарного события, как массовая высылка интеллигенции. «Если исходить из соображений извращенной логики, которая находилась на вооружении большевистского руководства, то во всем были виноваты сами будущие жертвы». В список «прегрешений» интеллигенции он включает профессорские забастовки, историю с роспуском Всероссийского комитета помощи голодающим, различные интеллигентские союзы и общества (врачей, агрономов, инженеров, учителей, писателей и др.), многочисленные издания (журналы и книги), что стало,

¹ Соскин В. Л. «Философский пароход» – трагедия российской интеллигенции // НЭП и культура (1921–1923). Новосибирск, 1977. С. 62.

² Там же.

по верному замечанию В. Л. Соскина, «раздражителями власти» и способствовало «накоплению той “критической массы”, которая в конце концов привела к открытому погрому интеллигенции»¹.

Все эти события, завершившиеся отправкой «философского парохода», исследователь С. А. Красильников рассматривает в качестве яркого проявления доктринальной антиинтеллигентской политики большевистского режима. Высылку группы интеллигенции за границу осенью в 1922 г., как и кампанию по изъятию церковных ценностей (первая половина 1922 г.), процесс над группой лидеров партии социалистов-эсеров (июнь–август 1922 г.), он относит к числу событий, имевших знаковый, символический характер. И тем не менее, полагает автор, «было бы значительным упрощением сводить к ним глубину и разнообразие большевистской политики».

В конце Гражданской войны большевистский политический режим столкнулся с проблемой сохранения и удержания власти в обществе. «Руководство РКП(б), — отмечает С. А. Красильников, — становилось свидетелем процесса весьма стремительного воссоздания форм самоорганизации в социальной, экономической, культурной и других сферах, где возрождались негосударственные сектора. В подобных условиях социальной нестабильности власть естественным образом стремилась к проведению собственной согласованной и эффективной охранительной политики»². Так как термин «охранительная по-

¹ Соскин В. Л. Указ. соч. С. 63.

² Красильников С. А. «Философский пароход» в контексте советской охранительной политики начала 1920-х гг. // Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции. Тез. Междунаро. конф. Пермь, 4–6 окт. 2002 г. Екатеринбург: Пермь, 2002.

литика» не принят в исследованиях по истории пост-революционной России, автор поясняет, что под ним «понимается разработка и реализация комплекса мер по обеспечению устойчивого функционирования большевистского политического режима путем подавления реального или потенциального общественного недовольства и сопротивления методами политического и репрессивного воздействия на население страны. Охранительная политика шире и разнообразнее репрессивной, поскольку включает в себя установление контроля и осведомления над настроениями и поведением различных слоев и групп общества, а также формирование и распространение в обществе позитивного образа власти и ее носителей. В узком и непосредственном смысле субъектом охранительной политики выступали органы ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД – МГБ – КГБ»¹.

Любопытно, что когда происходила реорганизация ВЧК в ГПУ, то, по словам С. А. Красильникова, заместитель председателя ВЧК И. Уншлихт в письме лидерам большевиков предлагал «назвать новое учреждение не Политуправлением, а Госполитохраной или Госполитобороной». Предложение не было принято, но его автор точно отразил то, чем занимались органы ГПУ.

Обстоятельно вопрос о причинах высылки интеллигенции изучен И. И. Маториной. В своей кандидатской диссертации она посвятила этой проблеме целую главу. И. И. Маторина пришла к выводу, что большинство исследователей сходятся на том, что краеугольным камнем в истории высылки является нэп. Тем не менее она предприняла попытку дока-

---

Красильников С. А. «Философский пароход»....

зять, что «причины осуществления этой акции отражены в ее названии («Философский пароход»), а нэп лишь еще более выявил противоречия в этих взаимоотношениях»¹.

Как и другие исследователи, И. И. Маторина связывает высылку с оживлением общественной жизни в первые годы нэпа, в частности с деятельностью Комитета помощи голодающим. К его работе подключилось большое число «старых» интеллигентов, видевших во Всероспомголе возможность реализации своей исторической миссии, и комитет был ликвидирован именно потому, что стал центром притяжения общества и приобрел за время своей деятельности большую значимость².

Важно то, что исследовательница в указанной проблеме выделяет, во-первых, идеологические причины; во-вторых, причины, обусловленные нэпом; в-третьих, те, что связаны с профессиональной деятельностью экспатрируемых, т. е. исследует проблему с точки зрения общего и особенного.

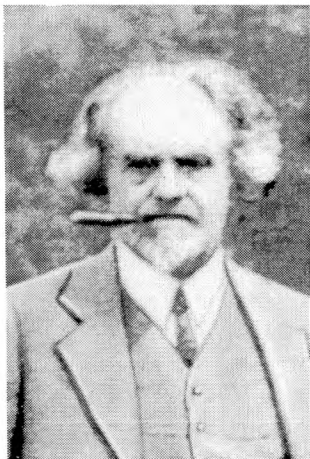
И. И. Маторина, как и С. А. Красильников, устанавливает прямую связь проводимой властями операции по высылке интеллигенции с охранительной политикой: «Свободная творческая деятельность ряда представителей “старой” интеллигенции из числа оппозиционно настроенных по отношению к советской власти представляла собой угрозу прочности и стабильности идеологических и политических устоев этой власти, следовательно, причина их высылки — это защита этих устоев»³.

¹ Маторина И. И. Проблема высылки группы «старой» интеллигенции из РСФСР в 1922 г. в контексте взаимоотношений «старой» интеллигенции и советской власти. Личный архив автора.

² См.: Там же. С. 108.

³ Там же. С. 114.

Вернемся к уже упоминавшемуся утверждению Т. Ю. Красилицкой о причинах осуществления исследуемой акции: «Беда той власти, которая не может позволить себе “роскошь” иметь оппозицию, но горе и той оппозиции, которая не хочет понять власть»¹. Это мнение разделяют некоторые исследователи, мне же оно, если иметь в виду вторую часть формулировки, представляется если не ошибочным, то, во всяком случае, спорным.

Н. А. Бердяев

В самом деле, для Н. А. Бердяева, Б. Д. Бруцкуса, П. А. Сорокина, Н. О. Лосского, Ф. А. Степуна и других понять власть означало отказаться от внутреннего ее неприятия, то есть от свободомыслия. Пойти на это они, разумеется, не могли. Н. А. Бердяев никогда не входил ни в какую антисоветскую организацию, не предпринимал никаких действий против власти. Но он не мыслил себя без свободы творчества, без открытого выражения собственных мнений. Как справедливо заметил В. В. Костиков, неприятие двоемыслия – главная причина его изгнания. Вот что писал философ об отношении к насаждаемой большевиками идеологии: «Что я противопоставлял коммунизму?.. Я противопо-

¹ Красилицкая Т. Ю. Указ. соч. С. 15.

ставлял прежде всего принцип духовной свободы, для меня изначально абсолютной, которой нельзя уступить ни за какие блага мира. Я противопоставлял также принцип личности как высшей ценности, ее независимости от общества и государства, от внешней среды. Коммунизм, как он себя обнаружил в русской революции, отрицал свободу... Это совсем не значит, что я антисоциалист. Я сторонник социализма, но мой социализм персоналистический, не авторитарный...»¹

Экономист Б. Бруцкус опубликовал в 1922 г. статью, в которой говорил о неэффективности вне рыночной системы хозяйствования: «...Самая слабая сторона социалистического хозяйства... в его стремлении централизовать в руках своей бюрократии все распределительные функции... Экономическая система, которая не располагает механизмом для приведения производства в соответствие с общественными потребностями, несостоятельна»².

Таким образом, при некотором разбросе мнений, исследователи истории высылки единодушны в том, что экспатриация инакомыслящей интеллигенции в 1922 г. явилась логичным шагом в развитии внутренней политики страны. Ее главной причиной можно назвать попытку власти установить жесткий идеологический контроль, удалив из страны интеллектуальную элиту – тех людей, которые могли мыслить свободно, самостоятельно анализировать обстановку и высказывать свои идеи, а зачастую и критиковать существующий режим. Они не хотели «придерживать» свои убеждения или менять их, они думали, писали и говорили так, как велела им совесть,

¹ Бердяев Н. Самопознание: (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 242.

² Экономист. 1922. № 2. С. 170, 173.

оставаясь свободными в условиях крепнущей несвободы. Независимым словом они пытались убедить в своей правоте, чем бы это ни обернулось для них лично. Взаимоотношения между ними и властью можно выразить одним словом – *несовпадение*. В чем? В различном отношении к Слову. Свободному слову.

ДОКУМЕНТЫ

■ Н. А. БЕРДЯЕВ: «...НЕ УДАТСЯ НИКОГДА СОЦИАЛИЗМ...»

*Из лекции, прочитанной
в Вольной академии духовной культуры*

1920 г.

...В исторической судьбе человека, в сущности, все не удалось, и есть основание думать, что никогда и не будет удаваться...

Не удадутся и те основные идеи и задачи, которыми живет наша эпоха, не удастся никогда социализм, который попробуют осуществить и который, вероятно, будет играть большую роль в том периоде истории, в который ныне мы вступаем. Социализм, в опыте осуществления своего, будет совсем не тем, к чему социалисты стремятся. Он вскроет новые внутренние противоречия человеческой жизни, которые сделают невозможным осуществление тех задач, которые выставило социалистическое движение. Он никогда не осуществит ни того освобождения человеческого труда, которого Маркс хотел достигнуть связыванием труда, никогда не приведет человека к

богатству, не осуществит равенства, а создаст лишь новую вражду между людьми, новую разобщенность и новые неслыханные формы гнета...

Труден и трагичен путь свободы, потому что, поистине, нет ничего ответственнее и ничего более героического и страдальческого, чем путь свободы. Всякий путь необходимости и принуждения — путь более легкий, менее трагический и менее героический. Вот почему человечество, в своих исторических путях, постоянно сбивается на соблазн подмены путей свободы путями принуждения... Соблазн этот в прошлом породил историческую инквизицию, в настоящем — религию социализма, которая есть не что иное, как религия Великого Инквизитора, основанная на подмене путей свободы путями принуждения, на снятии с человека бремени трагической свободы. На этом разыгрывается драма истории с ее постоянной борьбой начала свободы и начала принуждения и постоянным переходом от одного начала к другому...

История не могла разрешить проблемы индивидуальной судьбы человека, судьбы, которая составляет тему гениальных откровений творчества Достоевского, с которой связана вся метафизика истории. Эта проблема индивидуальной судьбы неразрешима в пределах истории, в пределах истории неразрешим трагический конфликт судьбы индивидуальной с судьбой мировой, с судьбой всего человечества. И поэтому история должна кончиться. Мир должен вступить в такую высокую действительность, в такое целостное время, в которое разрешится проблема индивидуальной судьбы человеческой и трагический конфликт этой индивидуальной судьбы человеческой с судьбой мировой найдет свой исход. История есть прежде всего судьба и должна быть ос-

мыслена, как судьба, как трагическая судьба. Трагическая судьба, как и всякая трагедия, должна иметь последний, всеразрешающий акт. В трагедии неизбежен катарсис. История не имеет бесконечного развития в нашем времени, не имеет закономерности природных явлений именно потому, что история есть судьба. Таков последний вывод и последний результат метафизики истории. Судьба человеческая, которую мы должны проследить через все периоды истории, неразрешима в пределах истории. Метафизика истории научает нас тому, что неразрешимое в пределах истории разрешается за пределами истории. И это и есть самый большой аргумент в пользу того, что история не бессмысленна, что она имеет высший смысл. Если бы она имела только имманентный земной смысл, то именно в этом случае она была бы бессмысленной, потому что тогда все основные трудности, связанные с природой времени, были бы неразрешимы или все разрешения были бы фиктивными, кажущимися и неистинными. Такая относительно пессимистическая метафизика истории разрывает с иллюзиями, связанными с обоготворением будущего, низвергает идею прогресса, но укрепляет надежду и упование на разрешение всей муки истории в перспективе вечности, в перспективе вечной действительности. И эта пессимистическая метафизика истории более оптимистична, в последнем и глубоком смысле слова, чем безотрадное и смертоносное для всего живого, оптимистическое учение о прогрессе. Должен совершиться какой-то внутренний сдвиг, после которого всемирная история предстанет не в перспективе истребляющего потока времени, как бы выброшенная из глубины духа вовне, а в перспективе вечности, в перспективе истории небесной. Она

вернется в глубину как момент извечной мистерии Духа.

Бердяев Н. А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Берлин, 1923. С. 237–248.

■ **Е. ЗАМЯТИН: «...ЕСЛИ ПИСАТЕЛЬ
ДОЛЖЕН БЫТЬ БЛАГОРАЗУМНЫМ...
ТОГДА НЕТ ЛИТЕРАТУРЫ...»**

Из эссе «Я боюсь»

1921 г.

...Писатель, который не может стать юрким, должен ходить на службу с портфелем, если он хочет жить. В наши дни — в театральный отдел с портфелем бегал бы Гоголь; Тургенев — во «Всемирной литературе», несомненно, переводил бы Бальзака и Флобера; Герцен читал бы лекции в Балтфлоте; Чехов служил бы в Комздраве. Иначе, чтобы жить — жить так, как пять лет назад жил студент на сорок рублей. Гоголю пришлось бы писать в месяц по четыре «Ревизора», Тургеневу каждые два месяца по трое «Отцов и детей», Чехову — в месяц по сотне рассказов. Это кажется нелепой шуткой, но это, к несчастью, не шутка, а настоящие цифры...

Но даже и не в этом главное: голодать русские писатели привыкли. И не в бумаге дело: главная причина молчания — не хлебная и не бумажная, а гораздо тяжелее, прочнее, железней. Главное в том, что настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные и благонадежные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики. А если писатель должен быть благоразумным, должен быть католически-правоверным, должен быть сегодня полезным, не может хлестать

всех, как Свифт, не может улыбаться над всем, как Анатолий Франс.— тогда нет литературы бронзовой, а есть только бумажная, газетная, которую читают сегодня и в которую завтра завертывают глиняное мыло.

Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока не перестанут смотреть на демос российский, как на ребенка, невинность которого надо оберегать. Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока мы не излечимся от какого-то нового католицизма, который не меньше старого опасается всякого еретического слова. А если неизлечима эта болезнь — я боюсь, что у русской литературы одно только будущее: ее прошлое.

Дом искусств: Сб. № 1. Изд., 1921.

■ О ДОПУЩЕНИИ СВОБОДНОГО ОБМЕНА ИДЕЙ ПО ЛЮБОМУ ВОПРОСУ

*Из передовой статьи
журнала «Летопись Дома литераторов»*

1922 г.

...Не напрасно все интеллигентные люди нашего поколения в юности проходили курс материалистического истолкования истории. Мы твердо помним, что определенная экономика порождает соответствующую идеологию и что против экономического фактора бессильны все «идеологические» бумажные препоны, кем бы они ни ставились.

А если так, то не следует ли заранее учесть конечный, неизбежный результат?

Не пора ли уже сейчас признать, что свободный товарообмен неразрывно связан с допущением свободного обмена идей по любому вопросу, доколе им

не нарушаются законы страны и законные постановления органов власти.

Летопись Дома литераторов. 1922. № 7. Февр. С. 1.

■ «МЫ БУДЕМ ВЫСЛУШИВАТЬ РАЗЛИЧНЫЕ МНЕНИЯ И ПРИВОДИТЬ РАЗЛИЧНЫЕ ОЦЕНКИ»

*Статья «От редакции» в связи с выходом в свет
первого номера журнала «Экономист».*

1922 г.

В эпохи, подобные переживаемой, взор невольно обращается к прошлому народа, к основным двигателям народной жизни. Много испытаний пережила наша страна за время своего исторического существования. Менялись внешние границы государства: преобразовывалась социальная структура нации; неровно, неустойчиво шло развитие хозяйственных сил народа. В зависимости от общих условий, это развитие шло то более ускоренным, то замедленным темпом. Материальное богатство народа влияло на его духовные богатства, на степень культурности народной жизни. Размеры народного дохода определяли величину государственного бюджета, а следовательно и пределы тех задач, которые могла ставить себе государственная власть. Малое развитие производительных сил обуславливало и нищую духовную культуру, и отсталое государственное устройство. Рост материального богатства сопровождается увеличением культурных ценностей... Поэтому главной общенародной задачей всегда было и всегда будет – развитие производительных сил страны. Без удовлетворительного решения этой задачи нет движения вперед к тому лучшему для человечества будущему, когда

ЭКОНОМИСТ

Вестник XI Отдела
Русского Технического Общества

---

*Редакционная коллегия: Б. Д. Бруцкус, А. И. Буковецкий,
С. И. Зверев, Д. С. Зернов, Е. Л. Зубашев, А. С. Каган, В. И.
Ковалевский, И. М. Кулишер, Д. А. Лутохин, Н. В. Монахов,
А. Л. Рафалович*

❖ № 1-й ❖

1922

каждая человеческая личность насытится в своих материальных потребностях и сможет свободно развивать свои духовные силы.

За время войны и революции Россия пережила особенно много. Происходили колоссальные внешние потрясения и внутренние сдвиги. Команда «к расчету стройся» была дана в 1914 г. не только военным, но и всем хозяйственным и духовным силам государства. История, беспощадная к жизни и достоянию многомиллионного народа, всему определяла его удельный вес и значение... Неисчислимым жертв стоила народу эпоха великого кризиса и уже восьмой год, как страна находится в состоянии крайнего напряжения: у современных поколений, усталых духом и телом, естественно возникает вопрос — когда же будет конец катастрофическим событиям, когда же войдет жизнь в более спокойное русло. Наблюдая общее разорение, наши соотечественники жаждут плодотворной работы, возможной, однако, лишь при известной уверенности в завтрашнем дне.

И вот, всматриваясь объективно в окружающую нас жизнь, приходишь к убеждению, что настала пора концов и начал, итогов и возрождения. Выясняется реальное соотношение общественных сил. История окончила, по-видимому, как ломку старого здания, так и постройку вчерне того нового, в котором придется жить и нашему поколению, и поколению, приходящему нам на смену. Стихии перестают бурно разрушать и бурно творить, они уступают место сознательному человеческому творчеству. Разум восстанавливается в его правах.

В нашем новом строительстве мы сможем воспользоваться тем «опытом и идеями», которые, по словам *В. С. Ключевского*, являются печальным пре-

имуществом «смутного времени». Нужно достигнуть того, чтобы будущий историк современной эпохи мог, подобно *Тэню*, охарактеризовать и русскую революцию, как «ужасный, но плодотворный кризис». Долг русской общественности выявить эту плодотворность возможно скорее...

Русское Техническое Общество находит настоящий момент особенно своевременным для издания специального периодического органа, посвященного вопросам хозяйственного строительства страны. Все мы, без различия наших общественных симпатий и идеалов кровно заинтересованы в том, чтобы максимально интенсифицировать народный труд в направлении к обеспечению сначала физического, а затем духовного существования нации. В меру сил и возможности «*Экономист*» будет содействовать этой задаче. Подобно работе в стенах Соляного Городка, работа на страницах нашего журнала будет чисто общественной. Предвзятости у нас нет. Мы будем выслушивать различные мнения и приводить различные оценки.

Соединение остроты научного анализа с реализмом практического разрешения проблем — вот то основное требование, которое редакция будет предъявлять статьям, направляемым в наш журнал.

В силу технических затруднений редакция лишена возможности уже с первого номера развернуть всю намеченную для него программу.

Экономист. 1922. № 1. С. 3-4.

■ **П. СОРОКИН: «...ПОСПЕШИВ, МЫ
ОЧУТИЛИСЬ НЕ В XXII СТОЛЕТИИ,
А В XVIII ВЕКЕ»**

*Речь на торжественном собрании в день
103-й годовщины Петербургского университета*

21 февраля 1922 г.

Сегодняшняя годовщина Петроградского университета знаменательна не только тем, что она 103-я годовщина, но и тем, что она совпадает с моментом величайшего катаклизма в истории человечества и нашей родины. В результате войны и революции наше отечество лежит в развалинах. Великая Русская Равнина стала великим кладбищем, где смерть пожинает великую жатву, где люди едят друг друга.

Задача возрождения России падает на ваши плечи, задача — бесконечно трудная и тяжелая. Сумеете ли вы выполнить ее? Сможете ли выдержать этот экзаме́н истории? Огромная трудность ее усугубляется еще тем, что вы оказались на великом распутье, без путей, дорог и спасительного плана. «Отцы» ваши не могут помочь вам: они сами оказались банкротами: их опыт, в форме традиционного мировоззрения русской интеллигенции, оказался недостаточным, иначе трагедии бы не было. От берега этого мировоззрения волей-неволей приходится вам оттолкнуться: он не спас нас, не спасет и вас. Он надолго исчез в зареве

П. А. Сорокин

войн, грохоте революции и в темной бездне могил, все растущих и умножающихся на русской равнине. Если не мы сами, так эти могилы вопиют о неполноте опыта «отцов» и ошибочности их патентованных спасительных рецептов.

Но раз старые пути негодны, где же новые? Есть ли они у вас? Если есть – продуманы и осознаны ли? Боюсь, что нет. Мы сейчас похожи на людей, ошарашенных ударом дубины, заблудившихся и ищущих, страстно и горячо, до боли, до иступления – нужного до смерти выхода? Ищем, тычемся туда и сюда, подобно слепым щенятам, но темно кругом. А история не ждет, она ставит ультиматум; бьет грозное: *temento mori*, бьет двенадцатый час нашей судьбы и решается наше: быть или не быть.

В таких условиях вы поймете меня и не найдете не тактичным, если я позволю наметить некоторые «вехи» того пути, по которому, с моей точки зрения – возможно ошибочной, возможно, близорукой, – мы должны двинуться в дальнейшее историческое странствие. Это даже не вехи, а скорее указание на то, чем мы должны запастись, пускаясь в этот темный путь, чтобы выбраться вновь на светлую дорогу жизни и живой истории из мрачных бездн долины Смерти.

Первое, что вы должны взять с собой в дорогу, – это знание, это чистую науку, обязательную для всех, кроме дураков, не лакействующую ни перед кем и не склоняющую покорно главу пред чем бы то ни было; науку, точную, как проверенный компас, безошибочно указывающую, где Истина и где Заблуждение. Берите ее в максимально большом количестве. Без нее вам не выбраться на широкий путь истории. Но не берите суррогатов науки, тех ловко подделанных под нее псевдознаний, заблуждений, то «буржуазных», то

«пролетарских», которые в изобилии преподносят вам тьмы фальсификаторов. Опыт и логика – вот те реактивы, которые помогут вам отличить одно от другого. Иных судей здесь нет. Вашим девизом в этом отношении должен служить завет Карлейля: «Истина! хотя бы небеса раздавили меня за нее! Ни малейшей фальши! хотя бы за отступничество сулили все блаженства рая!».

Второе, что вы должны взять с собой, это любовь и волю к производительному труду – тяжелому, упорному, умственному и физическому. Времена «сладкого ничегонеделанья» – *dolce far niente* – кончились. Мир – не зал для праздношатающихся, а великая мастерская, и человек – не мешок для переваривания пищи и пустого прожигания жизни, а прежде всего – творец и созидатель.

История не терпела и в прошлом праздных тунеядцев: рано или поздно она сбрасывала их в кучу ненужных отбросов. Тем более не терпит их она теперь и особенно среди нас: «не трудящийся, да не ест», – таков ее жестокий и безусловный ультиматум. Дорога предстоит бесконечно тяжелая. Только знание и труд, вместе взятые, могут преодолеть ее. Каждое из этих сокровищ, порознь взятое, – знание без труда или труд неумелый и слепой, – не спасут вас.

Но мало и этого. Нужно запастись вам еще и другими ценностями. В ряду их на первом месте стоит то, что я называю религиозным отношением к жизни. Мир – не только мастерская, но и величайший храм, где всякое существо и прежде всего всякий человек – луч божественного, неприкосновенная святыня. *Homo homini deus* (а не *lupus*) *est* – вот что должно служить нашим девизом. Нарушение его, а тем более замена его противоположным заветом, заветом

зверской борьбы. волчьей грызни друг с другом. заветом злобы. ненависти и насилия не проходило никогда даром ни для победителя. ни для побежденных. Оправдалось это и в наши годы. Что выиграло человечество от войны? Что пожинаем мы от своей ненависти и кровавого пира? Ничего. кроме жатвы смерти. горя и океана страданий. Распиная других. мы распинаем себя. Так случилось теперь. так было и в прошлом. Пора это усвоить. Пора усвоить и другое: одно насилие никогда не ускоряет движение к далеким вершинам идеального. Вместо ускорения оно лишь замедляет его. Примером в нашей истории может служить эпоха Петра. не давшая ничего. кроме пышного фасада. закрепостившая сильнее народ и погрузившая его на полтора столетия в бездну невежества и несправедливости. То же случилось и с нами: поспешив. мы очутились не в 22 столетии. а в 18 веке. Мало того. Тэн прав. говоря: ни одно из хороших социальных жилищ не было выстроено сразу. по полном разрушении старого и по абсолютно новому. выданному искусным архитектором плану. Каждое из них. напр[имер]. английское общество. воздвигалось вокруг первичного. массивного ядра и опиралось на него: лишь постепенно и исподволь к нему делались пристройки и вводились изменения. Словом. хорошо и прочно строится лишь то. что строится исподволь и постепенно. а не «по шучьему велению». не путем конвульсивных и смелых разрушений старого дочиства. Подобно французскому народу в прошлом столетии. мы забывали эту истину. И платились. и платимся за ее забвение. Это обстоятельство диктует нам внимательнее оглянуться на наше прошлое. Заботливое рассмотрение его показывает нам. что много хорошего было и в Московском государстве. и

в России, попираемой ботфортами Петра. Не мало его было и в более близком прошлом. Пора оценить это ценное, заботливо поднять его семена и оживить силою мысли и напряженного труда. Выполнение этой задачи означает восстановление, сохранение и улучшение нашего национального лица. Этот термин и эта задача так были запачканы в прошлом, что мешали нам рассмотреть то здоровое, что было и есть в желании иметь среди других народов истории свое национальное лицо, свои оригинальные черты и свое право на место и роль в великой драме истории. Теперь, когда история грозит нас обезличить, когда другие народы готовы исключить нас из числа главных действующих лиц и перевести нас на роль простых статистов, мы начинаем понимать великую ценность национального лица.

Если для каждого из нас иметь свое лицо лучше, чем быть безличным, то то же относится и к целому народу. Пора понять, что всякая попытка отказаться от своего лица приводит либо к безличности, либо к искажению этого лица и к превращению его в истоптанный каблуками прохожих, бесформенный кусок мяса, с синяками, порезами и ранами. Если мы не хотим этого, пора отказаться от «чурания себя», пора исправить этот грех наших отцов. Нужно это сделать и потому, что международное братство мыслится не как братство безличных общественных организмов, а как братство народов, т[о] е[сть] групп с определенным лицом, а не с гладким пустым местом. Мало того. Этот завет диктуется и мотивом, гласящим: «иди к униженным, иди к обиженным». Есть ли сейчас на земле другой народ, более обнищавший, более голодный, более несчастный, более эксплуатируемый, чем наш родной, великий – даже в своем несча-

стве – русский народ? А раз так, то наша обязанность всячески помочь сохранить ему его тело, его жизнь, его душу, его «лицо» и остатки его исторического достояния и богатств. Быть может, последнее нельзя спасти – уже поздно, – но спасти жизнь, душу и «лицо» – это спасти главное: достояние и богатство – дело наживное.

Отправляясь в путь, запаситесь далее совестью, моральными богатствами. Не о высоких словах я говорю: они дешевы и никогда в таком изобилии не врашались на житейской бирже, как теперь, а говорю о моральных поступках, о нравственном поведении и делах. Это гораздо труднее, но это нужно сделать, ибо я не знаю ни одного великого народа, не имеющего здоровой морали в действиях. Иначе... смердяковщина и шигалевщина потопят вас... Иначе вы будете иметь ту вакханалию зверства, хищничества, мошенничества, взяточничества, обмана, лжи, спекуляции, бессовестности, тот «шакализм», в котором мы сейчас захлебываемся и задыхаемся.

Придется подумать вам и о том, кого взять с собой в спутники и руководители. Настало время от ряда бывлых спутников отказаться: они завели нас в пропасть. Я бы взял в качестве таковых таких лиц, как Нил Сорский, Сергей Радонежский...; как Толстой и Достоевский. Такие «спутники», по моему мнению, не обманут.

Позволю обратить ваше внимание и еще на один факт: на семью. Вы знаете, что она разлагается. Но должны знать и то, что без здоровой семьи невозможно здоровое общество. Слишком далеко зашел здесь развал и духовный, и биологический, через половые болезни ускоряющий вымирание и вырождение русского народа. Пора остановить это бедствие. Оздо-

рование семьи, улучшение ее организации в том направлении, чтобы она, как первый скульптор, лепящий *socius'a*, создавала индивидуальность, чуждую и эгоистического шакализма и невежества слепой стадности.

Таковы те главные ценности, которыми вы, с моей – быть может, весьма несуразной – точки зрения, должны запастись, пускаясь в великий путь и подготавливаясь к великому экзамену. Я не знаю, выдержите ли вы это тягчайшее из тяжких испытаний. Но надеюсь, что «Сим победиши». Хочу верить и всем сердцем желаю вам полного успеха. Ваш успех будет означать спасение 100-миллионного народа от физической и духовной смерти.

Утренники. 1922. Кн. 1. С. 10–13.

■ П. СОРОКИН: «...БЕЗ НРАВСТВЕННОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛЮДЕЙ НЕ СПАСЕТ И ПЕРЕМЕНА ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ»

Из статьи «Заветы Достоевского»

1922 г.

Гениальный творец «Братьев Карамазовых» и в своих художественных произведениях, и в своем «Дневнике писателя» постоянно касался самых главных, самых трудных общественных вопросов и способов их решения. Он видел, что жизнь людей плохо устроена, что она полна страдания и горя, что нет в ней справедливости, что одни богаты, а другие бедны, что всюду царит злоба, вражда, ненависть и бедствия.

В чем же он видел спасение? Какой путь указывал он, как путь, ведущий к улучшению жизни, к цар-

ству правды, к подлинному равенству, братству и свободе?

– Один путь, совершенно ясный и определенный: путь религиозно-нравственной деятельной любви человека ко всем людям, ко всему живому, ко всему миру, любви безусловной и постоянной. Только на этом пути возможно спасение, все другие пути – пути ложные, говорит он. Эту мысль он неустанно доказывает и в своем «Дневнике», и устами своих положительных героев: князя Мышкина в «Идиоте» и особенно устами старца Зосимы в «Братьях Карамазовых».

«Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие Божеской любви и есть верх любви на земле. Любите все создание Божие, каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения. Будешь любить каждую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. И полюбишь, наконец, весь мир всецелою и всемирною любовью». <...>

Ту же мысль высказывает он и от своего имени в «Дневнике писателя». «Единственный способ решения общественных вопросов и неурядиц, говорит он, заключается в «деятельной любви», в «решимости вашей делать все ради деятельной любви, все, что возможно вам, что сами искренно признаете для себя возможным. Надо делать только то, что (в духе этого завета) велит сердце: велит отдать имение – отдайте, велит идти работать на всех – идите, если чувствуете, что будете полезны всем, как ученый, идите в университет и оставьте себе на то средства... Не раздача имения обязательна и не надевание зипуна: все это лишь буква и формальность, ибо всякая неприменность в деле любви похожа будет на мундир,

на рубрику, на букву. Обязательна и важна лишь решимость ваша делать все ради деятельной любви».

Таков главный завет Достоевского.

Если люди проникнутся им и будут исполнять его — тогда все просто решится, тогда не будет горя и нужды, рабов и господ, тогда возможны подлинная свобода, равенство и братство; тогда будет «всяческая и во всех Христос».

Почему? Потому отвечает Достоевский, что подлинная свобода состоит не в разнузданности, как полагают теперь, а «лишь в одолении себя и воли своей, чтоб всегда самому себе быть настоящим хозяином». Свобода — не в богатстве и не в деньгах, а в том «чтобы пойти всем служить. Если способен на то человек, а деятельно любящий способен на это — то он ли после того не свободен». Будет тогда и равенство. «В нынешнем мире равенство это ревнивое наблюдение друг за другом, чванство и зависть: “он умен, он Шекспир, он тщеславится талантом; унижить его, истребить его”. Между тем, настоящее равенство говорит: “какое мне дело, что ты талантливее, умнее, красивее меня? Напротив, я этому радуюсь, потому что люблю тебя. Но хоть я и ничтожнее тебя, но, как человек, я уважаю себя, и ты знаешь это, и сам уважаешь меня, а твоим уважением я счастлив”». «Если так будут говорить все люди, то уж, конечно, они станут и братьями, не из одной только экономической выгоды, а от полноты радостной жизни, от полноты любви» <...> «Были бы братья — будет и братство». <...>

Рядом с этим заветом — заповедал он и другой, с ним связанный. Деятельная любовь — заповедь Христа, заповедь не только нравственная, но и религиозная: Без религии не может быть нравственности, а без нравственной идеи — великого народа. Тогда ос-

танется только «спасение животишек», только формула: «каждый за себя, а один Бог за всех». «С такой формулой никакой народ долго не проживет». Поэтому Достоевский говорит: «Отцы и учителя, берегите веру народа... Россию спасет Господь, как спасал уже много раз. И не мечта сие... Народ грешит и пакостится ежедневно, но в лучшие минуты, во Христовы минуты, он никогда – (пока верит) в правде не ошибется». Пока есть вера – народ будет жив и сохранит свое лицо. Исчезнет вера – может придти конец.

Таковы заветы великого русского писателя русскому народу.

Указывая на этот путь спасения, Достоевский вместе с этим предостерегал от других путей, от пути «католического» и «протестантского».

Под «католической» идеей он разумел мораль насилия: принудительного спасения людей и деспотического водворения рая на земле. <...>

В эту идею теперь верят, говорил Достоевский, на этом пути надеется найти спасение большинство людей.

Но, добавлял он, эта вера не спасет. Она обманет, ибо этот путь ложен. Насилием нельзя спасти людей. Принуждением нельзя уничтожить неправды. Голая сила никогда не создаст: ни братства, ни свободы, ни равенства.

«Та и другая стороны (буржуазия и пролетариат) страшно неправы, и та, и другая погибнут во грехах своих... Единственно возможное решение вопроса – есть постановка нравственная, т. е. христианская. Рано-ли, поздно-ли, после рек крови и ста миллионов голов должны будут признать ее, ибо в ней только одной и исход».

Эту мысль он доказывает почти во всех своих художественных произведениях. Она гениально прове-

дена им в его удивительной легенде о «Великом Инквизиторе» в «Братьях Карамазовых».

В бытовых формах она выражена им в его «Бесах». Там, где пытаются найти спасение в голом насилии, где нет любви и свободы, религии и нравственности, там ничего, кроме крови, убийств и преступлений получить не может – такова основная идея этого романа. Здесь перед вами фигурируют либералы, социалисты, революционеры, верящие не в завет любви, а в голую силу, ложь и обман, готовые «во имя счастья человечества отрубить миллионы голов», что же получается из их «спасения» и «высоких слов» на деле? – Один кошмар: ряд ужасов, убийств, самоубийств, поджогов и др. преступлений. И только.

Ту же мысль проводит гениальный художник и в «Преступлении и наказании». Убийство кого бы то ни было, даже ростовщика и грабителя, во имя какой бы то ни было идеи и цели, вплоть до самой высокой, недоуздено: ни на йоту не увеличивает счастья человечества, ни на атом не уменьшает море человеческого горя и нужды, ни на шаг не приближает к лучшей жизни, таков вывод из романа.

На пути насилия и вражды – нет спасения, говорит всем этим Достоевский. И богачи, и бедняки, и все верящие в спасительность насилия «погибнут во грехах», «Вместо вина упьются кровью», «И проклят будет гнев их, ибо жесток».

Без любви, без нравственного совершенствования людей не спасет и перемена общественного строя, изменение законов и учреждений.

Напишите какие угодно конституции, пересадите какие угодно учреждения, но раз люди безнравственны, раз в них и их поступках нет нравственной идеи любви, то никакого улучшения быть не может. «Что толку по-

Фрагмент титульного листа журнала
«Артельное дело»

ставить учреждение и написать на нем: *Liberte, Egalite, Fraternite* (свобода, равенство, братство)? Ровно никакого толку, так что придется – необходимо, неминуемо придется – присоединить к трем словечкам четвертое: «ou la mort» (или смерть). «fraternite ou la mort» (братство или смерть) – и пойдут братья откалывать головы братьям, чтобы получить чрез насилие и «гражданское учреждение» братство. Не будет в этом случае ни свободы, ни равенства. Вместо свободы получается только «у богатых уединение и духовное самоубийство, а у бедных – зависть и убийство». Вместо равенства – царство эксплуатации, угнетения, ненависти и злобы: вместо братства – взаимное поедание. Без духа любви общество может быть построено только «на спасении животишек», каковы бы ни были учреждения и какие бы вывески на них ни значились. «Но спасение животишек» есть самая бессильная и последняя идея из всех идей, единящих человечество». Это уже начало конца. Это будет не здоровое общество, а «муравейник без церкви и без Христа, с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим все общее и абсолютное», как современная Европа.

Артельное дело. 1922. № 17–20. С. 4–6.

■ А. С. ИЗГОЕВ. О ЗАДАЧАХ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В сокращении

1922 г.

18 лет тому назад, пытаясь определить, что такое представляет группа людей, известная в России под именем интеллигенции, я писал, что она не обнимает всех умственных работников, а из их среды выделяет таких, которым в их деятельности присущ «элемент учительства в широком смысле слова» («Образование» 1904 г. № 1 «Интеллигенция, как социальная группа»).

И до сих пор я продолжаю считать это определение наиболее точным и исчерпывающим. Само собою понятно, под «учительством» здесь разумеется деятельность не только педагога. Всякий писатель, художник, артист, всякий пропагандист, всякое духовное лицо, словом все, ставящие своею целью стремление чему-либо научить людей, входят в группу, именуемую интеллигенцией. Это определение совершенно объективно. Оно видит объединяющее начало во внешнем признаке и оставляет в стороне существо того, что данное лицо собирается пропагандировать, чему собирается учить. Все субъективные определения (известнейшее из них принадлежит Н. К. Михайловскому) грешили тем, что включали или исключали людей из группы интеллигенции, руководясь их партийной принадлежностью. Иванов-Разумник как-то даже выразился, что интеллигенция кончается на-право за пределами кадетской партии. Надо думать, что в настоящее время едва ли и он будет поддерживать свое старое мнение и согласится, что представители интеллигенции могут исповедывать и более правые воззрения, что суть не в этом.

Существенный признак интеллигенции в присущей ей элементе учительства, пропагандизма. Она всегда учит людей, проповедует. Это присваивает интеллигенции, несмотря на крайнее разнообразие политических убеждений у лиц, входящих в эту группу, некоторые общие черты. Иначе нельзя было бы и выделить этих лиц в особую группу. Все интеллигенты, действительно осуществляющие свою миссию учительства, пропаганды, не могут не желать определенной и ясной меры свободы для своей проповеди, для своего учительства. Вначале они желают ее только для себя и для своих единомышленников. Некоторые прямо это и говорят, не скрывая. Другие лицемерят, до времени пряча когти.

История, однако, дает жестокие уроки и гонителям и гонимым. Вчерашний гонитель сегодня сам превращается в гонимого и собственным жестоким опытом познает необходимость существования узаконенной свободы.

Очень часто бывает, что вчерашний гонимый, получив власть, сам становится гонителем. По закону реакции он тем более усердствует, чем тяжелее жилось ему в свое время. Но и ему скоро приходится убеждаться, что в вопросах учительства и пропаганды насилие приводит к совершенно обратным результатам. Идеи, которые вчера еще были так популярны и влиятельны, несмотря на сильные преследования, сегодня вдруг утрачивают свою мощь, вызывают уже не любовь, а недоверие, пренебрежение и еще худшие чувства. Официальные проповедники канонизированных доктрин, не встречая ни критики, ни отпора, быстро засыпают и замирают, превращаются в заводные куклы, только и способные твердить свои «па.п.па», «ма.м.ма», когда их дернут за веревочку.

Несмотря на сильную внешнюю, и полицейскую, и финансовую поддержку, официальная доктрина начинает загнивать в сердцевине. Падение ее часто, поэтому, бывает внезапное и сокрушительное. Более дальновидные деятели всегда понимают опасность искусственного и насильственного единомыслия. Должно быть ересям...

В связи с этой основной чертой интеллигенции находится и свойственное ей средство общественной деятельности, свойственное ей оружие борьбы. Таким средством ни в коем случае не может быть насилие. У интеллигенции есть только одно оружие борьбы: воспитание и пропаганда. Когда интеллигенция берется за средства насилия, за террор, она всегда совершает крупнейшую политическую ошибку, дающую самые печальные результаты. Так было и в 1881, и в 1918 году.

Не желая быть непонятым, должен оговориться. Мои слова вовсе не означают, что насилию нет места в общественной жизни. Нет, я не разделяю убеждений толстовцев и думаю, что в настоящем своем состоянии мир погиб бы без насилия. И революции, и войны, и национальные восстания, и организованное государственное насилие необходимы нашему грешному миру. Этой страшной ценой человечество кое-что приобретает, движется по пути к тому строю, когда насилие будет сведено до минимума.

Я хочу только сказать, что насилие не есть и не должно быть оружием интеллигенции. Общественные классы, группы, борющиеся за власть, применяют и будут еще долгое время применять насилие. Их судят по достигнутым ими результатам, в зависимости от того, как отразились действия их на том народном целом, части которого они составляют. Клас-

сы и группы защищают свои интересы, сплошь и рядом отождествляя их с интересами целого. Так ли это или нет. — на это дает ответ только беспристрастный суд истории.

Интеллигенция же по самому существу не может служить интересам какого-либо одного класса, одной группы. Она должна выяснять разнородные интересы и указывать возможные пути их согласования и примирения в интересах целого. Идея компромисса есть по существу идея интеллигентская.

Из моих слов вовсе не вытекает, что я считаю интеллигенцию качественно высшей группой в стране, а еще менее того, что ей должна принадлежать государственная власть. Скорее даже наоборот, чрезмерное обилие представителей интеллигенции среди органов власти расслабляет и обессиливает власть, имеет подчас отрицательные следствия. Все общественные группы имеют свое назначение и, пока они ему отвечают, каждая из них полезна на своем месте. Если уже составлять для настоящего времени таблицу о рангах относительного значения различных классов и общественных групп, то первое место придется отвести во всяком случае не интеллигенции, а земледельцам, добывающим хлеб, без которого не может существовать ни одна общественная группа.

У интеллигенции есть тоже свое назначение, чрезвычайно важное и ответственное, но вовсе не подавляющее своим величием стремления других классов и групп. Интеллигенция призвана выявлять общественное мнение страны, создавать условия для мирного сожительства под одной крышей групп часто с противоречивыми и враждебными интересами. Это общественное мнение ярче всего в наше время выражается прессой. Но опыт учит, что оно склады-

вается и проявляется даже там, где почти не существует никакой печати. Не только высшая, но даже средняя школа, церковная кафедра, всякие собрания, даже частные встречи и разговоры людей — все это служит каналами, по которым ручейки отдельных взглядов сливаются в реку общественного мнения. Интеллигенция не создает общественного мнения. Оно создается из взаимоотношений людей различных общественных групп. Но интеллигенция его осмысливает, оформливает, осознает и выражает. <...>

В огромных процессах социальных и политических передвижек роль интеллигенции, конечно, не велика, особенно в сравнении с такими социальными силами, как крестьянство или пролетариат. Когда господствующие классы и группы оказались не в силах обеспечить эволюционное развитие страны и разразилась революция, естественно, что интеллигенция должна была отойти на задний план. Но когда революционная передвижка социальных сил приостанавливается, начинается эволюционное течение процесса и устанавливается, некое новое, хотя бы и колеблющееся, равновесие, роль интеллигенции снова становится серьезной и ответственной. Опять приходится говорить не о правах и привилегиях интеллигенции, а об ее обязанностях.

Интеллигенция все-таки владеет знаниями и ее основная обязанность распространять их в народе. Ее роль — учительская и учить она должна тому, что способствует людям в наиболее разумном и справедливом устроении их жизни. <...>

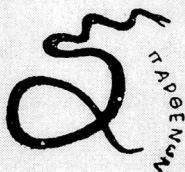
Интеллигенция — полезная и необходимая в настоящее время группа умственных работников, призванных к очень важному делу. Ни в коем случае она не должна быть оторвана от социальных сил, созда-

« ПАРΘΕΝΟΝ »

Сборник Первый

РЕДАКТОР: А. Л. Волюнский

Авторы: Анна Ахматова. Е. М. Браудо. Д. И. Выгодский.
А. Г. Горюфельд. М. Л. Гофман. А. С. Изгоев. Р. М. Кантор.
С. Ф. Ольденбург. А. В. Самойлович. А. А. Фет (письма).
Мариэтта Шагинян. С. Я. Штрайх

« ПАРΘΕΝΟΝ »
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1922

ющих материальную основу жизни. Но призвание ее не сводится к простому обслуживанию интересов того или иного класса, а к пропаганде в стране таких условий быта, которые, удовлетворяя все законные интересы, обеспечивали бы наибольшее процветание целого.

Если уничтожение классов, т. е. замена всех их одним, оказалось в данное время неосуществимым, то тем самым оправдана и признана эта основная задача интеллигенции. Никакой закон, никакое право не может созидаться на принципе *homo homini lupus est* («человек человеку волк»).

На волчьем положении совместная жизнь разных социальных групп немыслима. Надо строить отношения человеческие.

Парфенон. 1922. № 1. С. 32–39.

■ Б. Д. БРУЦКУС: «... НАУЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ... ТЕОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОЯ ДО СИХ ПОР НЕ РАЗРАБОТАЛ»

*Из статьи «Марксизм и проблема социалистического народного хозяйства», написанной в период
военного коммунизма*

1922 г.

Историю развития социалистических учений обычно делят на два периода – утопического и научного социализма. Это подразделение следует признать несколько резким: можно указать на ученые элементы в т. наз. утопическом социализме и ненаучные – в т. наз. научном социализме. Но в основе это подразделение все же правильно. Грань между обоими периодами положена трудами величайшего

политического деятеля и мыслителя социализма – Карла Маркса. Маркс попытался понять социально-экономические процессы, исходя из идеи эволюции, и этот принцип оказался в общественных науках столь же плодотворным, как и во всех других областях знания. Во второй половине истекшего века марксизм завоевал безусловную гегемонию в социалистическом движении: и в настоящее время именно он является доктриной революционного пролетариата. Марксизм положен в основу программы и русской коммунистической партии.

Утопические социалисты представляли себе, что социалистический строй возникнет в результате инициативы, уверовавших в его блага, небольших общественных групп, которые своей вдохновленной деятельностью увлекут все остальное общество. В противоположность такому пониманию эволюции общественных явлений, Маркс утверждал, что социально-экономические явления развиваются стихийно. Но объективное исследование эволюции капитализма, по мнению Маркса, приводит к тому непреложному выводу, что этот строй неотвратимо стремится к собственной гибели, что в недрах его развиваются элементы нового строя – социалистического. Очередной задачей своей эпохи Маркс считал не создание небольших общественных ячеек на социалистических основах, а прояснение сознания и организацию пролетариата, как класса, призванного в определенный момент социально-экономической эволюции, – в момент конечного кризиса капитализма, – взять в свои руки перестройку всего общества в целом на социалистических основах.

В связи с этим менялось и самое содержание социалистических учений. В то время, как утопичес-

кие социалисты на первом плане ставили задачу конструирования нового общества, научный социализм концентрировал свое внимание, главным образом, на критическом исследовании современной системы народного хозяйства и на выяснении ее эволюции. Последняя уже предreshала некоторые основы будущего социалистического общества, но разработкой задачи систематического его конструирования Маркс не занимался.

Последователи Маркса точно также не уделяли последней задаче своего внимания. <...>

Совершившийся в России социальный переворот, казалось бы, поставил ребром перед русскими ортодоксальными социалистами задачу конструирования социализма, как положительного учения. Но и русская социалистическая литература пока не сумела в этом направлении ничего сделать. Выдающийся теоретик большевизма, Н. Бухарин, в своей «Экономике переходного времени» ограничился утверждением старого положения социализма, что категории капиталистического строя при социализме теряют свое значение, но он не попытался выяснить, какие же категории будут регулировать производство и потребление при новом строе. <...>

Таким образом, приходится с полной определенностью констатировать поразительный факт: научный социализм, целиком поглощенный критикой капиталистического строя, теории социалистического строя до сих пор не разработал.

Между тем от разработки такой теории марксизм не имел достаточных оснований отказываться. Поставив во главу угла принцип эволюции, Маркс тем не менее не перестал быть революционером. В известном споре между К. Каутским и В. И. Лениным о

том, предусматривает ли Маркс превращение капиталистического общества в социалистическое в форме медленного процесса, слагающегося из ряда частичных реформ, как полагает первый, или в форме единовременного переворота, как полагает второй, мы решительно должны стать на точку зрения В. И. Ленина. <...> Признаваемая Марксом, диалектическая схема эволюции Гегеля с ее постепенным нарастанием количественных изменений под старыми формами, как раз постулирует революционные взрывы, которые выявляют, совершившиеся вследствие накопления количественных изменений, качественные изменения социальной материи.

Очень часто Маркс сравнивает рождение нового общества с физиологическим актом родов. Примем эту аналогию и попытаемся сделать из нее надлежащие выводы. Ребенок рождается только тогда, когда все его органы во чреве матери уже сформировались: тем не менее его рождение не есть только механический акт, — он связан с глубокой трансформацией всей физиологии выброшенного на свет Божий существа. Для жизни в новой среде ребенок должен совершать совершенно новые физиологические акты дыхания и сосания, и эти акты возникают инстинктивно. Аналогичные явления должны иметь место и при рождении нового социального строя. Ищущий прибыли предприниматель, который до того приводил в движение весь экономический механизм общества, исчезает. В хозяйственной жизни должны появиться новые стимулирующие двигатели. Но... общество все-таки не организм, и направляющие инстинкты в нем не действуют. Те новые акты, которые возникают в организме инстинктивно, должны быть в обществе предварительно осознаны его руководящими кругами. <...>

Тот факт, что социализм, как положительное учение, остался в марксизме не разработанным, мы не можем себе объяснить только тем, что у марксистов не было смелости браться за решение такой проблемы, которая осталась неразрешенной самим Марксом. Для практической задачи, которую Маркс ставил себе в первую очередь, — для организации единого, интернационального рабочего движения — углубленная разработка теории социалистического хозяйства не была безусловно необходимой. Для того, чтобы организовать пролетариат на борьбу против капитализма, достаточно было критически выявить отрицательные стороны капитализма и противопоставить ему социализм лишь в самых общих, заманчивых контурах. Но ведь социально-экономическая эволюция после Маркса шла вперед, и вопрос о социальном перевороте и о творчестве нового строя с течением времени становился все более актуальным. К этому моменту надо было готовиться, и то, что марксисты в этом отношении оказались не подготовленными, не может не иметь отрицательных последствий для социалистического движения. В настоящий момент, когда, в связи с последствиями небывалой по своей разрушительной силе мировой войны, вся экономическая жизнь передовых стран оказывается глубоко дезорганизованной, и капитализм переживает такой кризис, какого он еще никогда не переживал, отрицательные результаты подобного состояния социалистической доктрины не могли не выявиться. Вожди западного социализма совершенно неожиданно оказались призванными от перманентной оппозиции к власти. И вот, не имея разработанного плана нового общества, старые вожди западно-европейского социализма, в полном сознании тяжелой ответ-

ственности перед руководимым им рабочим классом, уже не решаются призывать их к социальной революции. У них ослабела вера в то, что социализм окажется в силах в данных трудных условиях уврачевать тяжелые недуги экономической действительности. Даже в своих реформистских проектах они не проявляют большой решительности в постоянном опасении окончательной дезорганизации и без того расстроенной экономической жизни. Наоборот, держащие в руках власть, русские социалисты будучи более строгими последователями марксистской доктрины и будучи по своей психологии более смелыми и решительными, после социального переворота вынуждены переходить от эксперимента к эксперименту в такой момент, когда, ввиду совершенно критического положения народного хозяйства, следовало бы действовать наверняка. <...>

Экономист. 1922. № 1. С. 48–51.

■ **«...ТОЛЬКО НЕЗАВИСИМАЯ ПРЕССА...
ВСЕГО НАДЕЖНЕЕ ГАРАНТИРУЕТ
ОХРАНУ ИДЕАЛЬНЫХ И РЕАЛЬНЫХ
ИНТЕРЕСОВ ЛИЦА»**

*Из передовой статьи «Старый год»
журнала «Летопись Дома литераторов»*

1922 г.

...Наша «Летопись» есть журнал литературы, а не политики. Мы и хотели бы по случаю новогодья говорить исключительно о литературе и о писателях. Но как отделить литературу от жизни, ее порождающей? Как вырвать писателя от того общества, среди которого он живет?..

Что касается собственно литературы, то ее вовсе

не существовало в прошлом январе. Уцелели отдельные писатели, сохранились писательские объединения, но литературы все-таки не было. Ибо литература есть непрерывная живая традиция, для поддержания которой нужен постоянный, сплошной поток книг, брошюр, журнальных и газетных листов. И поток этот вдруг иссякнул. На ту пору почти все литераторы служили или читали лекции из-за куска хлеба. Очень немногие из них пробовали писать, отрываясь для этого от «дела». Но занимались они этим больше для своего нравственного удовлетворения, да в смутной надежде на будущее. В настоящем, для них, за единичными исключениями, не было никакой возможности удостоиться напечатания. Свирепствовал бумажный голод. Главбум, Правбум и прочие подлежащие учреждения оказывались бессильными в борьбе с этим злом.

Прошел год и все стало на свои рельсы. Правда, жить литературой еще нельзя. Но для всех ясно, что это явление временное, преходящее. Во всяком случае явилась возможность писать не только для письменного стола, но и для типографии. Хотя бумажный голод царит по старому, однако многие десятки новых книг выброшены на рынок. А объявления издательских фирм пестреют заглавиями сочинений, готовых появиться в ближайшем будущем...

В один из последних дней старого года на Всероссийском Съезде Советов в Москве, громко прозвучали слова о твердых, законных гарантиях для личности и собственности. Нужно ли говорить, что удовлетворительное разрешение подобной задачи будет встречено приветствиями всех мыслящих и сознательных элементов России. Но на страницах специального литературного журнала подобает на-

помнить об одном необходимом дополнении названных гарантий.

Действительное обеспечение имущественных и личных прав достигается сложным взаимодействием административных, законодательных и судебных учреждений. Однако, никакие учреждения не достигнут этой цели без реального общественного контроля, которого наилучшим и самым чувствительным органом всегда являлась ежедневная печать. Не представительные собрания, какое бы имя они ни носили, и не государственная прокуратура, хотя бы вооруженная наилучшими законами и одушевленная лучшими намерениями, — а только независимая пресса, смелая сознанием своего права, всего надежнее гарантирует охрану идеальных и реальных интересов лица. Заменить ее в этом отношении нельзя никакими суррогатами.

Мы не теряем надежды, что в наступившем новом году эта истина дождется признания.

Летопись Дома литераторов. М., 1922. С. 1–2.

Этюд второй

ИЗВОЛЬТЕ БЫТЬ БЛАГОНАДЕЖНЫ

Взаимоотношения власти и интеллигенции России в 20-е гг. рассматриваются, как правило, упрощенно, последняя изображается в литературе практически только как жертва.

Да, отношения складывались трудно и принимали болезненный для дооктябрьской интеллигенции характер. Вместе с тем известно, что власти звали ученых к сотрудничеству: открывались новые учебные заведения и научные учреждения, оказывалась возможная помощь деятелям культуры, науки и техники, которые особенно страдали от голода в условиях перехода к рыночным отношениям.

Известны многочисленные обращения Академии наук и профессуры вузов в Совнарком о необходимости принятия срочных мер для спасения жизни ученых и их семей. В публикации И. Ревякиной и И. Селезневой рассказывается об одном из таких обращений к Троцкому, которое он сразу же переслал Ленину: «4 ноября 1921 г. Народный комиссар по военным и морским делам. В[ладимир] И[льич], по-видимому, ученым нашим действительно грозит вымирание под флагом “нового курса”. Надо выделить группу *действительных ученых* и обеспечить

их академическим пайком и повышенным окладом. Если перемрут, придется долго восстанавливать “преемственность”. Прилагаю записку Марра и Вернадского. Ваш Троцкий» (курсив автора цитаты. — М. Г.)¹.

Этой записке был дан ход. После 4 ноября 1921 г. нарком просвещения А. В. Луначарский сообщил управляющему делами СНК Н. П. Горбунову, что 4 миллиарда для петербургских ученых полностью отпущены. «Больным и истощенным, — писал Луначарский, — мы с удовольствием будем предоставлять посменный отпуск за границу, но обращаем Ваше внимание, что будем стеснены в двух отношениях: в отношении субсидий валютных и в отношении ограничений со стороны органов ЧК. В том и другом случае крайне полезна была бы поддержка председателя Совета Народных Комиссаров»².

К сожалению, власти не отказались и от репрессий в отношении интеллигенции, особенно когда в 1921–1922 гг. возросла ее общественная активность.

Имеется немало документов о том, что в политике руководителей партии большевиков просматриваются две линии. Во-первых, они постоянно говорили (и делали это), что будут поддерживать те группы интеллигенции, которые готовы безоговорочно сотрудничать с властью Советов. Во-вторых, предупреждали людей интеллектуального труда, что не допустят существования оппозиции, что свобода творчества возможна только в «рамках нашего режима». Наиболее ясно это выразил Ленин. Выступая весной 1921 г. на XI съезде РКП(б) он, в частности, заявил,

¹ Ревякина И., Селезнева И. Четыре миллиарда рублей ученым Петрограда // Вестн. РАН. 1994. Т. 64, № 12. С. 1103.

² Там же. С. 1104.

обращаясь к критикам Октябрьской революции: «...потрудитесь от высказывания ваших взглядов воздержаться...». Когда произносишь эти слова, невольно возникает ассоциация, связанная с названием книги Т. П. Коржихиной «Извольте быть благонадежны». Приведу один отрывок из нее: «31 октября 1765 г. обнародован указ императрицы Екатерины II, позволявший 15 гражданам России объединиться в “Вольное экономическое общество”».

Именно с этого законодательного акта принято говорить об истории российской общественности.

На несколько столетий указ определил меру политической несвободы подданных огромной империи, далеко разведя такие понятия, как Россия и демократия. Именно этот акт впервые упорядочил отношения между государством и общественностью, установив разрешительный нормативный режим создания обществ и союзов, загоняя социальную и политическую активность граждан отечества в прокрустово ложе заключительной фразы указа: «Извольте быть благонадежны»!¹

Документ очень любопытный. С одной стороны, «дозволяется» создание «Вольного экономического общества», а с другой – законодательно устанавливается, что нормой поведения всего общества должна быть благонадежность. Нельзя не заметить сходство слов Ленина и Указа, хотя, если вести отсчет с 1765 г., их разделяет более 150 лет. Таким образом, что при императрице Екатерине, что при большевиках, государство хотело иметь законопослушных граждан.

И все же отдельные группы интеллигенции счи-

---

¹ Коржихина Т. П. «Извольте быть благонадежны». М., 1997.

тали возможным требовать автономии высшей школы, ставить вопрос о «свободном обмене идей по любому вопросу», выражать в печати свои взгляды, которые не совпадали с навязываемой властями идеологией.

Нередко в литературе можно встретить утверждение, что тоталитарный режим означает полное подчинение государством общества, всех сфер жизни людей. Однако установить полный контроль над умами еще не удавалось никому. Не было этого и в период существования СССР, тем более в 20-е гг. Как справедливо отмечают К. Аймермахер и Г. Бордюгов, «на протяжении фазы большевизации и огосударствления культуры власть стремилась контролировать культуру и информационное пространство с помощью сменявших друг друга методов. На фазе ослабления старого централистского управления культурой и ее функционализации, когда имело место отвоевание хотя бы частичной автономии отдельных областей культуры и информации, наблюдались прежде всего попытки общественности уклониться от ограничений и контроля, для чего она творчески использовала имевшиеся свободные, не полностью контролируемые государством и его аппаратом управления пространства. В таких случаях начиналось противодействие единой и унифицированной культурной политике, и это происходило, несмотря на преемственность основных идеологических стереотипов руководства культурой, от которых власть никогда публично не отказывалась»¹.

Частичная автономия отдельных областей культуры и информации, отвоеванная обществен-

¹ Аймермахер К., Бордюгов Г. Культура и власть // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. М., 2002. С. 10.

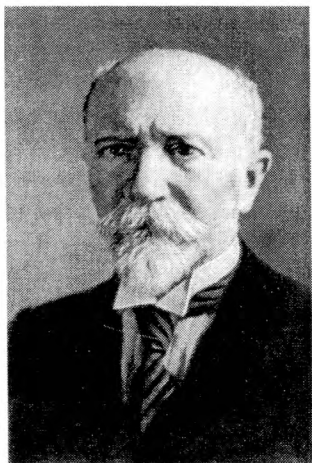
ностью, — характерная черта первых лет нэпа. Происходит заметное оживление издательской деятельности, в том числе частных издательств. К 1922 г. в Москве и Петрограде их насчитывается уже более 200. Появляются новые книги и журналы, на страницах которых не редкость инакомыслие и разномыслие.

С. Л. Франк

Установлению духовно-мировоззренческой монополии большевистской партии препятствовали прежде всего небольшие партии, а также ученые-обществоведы, в большинстве своем — дооктябрьская интеллигенция.

Исследователи единодушны в том, что противодействие марксистскому мировоззрению проявлялось в наибольшей степени в области философии. Еще в 1918 г. Н. А. Бердяевым была организована в Москве Вольная академия духовной культуры с философско-гуманитарным факультетом. В течение нескольких лет он читал здесь лекции по философии истории, Б. П. Вышеславцев — по этике, С. Л. Франк — по введению в философию, Ф. А. Степун — курс лекций о соотношении жизни и творчества, Ю. И. Айхенвальд — по истории русской литературы и т. д.

Н. О. Лосский

В следующем году в Петрограде создается Вольная философская ассоциация, учредителями которой были Н. О. Лосский, А. А. Блок и др. Ее отделения – Вольфилы – появляются и в других городах. Под руководством Н. И. Кареева и при активном сотрудничестве П. А. Сорокина в северной столице оживает социологическое общество, при Петроградском универси-

тете возрождается Философское общество, издающее журнал «Мысль».

В 1922 г. вышли в свет работы Н. О. Лосского «Интуитивная философия Бергсона», «Современный витализм»; С. Л. Франка «Очерк методологии общественных наук», «Введение в философию в сжатом изложении»; Л. П. Карсавина «Восток, Запад и русская идея»; П. А. Сорокина «Голод как фактор», «Милитаризм и Коммунизм» и др.

Как верно заметил И. Е. Казанин, монопольному утверждению коммунистической идеологии в обществе мешала общественная и преподавательская деятельность ученых-обществоведов, стоявших на идеологически несовместимых с властью позициях. Они формулировали для интеллигенции и молодежи идеологические ориентиры, которые, по их мнению, должны быть положены в основу профессиональной

и политической деятельности¹. И. Е. Казанин не называет имена. Но очевидно, что это было характерно для творчества таких ученых, как П. А. Сорокин, Н. О. Лосский, Л. П. Карсавин, Н. А. Бердяев, А. А. Кизеветтер и др. Их выступления собирали большие аудитории, вызывали живой интерес общественности. Вот что писал об этом Н. А. Бердяев позднее: «Я читал лекции по философии истории и философии религии, а также вел семинар о Достоевском. Мои лекции и семинар послужили основой для моих книг. Посещаемость моих лекций и семинара была хорошая. Бывали и коммунисты. В первом ряду обыкновенно сидел молодой человек, который был несомненно агентом Чека. Я говорил всегда свободно, нисколько не маскируя свои мысли. Так же свободны были прения после публичных докладов. Особенный успех имели публичные доклады в последний год. На трех докладах (о книге Шпенглера, о магии, мой доклад о теософии) было такое необычайное скопление народа, что стояла толпа на улице, была запружена лестница, и я с трудом проник в помещение и должен был объяснить, что я председатель. Однажды в качестве председателя я во время доклада получил записку от администрации женских курсов, что может провалиться пол от слишком большого скопления людей. При этом нужно сказать, что никаких объявлений в газетах мы не делали и о собраниях обыкновенно узнавалось на предшествующем собрании или через Лавку писателей. Была большая умственная жажда, потребность в свободной мысли»².

¹ См.: *Казанин И. Е.* Забытое будущее: советская власть и российская интеллигенция в первое послеоктябрьское десятилетие. Волгоград, 2001. С. 127.

² *Бердяев Н. А.* Указ. соч. С. 238.

Свободную мысль содержали и лекции П. А. Сорокина.

21 февраля 1922 г., выступая на торжественном собрании перед студентами в честь 103-й годовщины образования Петербургского университета, профессор П. А. Сорокин призвал слушателей заняться возрождением Отечества, которое лежит в развалинах в результате войны и революции: «Первое, что вы должны взять с собой в дорогу, – это знания, это чистую науку, обязательную для всех. Но не берите суррогатов науки, так ловко подделанных под нее псевдознаний, заблуждений, то “буржуазных”, то “пролетарских”, которые в изобилии предлагают вам тьмы фальсификаторов...». Ученый предупреждал, что насилие никогда не проходило даром ни для победителя, ни для побежденного.

Вот как сам П. А. Сорокин описал реакцию на его лекцию: «Годовщина основания университета была отмечена впечатляющим торжественным собранием. Около пяти тысяч профессоров и студентов университета, а также гости из других вузов Петрограда присутствовали на этом собрании. После того как бывший ректор Шимкевич зачитал приветственный адрес, выступил я. <...> На следующий день коммунистические газеты остервенело набросились на меня, но это привело лишь к тому, что моя речь разошлась по всей стране и встретила самое восторженное отношение. В то время нападки на коммунистов неизменно срывали овации».

Естественно, что все это вызывало обеспокоенность властей, заставляло их активизировать охранительные действия.

Как отмечает Инго Грабовски, «в западной и российской историографии последних лет воцарилось

полное согласие с тем, что в 20-х годах в советском государстве была построена система всеохватывающего идеологического контроля»¹⁶. В этом прочитывается, по его мнению, стремление увидеть в политике большевиков уже с начала 20-х гг. «красную нить», состоявшую не только в том, чтобы централизованно управлять культурой и искусством, но и направлять их к определенной цели. Многие материалы, считает автор, и прежде всего высказывания самих большевистских политиков, дают основания говорить об этом как об осознанном *намерении*.

Изучение источников (материалы печати, документы центральных архивов) позволило Инго Грабовски сделать вывод, что «до мая 1923 г. никакой координированной, т. е. проводимой соответствующим аппаратом, литературной политики не существовало. Действия партии происходили прежде всего по личной инициативе отдельных членов Политбюро и, как правило, не были частью какого-то определенного плана (это ничуть не мешало этим действиям быть весьма значимыми)»¹⁷.

Практика подтверждает такой вывод. Действительно, лидеры большевиков В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Н. И. Бухарин и другие мгновенно реагировали на те или иные события, привлекали к ним внимание своими речами на митингах и съездах, выступлениями в печати. Особенно ярко это проявлялось, когда вопрос касался взаимоотношений интеллигенции и власти, когда определялась политика по отношению к инакомыслящим.

---

¹⁶ Грабовски И. «Контроль и руководство»: литературная политика советской партийной бюрократии в 1920-е годы // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. М., 2002. С. 17.

¹⁷ Там же. С. 18.

Идею высылки мало было изобрести. Надо было ее теоретически обосновать, сделать достоянием руководителей центральных партийных органов, правительства. Практически все исследователи обращают внимание на ту важную роль, которую сыграли в этом ленинские документы. Если выстроить их по хронологии, то получается следующая картина.

5 марта 1922 г.

После ознакомления с книгой «Освальд Шпенглер и закат Европы», выпущенной Бердяевым, Букшпаном, Степуном и Франком, В. И. Ленин пишет секретарю Совнаркома: «Секретно. Т. Горбунов! О прилагаемой книге я хотел поговорить с Уншлихтом. По-моему, это похоже на “литературное прикрытие белогвардейской организации”. Поговорите с Уншлихтом не по телефону, и пусть он мне напишет секретно, а книгу вернет. Ленин»¹.

10 мая, когда отмечался 10-летний юбилей «Правды», Ленин вновь возвращается к указанному сборнику.

12 марта 1922 г.

Написана программная статья «О значении воинствующего материализма» (опубликована в журнале «Под знаменем марксизма», № 3), в которой Ленин критикует коллектив журнала «Экономист», настаивает на необходимости «систематической, наступательной борьбы с буржуазной идеологией, с философской реакцией, со всеми видами идеализма и мистики», объявляет эту борьбу «первенствующей обязанностью коммуниста». Коллектив журнала «Экономист», и в первую очередь его автор профессор П. А. Сорокин, характеризуются как современ-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 198.

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР
и
ЗАКАТ ЕВРОПЫ

Н. А. БЕРДЯЕВ
Я. М. БУКШПАН
Ф. А. СТЕПУН
С. Л. ФРАНК

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„БЕРЕГ“
МОСКВА. — 1922.

ные крепостники, прикрывающиеся мантией научности и демократизма.

В этой статье, видимо, впервые прозвучала мысль о высылке: «Марксистскому журналу придется вести войну и против подобных современных „образованных» крепостников. Вероятно, немалая их часть получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, хотя для этой цели они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста. Рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею еще не научился, ибо в противном случае, он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливенько препроводил в страны буржуазной „демократии”. Там подобным крепостникам самое настоящее место»¹.

15 мая 1922 г.

Письмо наркомму юстиции Д. И. Курскому, в котором предлагается дополнить Уголовный кодекс правом «замены расстрела высылкой за границу по решению президиума ВЦИКА (на срок или бессрочно)», а также «добавить расстрел за неразрешенное возвращение из-за границы». И далее: «Т. Курский! По-моему, надо расширить применение расстрела (с заменой высылки за границу!)»².

19 мая 1922 г.

Письмо В. И. Ленина Ф. Э. Дзержинскому: «Т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее. Без под-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 23-33.

² Там же. С. 189.

готовки мы наглушим.
<...> Надо поставить
дело так, чтобы этих
“военных шпионов” из-
ловить и излавливать
постоянно и системати-
чески и высылать за гра-
ницу...»¹.

21–22 мая 1922 г.

В. И. Ленин знако-
мится с запиской нарко-
ма здравоохранения
Н. А. Семашко, в которой
говорится о важных и
опасных течениях в ме-
дицинской среде, необхо-

В. И. Ленин

димости «провести, по согласованию с ГПУ, “изъятие”
верхушки врачей-меньшевиков и эсеров»; пишет Ста-
лину письмо, в котором предлагает показать записку
«Дзержинскому и всем членам Политбюро и поручить
Дзержинскому (ГПУ) при помощи Семашко вырабо-
тать план мер и доложить Политбюро»².

Перечень подобных ленинских указаний и дру-
гих нормативных документов, касающихся высыл-
ки, можно продолжить. Предлагаю вдуматься в эту
цепочку идейно-политических установок, Л. А. Ко-
ган заключает: «Не выстраивается ли она в единую
причинно-следственную событийную линию? Не
просматривается ли за ней нарастающая несовмес-
тимость тоталитаризма и свободы, его страх перед
свободой?»³

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 265–266.

² Там же. С. 270.

³ Коган Л. А. Указ. соч. С. 65.

Как справедливо отмечают исследователи, указанные документы стали важным звеном в принятии решения о высылке. Уже в мае была начата работа по подготовке списков кандидатов на изгнание.

Большой резонанс вызывали и выступления Л. Д. Троцкого. Читатель поймет мое желание остановиться подробнее на одном из них.

2 июня 1922 г. в газете «Правда» была опубликована статья «Диктатура, где твой хлыст?». Поводом для ее появления послужил выход в свет сборника очерков известного литературного критика Ю. Айхенвальда «Поэты и поэтессы». Автор статьи укрывался за псевдонимом «О».

Эта газетная публикация стала своего рода знаковым событием в осуществлении акции, задуманной руководителями большевистской партии: высылке инакомыслящих из Советской России.

Над разгадкой таинственного «О» бились многие исследователи. Историк М. Геллер в статье «Первое предостережение – удар хлыстом» отмечал, что так иногда подписывался М. Ольминский, а В. Воровский использовал псевдоним «Орловский». Но он же полагал, что «серьезных оснований для приписывания им авторства статьи нет»¹. Высказывалось и предположение, что статья могла принадлежать Г. Е. Зиновьеву.

Заслуживает внимания свидетельство внука Ю. Айхенвальда Юрия: «В нашей семье знали, – писал он в материале, опубликованном в газете “Московские новости” 1 июля 1990 г., – что под псевдонимом “О”, которым была подписана статья “Дик-

---

¹ Геллер М. С. Указ. соч. С. 66.

Laridius

хлеба?

(other several)
 The author has a positive
 religious conviction of
 the great value of a
 nation, the support and
 maintenance of the
 state church of England
 he thinks less than
 necessary and that
 he is a great one to
 have chosen to write
 this, however, for
 the sake of the
 cause of
 the oppressed
 and the
 oppressed
 and the oppressed.

Мы всегда знали, что философия чистого искусства, как и само чистое искусство, есть дождь. Или вернее: ~~не~~ ^{и само} в ~~самом~~ искусстве социальные корни и политические вли-
яния иногда так бесформенны, так смутны, так отдалены, что ~~литературная социальная критика~~ ^{литературная социальная критика} ~~далеко~~ ^{далеко} ~~отстоит~~ ^{отстоит} ~~от~~ ^{от} ~~них~~ ^{от них} ~~и~~ ^и ~~не~~ ^{не} ~~доберется~~ ^{доберется} ~~до~~ ^{до} ~~самого~~ ^{самого} ~~поэту~~ ^{поэту}. Но фило-
софия чистого искусства, и литературная критика, стоящие пол-
ным ~~на~~ ^{на} знаком, всегда и неизменно обнаруживали солидные уши
редакции. И уши эти отдалались только ^{в редкие периоды} ~~только~~ ^{только} ~~длинно~~.

У господина Е. Ахенвальда уши длинны непомерной, и первое впечатление от его книги - это удивление: ^(какая же тонкая, изящная, легкая) ~~не померная~~ ^{как это может быть?)} как это советский русский написал бумага, шрифт и типографские чернила для того, чтобы дать отражение длинной ^{статье только} ~~уши~~ ^(в книге) Ахенвальдовского искусства.^{*)} Мы здесь не литературную критику или антикритику пишем. Мы ставим чисто политический вопрос.

Или вернее - мы совсем коополитическому ответу.

Или вернее - маловое колоссальнейшему ответу.
~~Маленькая~~ ^{# 1 А. Кавендаш} Анника ^{на достижимой стороне страны}, навстречу
 пропитана гнилой, гнойной, трусливо-преисмущающейся ненавистью
 к Октябрью и к России, какой она вышла из Октября. ~~Взрещ~~ ^(ей) чи-
 стого жоксуства, ~~подходит~~ ^{подходит} к поэтам и к
 поэтессам, прежде всего, с той бескорыстной эстетической
 целью, чтобы найти у них чуть-чуть замаскированный булзник,
 которым можно было бы запустить в глаз для в висок рабочей
 революции. Господин Аженвад начинает медалека. Мы ~~уже~~ ^{успели}
 ради об ~~этом~~ ^{этом} улах; это дает ~~достаточно~~ ^{основание} фунда-
 менту, что у него имеются и другие соответствующие аттрибуты.
 И мы действительно видим, как ~~он~~ ^{они} ~~многократно~~ ^{многократно} он многократом

х/ Д.Ахенвальд. "Поэты и повести". Северные дни". Москва, 1922 год.

белого офицера и художника-дворянина, поднявшего меч за
своего царя. Это не значит, что Айхенвальд готов встать с
ними в общий ряд. ^{У, как!} Он вне политики, в том смысле, что он ^{судя по всему} хочет
быть вне ее опасности. Он благоговейно перед красотой
война-дворянина и хотел бы всегда оставаться при нем в роли
литературного приживала. ^{но русский не тот победитель} Это философский, эстетический, ли-
тературный, ^{расчетливый} блудливая, то-есть ~~трус~~ ^{трус} и дрянный. Во внутренних
борениях трусости с наложкой он не успевает в свое время ~~дана~~ ^{победить}
бежать. ^{и при этом, рассудив} Пять лет он накоплял свой гной низверженного прижи-
вала. А теперь Нзпу открыл швыры ~~дана~~ его творчества. И он
осмелел. И он вынес в литературу свои длинные уши, свои
эстетические копыта и скрип своих изъеденных ^{латин} панталон.
У диктатуры не нашлось в свое время для ~~этого~~ ^{потому что} эстетиче-
~~ского~~ ^{он не один} свободного удара ^{конец в убавлении} ~~механи~~. Но у нее, у дикта-
туры, есть в запасе хлыст, и ^{и еще боржес, и еще диктатура} этим хлыстом ^{и еще} заставит
Айхенвальдов убраться в тот лагерь ^{в лагерь}, к которому они
принадлежат по праву ^{всех} со своей эстетикой и своей ре-
лигией.

T.

31 мая 1922 г.

^(вспомните Велю)
Старый мир был родовой, в этом Ви-
кенвалд ^(полюбили) ~~убил~~. Но предвидая, ^{вспомните} ~~вспомните~~
одеяние и ~~заметил~~ ^{заметил} старого мира в ~~убав-~~
тай Вспомните - безродные пси. В этом Велю-
летно прав Блок. Безродные пси - ~~идея~~
непобедим на пси, и на десятилетия
перепутан с буржуазной второй и на все Канн-
ские пункты, безродная пси!

Кравца, 2 июня 1922 года
№ 121.

Фотокопия последней страницы рукописи

татура, где твой хлыст?», скрывался именно Троцкий». Такую версию принял и С. С. Хоружий¹.

Однако прямых доказательств до последнего времени не предъявлялось. Разгадка отыскивалась недавно.

В фонде № 325 «Л. Д. Троцкий» Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) сохранился черновик этой статьи – машинописный текст, собственноручно выправленный автором перед тем, как отправить материал в печать². Держу в руках несколько страниц, испещренных многочисленными исправлениями. Правка была серьезной: вставки (иногда это целые абзацы), вычеркивания, уточнения, сделанные тонким пером, характерным, мелким, даже изящным почерком.

В первую очередь был изменен заголовок. Первоначально статья называлась «Диктатура, где твой бич?» Но теперь «бич» жирно вычеркнут, сверху вписано: «хлыст». Важная деталь! «Хлыст» – и резче, и унижительнее. Но главное – подпись. Вместо нее под материалом стоит всего одна буква, но это уже (хотя точнее было бы сказать: еще) не буква «О», – это четко, с нажимом выписанное, почти плакатное «Т». И почерк, и буква не оставляют сомнений – статья написана Львом Троцким. В черновике указана и дата: 31 мая 1922 г. А вверху наспех, размашисто, уже карандашом – указание, по-видимому, секретарю: «Внимательно переписать и просмотреть» и торопливый росчерк: «Т» с недописанным «р».

¹ См.: Хоружий С. С. Указ. соч. С. 196.

² РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 305, л. 1–5.

Но почему же все-таки «О», а не «Т», как подписался сам автор в черновике статьи? Рискну предположить, что Н. И. Бухарин, бывший в то время редактором «Правды», решил не привлекать внимания к имени председателя Реввоенсовета республики. Зная Троцкого, современникам не составило бы большого труда расшифровать его слишком прозрачный псевдоним. И вот вместо «Т» появляется «О». Что, в принципе, не играло особой роли.

Чем же так насолил литературный критик Ю. Айхенвальд члену Политбюро ЦК РКП(б)? Как отразилась на его судьбе вышеупомянутая статья?

...Юлий Исаевич родился в 1872 г. в семье популярного одесского раввина. Учился в Ришельевской гимназии, окончил Новороссийский университет, удостоившись медали за сочинение о Лейбнице и Локке. Наличие высшего образования позволяло получить вид на жительство в Москве. Преподавание в университете Шанявского и на Высших женских курсах, выступления с публичными лекциями в столице и других городах успешно сочетались с литературной деятельностью. Имя молодого автора приобретало все большую известность в литературных и читательских кругах: к 1917 г. им написано пятнадцать книг и брошюр. Среди них «Виктор Гюго как поэт семьи и детей» (1898), «Валерий Брюсов» (1902), «Пушкин» (1908), «Отдельные страницы» (1910), «Этюды о западных писателях» (1910), «Спор о Белинском» (1914), «Слово о словах» (1916), «Радищев» (1917)... В эту же пору Серебряного века сложился сборник очерков «Силуэты русских писателей», которые известный современный литературовед

В. Крейд называет главной книгой писателя¹. После выхода в свет в 1906 г. она издавалась снова и снова.

Февральскую революцию Юлий Исаевич встретил восторженно. «Когда величайшая из революций, – писал он в книге “Иго имущества”, – ниспровергнет власть вещей, тогда лишь человечество начнет жить как следует (пока оно только прозябает), тогда лишь воцарится настоящая культура. Не социализм как узкая теория, а социализм углубленный и одухотворенный, понятый как освобождение от ига имущества, как метафизика, идущая против физики, т. е. как крестовый поход против инстинкта собственности, – вот что вдохновляет и обнадеживает в общественной борьбе. И если такой социализм победит, то человека ожидает духовное “завтра”, а только ради него и стоит жить, ради этой светлой манящей даты мирового календаря»². Увы, светлую, манящую дату очень скоро затмили мрачные непроницаемые тучи. Уже в 1918 г. в книге «Наша революция, ее вожди и ведомые» он критически оценивает октябрьский переворот прежде всего за то, что в России «не стало свободы, снова и снова приходится защищать свободу слова, писать о ней». Называет и причину этого трагического явления: «Засилие над разумом и словом, всяческая разруха и опозорение, и опошление революции текут из того мутного источника, который называется большевизмом». И все же вера в светлое завтра не покидает автора: «В насильственное молчание погружена Россия, – но она сокрушит и эти цепи, она загово-

¹ Крейд В. О Юлии Айхенвальде // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Вып. 1. М., 1994. С. 5.

² Айхенвальд Ю. Иго имущества. М., 1917. С. 44–45.

рит, и мы ждем этого решающего слова, мы ждем ее решения. Все уже говорили. Теперь слово за Россией. Надо спасти слово». Слово самого Айхенвальда и пророчит, и уничтожает: «Революция скомпрометирована», «Революция выродилась», «Сила не боится слова, слабость его глушит», «Сила за свободу, слабость за рабство», «Сильному нужны говорящие, слабому бессловесные» и, наконец, совсем уж невероятный совет большевикам: «Власть должна быть смиренна»¹.

Несмотря на то, что тираж быстро разошелся и книга вновь была подготовлена к печати, на переиздание был наложен запрет. Что, впрочем, предсказал и сам Ю. Айхенвальд: «...Но часто попытка сказать слово независимое и вольное, ничем не стесненное встречает отпор со стороны наших новых властей».

Можно не сомневаться в том, что «новые власти» не забыли ни «мутного источника» большевизма, ни «опошления революции», ни всего остального. Однако заняться писателем сразу же, по горячим следам, мешали более неотложные события – шла Гражданская война. Но от того, что оценка его творчества была сделана только через четыре года, в 1922-м, она не стала менее суровой. Только теперь, чтобы высечь известного писателя публично «хлыстом» на страницах органа ЦК РКП(б), уже не нужны были ни его политические эскапады, ни критика режима. Хватило одной маленькой, тоненькой, в 96 страниц, невзрачной книжечки под невинным названием «Поэты и поэтессы» – сборника литературно-критических статей, посвященных поэтам Серебря-

---

¹ Айхенвальд Ю. Наша революция: ее вожди и ведомые. М., 1918. С. 12.

ного века Блоку, Гумилеву, Ахматовой, Шагинян. Впрочем, некоторые критики считают, что таким образом власть отреагировала на «восхваление» Ю. Айхенвальдом расстрелянного большевиками Гумилева. Причина, однако, лежала значительно глубже.

Айхенвальд восхищал современников блестящим литературным стилем, тонкостью и точностью анализа, глубиной проникновения в замысел писателя, умением любоваться художественной формой, если она казалась ему совершенной. Но более всего – свободой и независимостью суждений. Для него существовал один-единственный критерий: собственное эмоциональное восприятие того или иного произведения. О социологической критике он писал: «Наша общественность нас ограбила. Критика сделалась публицистикой»¹. Самому Айхенвальду публицистический, социологический подход к оценке литературного творчества был глубоко чужд. Его главный «инструмент» – эмоционально-чувственное восприятие, умение настраиваться на волну, заинтересовавшего его автора, что дало повод современникам считать Юлия Исаевича критиком-импрессионистом. Порой его статьи вызывали полемику, вокруг них разворачивались споры. Одних не устраивала свобода взглядов, других – резкость характеристик, третьих – то, что четвертых приводило в восторг: своеобразие и яркость стиля. Но его вклад в русскую литературную критику уже тогда был бесспорным, и его нередко называли самым талантливым критиком Серебряного века.

В послеоктябрьской Москве Ю. И. Айхенвальду жилось трудно и голодно. Работа в прав-

---

¹ Криво В. Указ. соч. С. 6.

Ю. И. Айхенвальд

лении Союза писателей, в книжной лавке на Тверской позволяла лишь кое-как сводить концы с концами. Тем не менее он не эмигрировал, не прервал литературную деятельность.

1922 г. ознаменовался дальнейшим укоренением нэпа, разрешением свободной торговли, возрождением частной собствен-

ности. Казалось, неизбежны перемены и в области политики.

Все, будь то искусство, литература или религия, рассматривается в первую очередь с точки зрения политики. И ни глубина, ни литературный блеск, ни индивидуально-чувственное восприятие текста, ни оригинальность концепции критика, ни прочие специфические особенности, которые определяют место произведения в истории литературы, тут ни при чем. Не хотите следовать политической линии – воля ваша, но у диктатуры пролетариата на этот случай всегда найдется хороший хлыст.

И вот пятидесятилетний популярный критик Юлий Исаевич Айхенвальд выбран в мальчики для битья. Л. Троцкий, имевший, кстати, давнюю и прочную репутацию партийного публициста и полемиста, с первых же строк своей статьи расставляет все точки над «і»: «Мы здесь не литературную критику или антикритику собираемся писать. Мы ставим

чисто политический вопрос. Или вернее – мы зовем к политическому ответу»¹.

За что же должен был ответить автор книги «Поэты и поэтессы»? Ну хотя бы за то, что его восприятие поэмы Блока «Двенадцать» не совпадало с официальной оценкой. «Двенадцать героев поэмы, – писал он, – собранные в одну грабительскую шайку, нарисованы как темные и пьяные дикари». И это о революционных массах!

«Зато, – негодует Троцкий, – Айхенвальд с безраздельным восторгом цитирует поэта, который поднял меч против революции (Гумилева. – М. Г.) и от меча погиб», хотя Гумилев, как теперь известно, меч ни на кого не поднимал, в Гражданской войне не участвовал и погиб, по сути, безвинно.

Виноват Ю. Айхенвальд и в том, что «пытается мимоходом лягнуть Брюсова за его «безвкусию». А Брюсова трогать нельзя, ибо «он... не отшатнулся от Октября. Наоборот... он отдал Октябрю сочувствие большого художника». «Но именно поэтому бескорыстный эстет, не успевший в свое время перебежать к Деникину, ненавидит Брюсова всеми источниками своих нагноений», – изошряется неизвестный читателям «О».

Статья поражает не столько отдельными оценками, всегда социально ориентированными, сколько словесной несдержанностью, общим разнузданным тоном, стремлением побольнее уязвить, оскорбить, навесить ярлыки: «Книжка г. Айхенвальда насквозь пропитана трусливо-пресмыкающейся гнилой, гнойной ненавистью к Октябрю и к России...». Айхенвальд «скрежешет проклятия»: «Это философский,

¹ *Троцкий Л. Д.* Диктатура где твой хлыст? // Правда. 1922. 2 июня.

эстетический, литературный, религиозный блюдолиз, то есть мразь и дрянь»; «Пять лет он накапливал свой гной»; «...Он вынес в литературу свои длинные уши, свои эстетические копыта и злобный скрип своих изъеденных пеньков» и т. д. и т. п.

И наконец, главное, ради чего припасла диктатура свой хлыст: «И этим хлыстом пора бы заставить айхенвальдов убраться за черту, в тот лагерь содержания, к которому они принадлежат по праву со всей своей эстетикой и со своей религией»¹.

Итак, смысл и направление дальнейших действий относительно «эстетов» типа Айхенвальда, определены. Их удел – изгнание.

Критические нападки на интеллигенцию велись и в других печатных изданиях.

В журнальных статьях и рецензиях особенно громились представители русского идеализма. Л. А. Коган приводит характерные заглавия: «Ученый мракобес», «Сумерки идеалистической философии», «Наши российские Шпенглеры», «Нострадамусы XX века», «С крестом и богом против материализма», «Философия как служанка богословия» и др. Критики не стеснялись в выражениях. О Карсавине: «у него две категории поклонников: богомольные старухи... и уездные интеллигенты», «всеношное бледение», «галиматья»; о Франке: «за современной философской видимостью Франка сказывается средневековая схоластика»; о Лосском: «необскурантизм», «идеология ретроградства»². Думаю, что можно и ограничиться этими примерами, собранными Л. А. Коганом. Отмечу лишь любопытную деталь.

¹ Правда. 1922. 2 июня.

² Цит по: Коган Л. А. Указ. соч. С. 69.

ЭТЮД ВТОРОЙ

С. Л. Франк.

ОЧЕРК
МЕТОДОЛОГИИ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК.

МОСКВА.— 1922.

Публикуя рецензию на книгу С. Франка «Очерк методологии общественных наук», рецензент обратил внимание на то, что на четвертой странице книги отсиснута издательская марка с изображением скалистого берега, к которому влечется судно с поднятыми парусами, и отметил: «Теперь мы понимаем те облака, которые окружают ту гору, куда влечет нас корабль Франка». Сам того не ведая, он оказался провидцем. Изгнанники действительно будут следовать к чужим берегам морем.

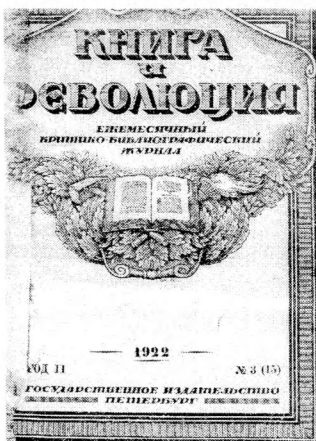
Такого рода критика имела определенную цель и носила заказной характер – требовалось подготовить общественное мнение, найти новый образ врага, к которому было решено отнести интеллигенцию.

Как верно заметил И. З. Штейнберг, в одиночестве находящееся у власти меньшинство «зачисляет в стан своих врагов все большее и большее число людей, групп, слоев, чтобы заставить выполнить его безапелляционную волю. Во всякой революции и создается этот зловещий, страшный образ – “врага революции”, – на который несправедливо вают все ошибки и все страдания ее»¹.

Задачу формирования образа врага и стали выполнять «неистовые хранители» официальной идеологии. Характерна в этом отношении статья, опубликованная в органе ЦК РКП(б) «Иллюзии контрреволюционной “демократии”». Приведу отрывок из нее: «Некоторые интеллигентские круги, в ложном расчете на наше дальнейшее отступление под давлением нэп и западных капиталистов, пытаются выступить против советской власти. Этим расчетам не суждено оправдаться.

---

¹ Штейнберг И. З. Нравственный лик революции. Берлин, 1923. С. 20–21.

РСФСР

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

Ж У Р Н А Л
ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕШЕРЯКОВА,
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.

КНИГА СЕДЬМАЯ
СЕНТЯБРЬ-ОКТАБРЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА □ 1922

Журналы, в которых печатались критические статьи
о творчестве людей мысли

Расчеты этих кругов крайне элементарны: нэп и заграница вообще сделают свое дело, большевики должны эволюционировать. Поэтому буржуазной интеллигенции нужно перестать быть “объектом критики, а нужно начать быть ее субъектом”.

Такова “логическая основа” начавшегося наступления контрреволюционных сил интеллигенции. Профессорам нами были сделаны максимальные уступки. Но они требуют большего и большего, открыто и не открыто организуясь как коллективный контр-революционный “субъект”.

Мы добились “временного перемирия” главным образом потому, что выросли в громадную силу мирового значения. И позволить “внутреннему врагу” обойти нас с тыла ни при каких условиях не намерены»¹.

Статьи, где на интеллигентские круги навешивался ярлык «внутреннего врага», публиковались и на страницах других печатных органов.

Известно, что и позднее в советской науке насаждалось представление об изначальной правильности лишь одного направления. Оно и объявлялось подлинно марксистским. Д. С. Лихачев верно заметил, что это стало причиной появления огромного числа «врагов» в науке: «...Считалось непреложным, что в науке действуют две противостоящие воли: одна классово-приемлемая и другая классово-враждебная этой первой – соответствующей пролетарской идеологии. Отсюда стремление увидеть в несогласиях вылазки врагов, стремление не доказывать свою точку зрения, а “разоблачать” любую другую. Отсюда появление в на-

---

¹ Правда. 1922. 17 мая.

уже огромного числа “врагов” существующего строя, государственной власти...»¹

Поставлен в литературе и вопрос о том, кому принадлежала сама идея депортации.

Исследователи истории высылки инакомыслящих единодушны в том, что возникновение подобной идеи – не случайность, не результат импровизации. Она вызревала постепенно. Я думаю, что кто-то мог вспомнить о том, как решалась проблема отъезда Ю. Б. Мартова за границу. Или она могла проявиться в связи с необходимостью решить, что надо делать с арестованными деятелями Комитета помощи голодающим после его роспуска. Или толчком стало обсуждение вопроса о судьбе лидеров эсеров в связи с преданием их суду и возмущением международной общественности по этому поводу.

Кстати, сами экспатрианты ошибались в вопросе о том, кому принадлежала идея этой акции, отдавая пальму первенства то Л. Д. Троцкому, то Г. Е. Зиновьеву. Доводилось встретиться с суждением, что идея высылки была подсказана Ленину А. М. Горьким. Высказано и мнение (Ю. Голанд), что ГПУ, воспользовавшись четырехмесячным отсутствием В. И. Ленина в связи с его болезнью, быстро набрало «компромат» и осуществило эту операцию.

Большинство же исследователей полагает, что у колыбели экспатриации 1922 г. стоял В. И. Ленин. Как отмечает Т. Ю. Красовицкая, «высылка оппозиционной интеллигенции была тщательно взвешена Лениным. Важно понять мотивы, двигавшие им и вынудившие его сознательно пойти на эту акцию.

---

¹ Лихачев Д. Предисловие // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 5.

ощущая, что дни его активной политической деятельности сочтены»¹.

Как считает М. Геллер, «полное руководство операцией осуществлял лично Ленин». И далее: «Идея Ленина (найденная им или Троцким, быть может, у Платона) получит свое юридическое оформление в декрете об административной высылке...»² Об этом же пишет группа авторов: «Несмотря на “коллективное” руководство, роль Ленина в этой кампании была основополагающей»³.

Такой же точки зрения придерживаются Л. А. Коган, Н. Тополянский, В. Л. Соскин и др. По мнению Л. А. Когана, ключевое слово-мысль принадлежит Ленину. «Хотя идея высылки, — указывает автор, — могла возникнуть почти одновременно в нескольких головах, факты свидетельствуют, что Ленин являлся душой, перводвигателем этой акции, все нити сходятся к нему»⁴. К сожалению, ни Л. А. Коган, ни другие авторы не обратили внимание на «потаенную» роль в этой операции Генерального секретаря ЦК РКП(б) И. В. Сталина. Тем не менее изученный материал позволяет мне утверждать, что слова «все ее нити сходятся к нему» более применимы к Генсеку. Далее постараюсь показать это.

Свое мнение по данному вопросу высказал и Н. Н. Илькевич. «Как репрессивная и принудительная мера и форма насилия, — пишет он, — “высылка за границу” или, если быть более точным, — “изгнание из пределов РСФСР”, была придумана вождем мирового пролетариата В. Лениным в начале

¹ Красовицкая Т. Указ соч. С. 14.

² Геллер М. Указ. соч. С. 54.

³ Гак А. М., Масальская А. С., Селезнева Н. Н. Указ соч. С. 89.

⁴ Коган Л. А. Указ. соч. С. 61.

1919 г.: “их надо вышибать отсюда”, а в конце 1921 г. впервые высказана им применительно к интеллигенции в “Планах статьи “Заметки публициста” (январь–февраль 1922 г. Т. 44. С. 503). Ленинская “высылка за границу” задумывалась и предназначалась как форма расправы с российской интеллигенцией, которую он так не любил и которую никогда не пытался понять. В. Ленину стало скучно отдавать распоряжения расстреливать представителей интеллигенции, “инстинктивной оппозиции, старых консерваторов и даже твердых либералов”, “буржуазии, высших классов”, “подобных современных “образованных” крепостников”, сажать их в тюрьму, лишать свободы. Захотелось чего-то нового, необычного, чего нет в уголовных законодательствах других стран»¹.

Вряд ли кто-либо примет во внимание мнение автора о том, что идея высылки «придумана» Лениным, да еще в начале 1919 г. Известно, что экспатриацию как метод изгнания лиц не надо было изобретать – она практиковалась с древних времен. Еще задолго до нашей эры в Афинах проводится форма голосования (она получила название остракизма) при решении вопроса об изгнании на 10 лет лиц, признаваемых опасными для существующего государственного строя. История сохранила имена людей, высланных гражданами и правителями в разные годы из разных стран. Это Анаксагор и Эмпедокл – из Афин и Агригента, Овидий – из Рима, Данте – из Флоренции, Спиноза – из Ам-

---

¹ Илькевич Н. Н. «...Их надо вышибать отсюда»: К истории высылки за границу отечественной интеллигенции в 1922 году // Сталинизм в российской провинции: Смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков. Смоленск. 1999. С. 119.

стердама и др.¹ Примечательно, что среди изгоняемых в те годы преобладали философы.

Уже в наше время был принудительно посажен в самолет и отправлен за границу А. И. Солженицын.

Остается добавить, что эта мера практиковалась и в царской России. Как отмечает С. А. Красильников, в «дореволюционный период высылка и ссылка без суда призваны были служить средством оперативной изоляции или перемещения из одной местности в другую так называемых неблагожелательных в социальном и политическом отношениях элементов... Так, царский режим широко применял административную высылку и ссылку в отношении к представителям политической оппозиции. Об ее распространении можно судить по тому, что численность административно-высланных и ссыльных существенно превышала численность осужденных по суду»².

Итак, лидерам большевиков не надо было изобретать высылку как метод изъятий и репрессий. Они в свое время испытали ее на себе при царской власти и достаточно было вспомнить о ней и «позаимствовать».

Исследователи еще не определили, когда было принято постановление о высылке интеллигенции. И. Н. Селезнева полагает, что «в Политбюро ЦК РКП(б) к лету 1922 г. было принято решение орга-

¹ Как писал Данте в связи с его изгнанием: «После того как гражданам Флоренции, прекраснейшей и славнейшей дочери Рима, угодно было извергнуть меня из своего сладостного лона, в котором я был рожден...»

² Красильников С. А. Высылка и ссылка интеллигенции как элемент советской карательной политики 20-х - начала 30-х гг. // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–1930 гг.). Новосибирск, 1994. С. 28.

низовать высылку за границу большой группы “антисоветской интеллигенции”»¹. Правда, источник при этом не указывается. Думаю, что это могло быть в первой половине мая 1922 года. Или даже в апреле. Во всяком случае, до 19 мая. Постараюсь обосновать это предположение с помощью документа. Приведу его полный текст. Имею в виду письмо, направленное Лениным 19 мая руководителю ГПУ:

«Т. Дзержинский!

К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции.

Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим. Прошу обсудить такие меры подготовки.

Собрать совещание Мессинга, Манцева и еще кое-кого в Москве.

Обязать членов Политбюро уделять 2–3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, *проверяя* исполнение, *требуя письменных отзывов* и добиваясь присылки в Москву без проволоочки всех некоммунистических изданий.

Добавить отзывы ряда литераторов-коммунистов (Стеклова, Ольминского, Скворцова, Бухарина и т. д.).

Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей.

Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ.

Мои отзывы о питерских двух изданиях:

“Новая Россия” № 2. Закрыта питерскими товарищами.

---

¹ Селезнева И. Н. Интеллектуалам в советской России места нет // Вестн. РАН. 2001. Т. 71, № 8. С. 738.

Не рано ли закрыта? Надо разослать ее членам *Политбюро* и обсудить *внимательнее*. Кто такой ее редактор *Лежнев*? Из “Дня”? Нельзя ли о нем собрать сведения? Конечно, *не все* сотрудники этого журнала кандидаты на высылку за границу.

Вот другое дело питерский журнал “Экономист”, изд. XI отдела Русского технического общества. Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 (*только* третьем!!! Это *nota bene*!) напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, *почти все* – законнейшие кандидаты на высылку за границу.

Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих “военных шпионов” изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу.

Прошу показать это секретно, не размножая, членам *Политбюро*, с возвратом Вам и мне и сообщить мне их отзывы и Ваше заключение.

19/V. Ленин»¹.

Письмо интересно во многих отношениях.

Во-первых, привлекает внимание заголовок «К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции». Это позволяет сделать вывод, что уже ранее на уровне Политбюро могло состояться коллективное решение о депортации инакомыслящей интеллигенции. Во-вторых, письмо содержит призыв к действиям и намечает план их проведения (невольно возникает ассоциация с другим ленинским документом кануна Октября 1917 г., в котором точно прописаны первоочередные задачи – овладеть почтой, телеграфом, вокзалами и

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 265–266.

т. д.). В-третьих, с очевидностью следует, что подготовительная работа по организации высылки поручена сотрудникам ГПУ, причем дается рекомендация прежде всего собрать сведения о деятельности кандидатов на изгнание. Члены Политбюро должны выполнять роль экспертов. В-четвертых, можно сделать вывод, что решение о высылке носило конспиративный характер – во избежание утечки информации предписано, что с письмом можно ознакомить, причем не размножая, только членов Политбюро. В нем сообщаются критерии для выявления оппозиционной интеллигенции, называются некоторые ее опорные пункты. Словом, значение этого документа среди других документов, касающихся планируемой акции, трудно переоценить.

Исследователи единодушны в том, что между началом работы по подготовке изгнания и состоявшимися в 1922 г. Всероссийскими съездами интеллигенции существует тесная связь. С. А. Красильников приводит их краткий перечень: Всероссийский агрономический съезд (март 1922 г.); 2-й Всероссийский съезд врачей (май 1922 г.)¹; 1-й Всероссийский геологический съезд (май 1922 г.); Всероссийский съезд сельскохозяйственной кооперации (октябрь 1922 г.). О времени их проведения сообщалось заранее, и они оказались в поле пристального внимания сотрудников ГПУ.

Как и ожидалось, власти столкнулись с открытой, во многом справедливой критикой своей социально-экономической политики со стороны гео-

---

¹ В работе В. Л. Соскина дается его точное название: Второй Всероссийский съезд врачебных секций при ЦК профсоюза Всемедикосантруд.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

П. К. Ф. Д.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

5-5203

МОСКВА, Б. Лубянский 2.
Телеф. Г. П. У. коммутиатор.
6250

На № _____
От _____ 1922 г.

При ответах сослаться на № _____ Отдел _____

Отдел Секретариат Коллегии

С. Секретно.

В ПОЛИТБЮРО ЦК РКП ТОВ. С Т А Л И Н У.

В виду затруднений, возникших при
проведении в жизнь постановления о высылке
за границу Украинской антисоветской интелли-
генции, в связи с отказом ряда стран от де-
путирования высланных на своей территории, ЦПУ
считает наиболее целесообразным для предот-
вращения дальнейшего промедления в высылке,
заменить украинцев высылку за границу-высыл-
кой в отдаленные пункты РСФСР.

ЗАМПРЕД ЦПУ/УНЦИХТ/

логов, агрономов, кооператоров, медиков и представителей других профессий. В. Л. Соскин прав, утверждая, что именно серии этих съездов выпала печальная участь послужить детонатором, который ускорил работу по изгнанию инакомыслящей интеллигенции из России.

Толчком послужила Записка наркома здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко от 21 мая 1922 г., направленная Ленину и другим членам Политбюро. Приведу ее начало: «Уважаемые товарищи. Недавно закончившийся Всероссийский съезд врачей проявил настолько важные и опасные течения в нашей жизни, что я считаю нужным не оставлять членов ПОЛИТБЮРО в неведении относительно этих течений, которыми так успешно пользуются кадеты, м[еньшеви]ки и с[оциалисты-революционе]ры; тем более, что насколько мне известно, эти течения широко распространены среди не только врачей, но и спецов других специальностей (агрономы, инженеры, техники и адвокаты) и тем более еще, что многие даже ответственные т. т. не только сознают

этой опасности, но легкомысленно склоняют ушко под нашептывание таких спецов»¹.

Для борьбы с этими течениями Н. А. Семашко предлагал «...быть крайне осторожными в вопросах переустройства нашей Советской системы... Всякую идею “земщины” нужно выжечь каленым железом... Считать всякие попытки заменить Советскую (классовую) медицину Земской (“народной”) и страховой (“вне советской”) политически недопустимыми... Госиздату не разрешать спецам и их об[щест]вам издание газет и журналов, носящих общественно-политический (не научный) характер...»

С. А. Красильниковым и В. Л. Соскиным уже дан анализ этой Записки². С. А. Красильников, в частности, отметил, что Н. А. Семашко преувеличивал сепаратистские тенденции в профсоюзном движении врачей, придав им политическую окраску. Выступления на съезде и основные решения толковались им тенденциозно, во имя защиты интересов собственного ведомства под флагом отставания основ политической системы в целом. Делегаты не предлагали менять принципы политического переустройства страны, а рекомендовали свой вариант дополнения государственной медицины системой общественной. Они хотели, чтобы при Наркомздраве существовал орган для выражения общественного мнения врачей, т. е. добивались большей самостоятельности. Однако Н. А. Семашко реагировал на это крайне не адекватно, как отмечает В. Л. Соскин, даже «свирепо».

¹ Архив Президента РФ (АПРФ), ф. 3, оп. 58, д. 175, л. 23.

² См.: Красильников С. А. Политбюро, ГПУ и интеллигенция в 1922–1923 гг. // Интеллигенция, общество, власть: опыт взаимоотношений (1917 – конец 1930-х). Новосибирск. 1995. С. 34–37; Соскин В. Л. Указ соч. С. 65–67.

В этом легко убедиться, если ознакомиться с резолюциями съезда врачей.

Приведу некоторые отрывки:

*Об организации медицинской
помощи голодающим*

Заслушав доклады делегатов Самары, Саратова, Царицына, Харькова, Уфы, Челябинска, Омска об организации медицинской помощи голодающим и прения по докладам, 2-й Всероссийский съезд врачей констатирует, что обрушившееся на русский народ бедствие далеко превышает все официальные сообщения и может найти себе аналогию лишь в величайших бедствиях до культурного периода. Целый ряд обстоятельств, как сокращение посевной площади, падеж и уничтожение рогатого скота, а во многих местах и недостаток семян заставляет предвидеть, что даже при благоприятных метеорологических условиях бедствие не ограничится текущим годом...

Съезд обращается ко всем врачебным и другим общественным организациям Европы и Америки, призывая их содействовать всем своим авторитетом организации в широком масштабе продовольственной помощи голодающему русскому народу, в твердой уверенности, что в ближайшем будущем русские сумеют выплатить свой долг культурному человечеству.

Для планомерной реализации этой помощи на местах, русские врачи, объединенные в профессиональную организацию, предлагают весь свой организованный опыт, свое знание местных нужд и свой непосредственный труд. С этой целью съезд признает необходимым создание при Центральном Бюро Секций и при Бюро Секций постоянных Комиссий, имеющих главной своей задачей проведение планомерной медицинской и продовольственной помощи голодающему населению.

*Резолюция по докладам Каца и Вигдорчика
о перспективах здравоохранения
(Окончательная редакция,
выработанная) Комиссией)*

Советская медицина, построенная на принципе принудительного и механического слияния в едином аппарате всех форм врачебно-санитарной деятельности, переживает в настоящее время глубокий кризис, который неизбежно приводит к ликвидации значительной части существующих медицинских учреждений. Советская медицина уже сейчас фактически все более и более теряет характер единой централизованной медицинской организации и вопреки своим принципам вынуждена допустить возникновение рядом с собою различных форм общественной и частной медицины...

Единственную базу для воссоздания и дальнейшего развития общественной медицины (муниципальной, сельской, городской и рабочей-страховой), 3-й Всероссийский съезд врачебных секций усматривает в *свободно* избираемых, строящихся с низов и самостоятельных организациях населения. Для согласования же деятельности врачебно-санитарных органов и возможного проведения единого организационного плана необходимо создание руководящих врачебно-санитарных коллективов из врачей и представителей указанных организаций населения...

За Наркомздравом должны остаться только общегосударственные функции законодательного нормирования, регулирования в общероссийском масштабе и надзора за законодательностью [в] работе всех организаций. *при условии существования при нем постоянно-го органа для выражения коллективного общественного мнения врачей.*

Ранее цитировалось знаменитое письмо Ленина от 19 мая, где он просил поручить сбор сведений об

интеллигенции «толковому, образованному и культурному человеку в ГПУ». Исследователи единодушны (С. А. Красильников, В. Д. Тополянский, С. Малышева, В. Л. Соскин и др.), что для этой работы был выделен Я. С. Агранов. Должность его называлась «особоуполномоченный ГПУ». Когда же он занялся делами? Вот что пишет об этом В. Д. Тополянский: «Члены Политбюро взялись за дело. Для разминки 26 мая заслушали мнение вождя о “белогвардейской литературе” в изложении Дзержинского. Договорились “обязать членов Политбюро уделять 2–3 часа в неделю на просмотр ряда некоммунистических изданий”. Поручили тройке в составе Н. Л. Мешерякова (начальник Главного управления по делам печати), Я. С. Агранова (особоуполномоченный чекист, надзирающий за искусством) и А. С. Бубнова (заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК РКП) подготовить план распределения книг среди верховных цензоров»¹.

Из текста можно сделать вывод, что ранее Я. С. Агранов был куратором по части искусства и включился в новую работу в мае 1922 г. Отмечу, что Я. С. Агранов вслед за Н. А. Семашко придал съезду врачей исключительность. К началу июня 1922 г. он подготовил докладную записку: «О Втором Всероссийском съезде врачебных секций и секций врачей Всемедикосантруда», в которой дал более жесткую характеристику съезду врачей. «Примечательно, – отмечает С. А. Красильников, – что в интерпретации ГПУ самому тривиальному факту существования разветвленной сети врачебных секций придавался особый смысл: “...Ясно, что в слу-

¹ Тополянский В. Д. Вожди в законе. М., 1996. С. 67.

чае переворота был бы налицо вполне налаженный врачебный аппарат, как по вопросам профессиональным, так и организационно-практическим»¹.

Хочу привлечь внимание к той части записки Я. Агранова, где цитируется выступление профессора из Петрограда Горвиц-Власовой (имя и отчество – неизвестны, дальнейшая судьба – тоже). С каким достоинством говорит она о задачах и предназначении интеллигенции «быть мозгом нации», о роли интеллектуального труда: «Русские врачи не могут с закрытыми глазами в порядке безмолвного подчинения принять все взгляды и методы пролетарской власти, отказавшись от здоровой деловой критики, к которой обязывает интеллигенцию ее социальное назначение – *быть мозгом страны*». Несомненно, в выступлении Горвиц-Власовой звучали отголоски новых течений в среде русской белой эмиграции – заменить критику оружия оружием критики.

Признаюсь, было время считал, что сменовеховство может рассматриваться в качестве демократической альтернативы. Но знакомство с трудами Н. Устрялова развеяло эти иллюзии. Оказалось, что он оправдывает изгнание людей мысли. Вот его доводы. Во-первых, в России происходит процесс восстановления органических государственных тканей. Мозг страны, чтобы не мешать этому, должен воздержаться от выполнения своей прямой функции – мысли. С этой целью его и изымают на время. Во-вторых, по мнению Н. Устрялова, интеллигенты ждали революцию, звали «гуннов» растоптать старый

---

¹ Красильников С. А. Политбюро, ГПУ и интеллигенция... С. 37.

мир. Вот и появился «скиф» с чертами варвара. Атилла не знал хорошего тона. И, покуда он был нужен истории, молчало римское право. Н. А. Бердяев, И. А. Ильин и другие, отвечая на вопросы следователей во время допросов, давали сменовеховству отрицательную оценку, характеризовали это идейное течение как вредное.

Съезд врачей, а точнее его партийная оценка, пришелся, как заметил В. Л. Соскин, как раз «к месту». Уже 22 мая В. И. Ленин предложил обсудить на Политбюро «план мер в отношении интеллигенции». 24 мая Политбюро приняло постановление. Читателю, вероятно, интересно узнать, как проходило голосование:

«т. Сталин – за;
т. Троцкий – за;
Л. Каменев – за;
В. Молотов – за;
А. И. Рыков – за;

М. Томский – воздерживаюсь, ибо вопрос Съезда врачей требует иной постановки дела. Во многом виновны мы сами и в первую голову т. Семашко».

И тем не менее решение принимается.

В постановлении предлагалось Ф. Э. Дзержинскому с помощью Семашко выработать план мер и доложить Политбюро в недельный срок. С этого момента, отмечает В. Л. Соскин, механизм задуманного «мероприятия» заработал на полную силу. Семашко подбросил горючее в уже налаженный костер.

Следующая веха в судьбах интеллигенции – 8 июня. К этому времени в ГПУ созрела еще одна Записка, автором которой был все тот же Агранов.

О ее направленности можно судить по названию: «Об антисоветских группировках среди интеллиген-

иметь реального профессора, для изобретения,
мощных предостережений, возможных политических
осложнений.

Особоуполномоченный Г.П.У. Я. Агранов

Москва 1 июня 1922

Машинопись, Подлинник.

Фрагмент Записки Я. С. Агранова

ции». Только в кратком введении автор четыре раза употребляет этот ярлык: «антисоветская интеллигенция широко использует...», «мощь антисоветской интеллигенции...», «...надежды антисоветской интеллигенции...». «Главной ареной борьбы против советской власти антисоветской интеллигенцией избраны: высшие учебные заведения, различные общества, печать, различные ведомственные съезды, театр, кооперация, тресты, торговые учреждения и в последнее время религия и др.».

Приведу и заключительную часть Записки: «Все вышеизложенное указывает на то, что в процессе развития нэпа происходит определенная кристаллизация и сплочение противосоветских групп и организаций, оформляющих политические стремления нарождающейся буржуазии. В недалеком будущем при современном темпе развития эти группировки могут сложиться в опасную силу, противостоящую Советской власти. Общее положение Республики выдвигает необходимость предотвратить возможные политические осложнения.

Особоуполномоченный ГПУ

Я. Агранов

Москва, 1 июня 1922 г.».

Можно согласиться с С. Малышевой, назвавшей

особоуполномоченного ГПУ «зловещей и одиозной фигурой».

Здесь уместно будет привести краткую биографическую справку Я. С. Агранова. В 1911–1914 гг. – эсер. С 1915 г. – в партии большевиков. В биографических справочниках указывается, что он стал работать в секретно-оперативном отделе ВЧК с 1921 г. Но в архиве ФСБ имеется документ: «Допрос, снятый следователем Аграновым с Д. М. Щепкина, 24 августа 1920 г.»¹. С октября 1922 г. назначается начальником особого отдела ОГПУ, – так он был вознагражден за участие в операции по подготовке высылки интеллигенции. О дальнейшей карьере известно следующее: 1933–1934 гг. – заместитель председателя ОГПУ; 1934–1937 – заместитель наркома НКВД. В 1937 г. назначается начальником УНКВД по Саратовской области, это начало конца карьеры. Летом 1937 г. арестован, через год расстрелян. В 1955 г. его дочь возбудила ходатайство о реабилитации отца. Прокурорская проверка установила, что в антисоветской деятельности обвинен необоснованно, но в реабилитации отказано за «грубые нарушения социалистической законности».

На основе этой Записки И. С. Уншлихт подготовил доклад «Об антисоветских группировках среди интеллигенции». После его обсуждения на Политбюро 8 июня была создана Комиссия в составе Л. Б. Каменева, Д. И. Курского и И. С. Уншлихта («Комиссия Каменева») для «окончательного рассмотрения списка подлежащих высылке верхушек враждебных антисоветских группировок».

Следует отметить, что высылка касалась имен-

---

¹ Архив ФСБ России, фонд уголовных дел, д. Н-206, т. 6, л. 3.

но верхушки интеллигенции. Для нейтрализации тех, кто оставался, были предусмотрены, как отмечает С. А. Красильников, меры более длительного характера, ориентированные на введение тотальной системы контроля над профессиональной и общественной деятельностью интеллигенции. Устанавливалось, что теперь ни один съезд или всероссийское совещание специалистов не может созываться без соответствующего разрешения НКВД. Начиная с 10 июня ГПУ поручалось произвести перерегистрацию всех обществ и союзов, а открытия новых без соответствующей регистрации не допускать.

Интересен вывод В. Л. Соскина, основанный на изучении материалов Политбюро, о том, что после 8 июня 1922 г. центр тяжести переносился на принятые и согласованные планы¹. Действительно, в порядке контроля Политбюро в июне заслушивало несколько раз вопросы, касающиеся интеллигенции. Так было и в июле.

Хочу отметить, что начиная с лета 1922 г. роль И. В. Сталина в организации высылки интеллигенции неуклонно повышается. Еще 10 мая И. С. Уншлихт обращался к нему с просьбой предоставить ГПУ право административной высылки. «Учитывая невозможность постановки целого ряда дел в судебном порядке и одновременно необходимость избавиться от наглых и вредных элементов, — писал чекист, — Госполитуправление предлагает внести следующие дополнения в наше Положение: “В дополнение и развитие Положения о Госполитуправлении Республики от 6-го февраля 1922 г. предоставить Госполитуправлению право: осуществлять вы-

---

¹ См.: Соскин В. Л. Указ. соч. С. 67.

сылку из пределов РСФСР на срок до 2-х лет неблагонамеренных русских и иностранных граждан”».

Начиная с лета 1922 г. обращения руководителей ГПУ к И. В. Сталину участились. 21 июня И. С. Уншлихт информирует генерального секретаря ЦК РКП(б) о том, что Комиссия в составе двух человек постановила выслать в отдаленные местности группу врачей (Горвиц-Власову, Когана, Магула, Фрумина, Гуревича, Грановского и др.) за использование «положения делегатов съезда для антисоветской агитации, рассчитанной на подрыв доверия к Соввласти в момент внешних затруднений».

Документ отражает явный произвол, чинимый в отношении интеллигенции. Во-первых, решение о внесудебной репрессии принято двумя членами Комиссии позднее. Во-вторых, оно не имеет юридической основы – документ об административной высылке в законодательном порядке еще не был принят, он только разрабатывался. В-третьих, высылка проводилась по надуманному поводу – агитация против «Соввласти в момент внешних затруднений», хотя 1922 г. не отмечен какими-либо конфликтами на международной арене.

Стоит привести отрывок из письма Сталину, посланного ему Уншлихтом 22 июля 1922 г.: «...Проводившийся нами метод опрашивания представителей заинтересованных центральных ведомств и отдельных ответственных товарищей об известных им кругах антисоветских деятелей привел к тому, что необходимая в подобных случаях строгая конспирация была нарушена». Далее И. С. Уншлихт высказал мнение, что требуется более «спешное проведение намеченной операции...»

Письмо интересно тем, что в нем, во-первых, рас-

ЭТЮД ВТОРОЙ

ПРОТОКОЛ

ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПОЛИТБЮРО Ц.К.Р.К.П.

Присутствуют: т.т. УНШЛИХТ, КАМЕНЕВ, КУРСКИЙ, ЯГОДА, АГРАНОВ.

СЛУШАЛИ

Списки анти-советской интеллигенции.

ПОСТАНОВИЛИ

а/Утвердить с поправками.
б/Врачей: 1/ИЗРАИЛЬСОНА /Сред./, 2/ЗАЛДИНА /Вологда/, 3/РОЗАНОВА /Саратов/, 4/ТУТКИНА А.Н. /Питер/, 5/ДАНЬЕЛЬ Е.С. /Питер/, 6/ЗЕАРЬКОГО Н.С. /Питер/, 7/САДЫКОВА П.Н. /Питер/, 8/БРОНШТЕЙНА И.Б. /Питер/, 9/ПАВЛОВА П.П. /Питер/, 10/КАРПЕНЦА Н.К. /Питер/, 11/СОЛОВЕЙЧИКА В.Б. /Питер/, -выслать в административном порядке в северные или восточные губернии Республики для исполнения по специальности орденом на 1-2 года в/Всех остальных лиц, указанных в прилагаемых к протоколу списках -выслать за-границу, как лиц не примирившихся с советским режимом в продолжение почти 5-ти летнего существования Советской власти и продолжавших контр-революционную деятельность в момент внешних затруднений для Советской Республики.
г/Произвести арест всех назначенных лиц, предъявить им в 3-х дневный срок обвинение и предложить выехать за-границу за свой счет. В случае отказа от выезда за свой счет -выслать за-границу за счет ГПУ. Согласившихся выехать освободить из-под стражи.
д/Предоставить в ЦК смету расходов по данной операции.
е/Подтвердить закрытие Политотделом Государства издания "Экономист" и сборника "Утренники".
ж/Закрыть Петроградские издания: "Экономическое Возрождение", "Литературные записки" и издающийся в Москве "Бестник сельского Хозяйства" за тенденциозно-анти-советское направление и издающийся в Петрограде журнал "Мысль" за анти-советское и мистически-идеалистическое направление.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ УНШЛИХТ

СЕКРЕТАРЬ АГРАНОВ

В е р н о :

Фотокопия протокола заседания
комиссии Политбюро ЦК РКП(б)

крывается черновая работа органов ГПУ, проводившаяся при подготовке списков кандидатов на высылку; во-вторых, мы узнаем, что мероприятие по изгнанию представителей «профессорского и литературного мира» имело кодовое название «операция» и должно было готовиться в условиях совершенной секретности. В дальнейшем, до конца 1922 г., слово «операция» постоянно будет повторяться в материалах, касающихся этой темы.

И. С. Уншлихт

В настоящее время еще не выявлены документы, показывающие, как И. В. Сталин реагировал на обращение И. С. Уншлихта. Но очевидно, что это не повод для того, чтобы выводить его из числа «подозреваемых» организаторов акции.

16 июля Сталин получил письмо, которое цитируют практически все исследователи этой истории. Тем не менее его стоит привести целиком, чтобы дать комментарий.

«Т. Сталин! К вопросу о высылке из России меньшевиков, н[ародных]х с[оциалистов], кадетов и т. п., я бы хотел задать несколько вопросов ввиду того, что эта операция, начатая до моего отпуска, не закончена и сейчас. Решено ли “искоренить” всех энесов? Пешехонова, Мякотина, Горнфельда? Петрищева и др.?

По-моему, всех выслать. Вреднее всякого эсера, ибо ловчее.

То же А. Н. Потресов, Изгоев и *все* сотрудники “Экономиста” (*Озеров и мн[огие]*, *мн[огие]* другие). Ме[ньшеви]ки Розанов (врач, хитрый), Вигдорчик, (Мигуло или как-то в этом роде). Любовь Никол[а-евна] Радченко и ее молодая дочь (понаслышке злейшие враги большевизма); Н. А. Рожков (надо его выслать; неисправим); С. Л. Франк (автор “Методологии”). Комиссия под надзором Манцева, Мессинга и др. должна представить списки и надо бы несколько *сот* подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго.

Насчет Лежнева (бывший “День”) очень подумать: не выслать-ли? Всегда будет *коварнейшим*, насколько я могу судить по прочитанным его статьям. Озеров, как и *все* сотрудники “Экономиста” – враги самые беспощадные. Всех их – вон из России.

Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот и *без объявления* мотивов – выезжайте господа!

Всех авторов “Дома литераторов”, Питерской “Мысли”, Харьков обшарить, *мы его не знаем*, это для нас “заграница”. Чистить надо *быстро*, не *позже* конца процесса эсеров.

Обратите внимание на литераторов в Питере (адреса, “Новая Русская Книга”, № 4, 1922 г., с. 37) и на список частных издательств (стр. 29).

С к[оммунистическим] прив[етом] Ленин¹.

Письмо интересно как источник. Отмечу ряд моментов. Во-первых, оно имеет тот же заголовок, что

---

¹ РГАСПИ. ф. 2. оп. 2. д. 1338, л. 6; см. также: *Латышев А.* Рассекреченный Ленин. М., 1998. С. 203–204.

и записка от 19 мая («К вопросу»). Разница лишь в том, что в записке говорилось о деятелях науки и культуры, тут же на первый план выходит политическая оппозиция (меньшевики, кадеты и т. д.), хотя большого значения это не имело, лидеры большевиков разницы между ними не делали. Во-вторых, подтверждается, что подготовительная работа не закончена («комиссия... должна представить списки»). В-третьих, как и в письмах И. Уншлихта, употребляется кодовое название «операция» и выражается сожаление что, начатая до его отпуска, она «не закончена и сейчас». В-четвертых, частично определяется сценарий будущей высылки: «Арестовать несколько сот и без объявления мотивов – выезжайте, господа!» (забегая вперед отмечу, что мотивы объявлялись). Наконец, высказывается требование вести работу «быстро», закончить подготовку не позже конца суда над эсерами (об этом говорится дважды).

Письмо Ленина с лаконичной резолюцией И. В. Сталин переслал в ГПУ: «Т. Дзержинскому. С возвратом». После этого, как отмечают исследователи, операция по высылке стала набирать обороты.

ДОКУМЕНТЫ

■ **В. И. ЛЕНИН. О ЗНАЧЕНИИ ВОИНСТВУЮЩЕГО МАТЕРИАЛИЗМА**

В сокращении

12 марта 1922 г.

Об общих задачах журнала: «Под знаменем марксизма» тов. Троцкий в № 1 – 2 сказал уже все суще-

ственное и сказал прекрасно. Мне хотелось бы остановиться на некоторых вопросах, ближе определяющих содержание и программу той работы, которая провозглашена редакцией журнала во вступительном заявлении к № 1 – 2.

В этом заявлении говорится, что не все объединившиеся вокруг журнала: «Под знаменем марксизма» – коммунисты, но все последовательные материалисты. Я думаю, что этот союз коммунистов с не коммунистами является безусловно необходимым и правильно определяет задачи журнала. Одной из самых больших и опасных ошибок коммунистов (как и вообще революционеров, успешно проделавших начало великой революции) является представление, будто бы революцию можно совершить руками одних революционеров. Напротив, для успеха всякой серьезной революционной работы необходимо понять и суметь претворить в жизнь, что революционеры способны сыграть роль лишь как авангард действительно жизнеспособного и передового класса. Авангард лишь тогда выполняет задачи авангарда, когда он умеет не отрываться от руководимой им массы, а действительно вести вперед всю массу. Без союза с некоммунистами в самых различных областях деятельности ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи.

Это относится и к той работе защиты материализма и марксизма, за которую взялся журнал: «Под знаменем марксизма». <...>

Во всяком случае, у нас в России есть еще и довольно долго, несомненно, будут материалисты из лагеря некоммунистов, и наш безусловный долг привлекать к совместной работе всех сторонников последовательного и воинствующего материализма в борьбе с философской реакцией и с философскими предразсудками так на-

ИЗВОЛЬТЕ БЫТЬ БЛАГОНАДЕЖНЫ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ГОД ИЗД. 1-й

№1-2

ЯНВ.—ФЕВ. 1922

М·О·С·К·В·А
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО "МАТЕРИАЛИСТ"

зываемого «образованного общества». Дицген-отец, которого не надо смешивать с его, столь же претенциозным, сколь неудачным литератором-сыном, выразил правильно, метко и ясно основную точку зрения марксизма на господствующие в буржуазных странах и пользующиеся среди их ученых и публицистов вниманием философские направления, сказавши, что профессора философии в современном обществе представляют из себя в большинстве случаев на деле не что иное, как «дипломированных лакеев поповщины».

Наши российские интеллигенты, любящие считать себя передовыми, как, впрочем, и их собратия во всех остальных странах, очень не любят перенесения вопроса в плоскость той оценки, которая дана словами Дицгена. Но не любят они этого потому, что правда колет глаза. Достаточно сколько-нибудь вдуматься в государственную, затем обще-экономическую, затем бытовую и всяческую иную зависимость современных образованных людей от господствующей буржуазии, чтобы понять абсолютную правильность резкой характеристики Дицгена. Достаточно вспомнить громадное большинство модных философских направлений, которые так часто возникают в европейских странах, начиная, хотя бы, с тех, которые были связаны с открытием радия, и кончая теми, которые теперь стремятся уцепиться за Эйнштейна, — чтобы представить себе связь между классовыми интересами и классовой позицией буржуазии, поддержкой ею всяческих форм религий и идейным содержанием модных философских направлений.

Из указанного видно, что журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, должен быть боевым органом во-первых, в смысле неуклонного разоблачения и преследования всех современных «дипломированных лакеев поповщины», все равно, вы-

ступают ли они в качестве представителей официальной науки или в качестве вольных стрелков, называющих себя «демократическими левыми или идейно социалистическими публицистами». <...>

Журнал: «Под знаменем марксизма», который хочет быть органом воинствующего материализма, должен уделять много места атеистической пропаганде, обзору соответствующей литературы и исправлению громадных недочетов нашей государственной работы в этой области. Особенно важно использование тех книг и брошюр, которые содержат много конкретных фактов и сопоставлений, показывающих связь классовых интересов и классовых организаций современной буржуазии с организациями религиозных учреждений и религиозной пропаганды. <...>

Хотелось бы надеяться, что журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, даст нашей читающей публике обзоры атеистической литературы с характеристикой, для какого круга читателей и в каком отношении могли быть подходящими те или иные произведения и с указанием того, что появилось у нас (появившимися надо считать только сносные переводы, а их не так много) и что должно быть еще издано.

Кроме союза с последовательными материалистами, которые не принадлежат к партии коммунистов, не менее, если не более важен для той работы, которую воинствующий материализм должен проделать, союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедывать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма. <...>

И для того, чтобы не относиться к подобному явлению бессознательно, мы должны понять, что без солид-

ного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естествознатель должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом. <...>

Без того, чтобы такую задачу себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим материализмом. Он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым. Без этого крупные естествоиспытатели так же часто, как и до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях. Ибо естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае.

В заключение приведу пример, не относящийся к области философии, но во всяком случае относящийся к области общественных вопросов, которым также хочет уделить внимание журнал «Под знаменем марксизма».

Это один из примеров того, как современная якобы наука на самом деле служит проводником грубейших и гнуснейших реакционных взглядов.

Недавно мне прислали журнал «Экономист», № 1 (1922), издаваемый XI отделом «Русского технического общества». Приславший мне этот журнал молодой коммунист (вероятно, не имевший времени ознакомиться с содержанием журнала) неосторожно отозвался о журнале чрезвычайно сочувственно. На самом же деле жур-

нал является, не знаю насколько сознательно, органом современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т. п.

Некий г. П. А. Сорокин помещает в этом журнале обширные, якобы «социологические» исследования «О влиянии войны». Ученая статья пестрит учеными ссылками на «социологические» труды автора и его многочисленных заграничных учителей и сотоварищей. Вот какова его ученость:

На странице 83-й читаю:

«На 10 000 браков в Петрограде теперь приходится 92,2 разводов (цифра фантастическая), при чем из 100 расторгнутых браков 51,1 были продолжительностью менее одного года, 11 % – менее одного месяца, 22 % – менее двух месяцев, 41 % – менее 3 – 6-ти месяцев и лишь 26 % – свыше 6-ти месяцев. Эти цифры говорят, что современный легальный брак – форма, скрывающая по существу внебрачные половые отношения и дающая возможность любителям “клубники” “законно” удовлетворять свои аппетиты». («Экономист», № 1, стр. 83-я).

Нет сомнения, что и этот господин, и то русское техническое общество, которое издает журнал и помещает в нем подобные рассуждения, причисляют себя к сторонникам демократии и сочтут за величайшее оскорбление, когда их назовут тем, что они есть на самом деле, т. е. крепостниками, реакционерами, «дипломированными лакеями поповщины».

Самое небольшое знакомство с законодательством буржуазных стран о браке, разводе и вне-брачных детях, а равно с фактическим положением дела в этом отношении, покажет любому интересующемуся вопросом человеку, что современная буржуазная демократия, даже во всех наиболее демократических буржуазных республиках, проявляет себя в указанном отношении именно

крепостнически по отношению к женщине и по отношению к вне-брачным детям.

Это не мешает, конечно, меньшевикам, с. р. и части анархистов и всем соответствующим партиям на Западе продолжать кричать о демократии и о ее нарушении большевиками. На самом деле, именно большевистская революция является единственной последовательно демократической революцией в отношении к таким вопросам, как брак, развод и положение внебрачных детей. А это вопрос, затрагивающий самым непосредственным образом интересы большей половины населения в любой стране. Только большевистская революция впервые, несмотря на громадное число предшествовавших ей и называющих себя демократическими буржуазных революций, – провела решительную борьбу в указанном отношении, как против реакционности и крепостничества, так и против обычного лицемерия правящих и имущих классов.

Если г. Сорокину 92 развода на 10.000 браков кажется цифрой фантастической, то остается предположить, что либо автор жил и воспитывался в каком-нибудь, настолько загороженном от жизни монастыре, что в существование подобного монастыря едва кто-нибудь поверит, либо что этот автор искажает правду в угоду реакции и буржуазии. Всякий сколько-нибудь знакомый с общественными условиями в буржуазных странах человек знает, что фактическое число фактических разводов (конечно, не санкционированных церковью и законом) повсюду неизмеримо больше. Россия в этом отношении отличается от других стран только тем, что ее законы не освящают лицемерия и бесправного положения женщины и ее ребенка, а открыто и от имени государственной власти объявляют систематическую войну против всякого лицемерия и всякого бесправия.

Марксистскому журналу придется вести войну и против подобных современных «образованных» крепостников. Вероятно, немалая их часть получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, хотя для этой цели они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста.

Рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею еще не научился, ибо в противном случае, он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливенько препроводил в страны буржуазной «демократии». Там подобным крепостникам самое настоящее место.

Научится, была бы охота учиться.

Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 3-12.

■ ДИКТАТУРА, ГДЕ ТВОЙ ХЛЫСТ?

1922 г.

Мы всегда знали, что философия «чистого» искусства, как и само чистое искусство, есть ложь. Или вернее: и в самом искусстве социальные корни и политические внушения иногда так бесформенны, так смутны, что до них не добраться поэту. Не один лишь мольеровский мещанин говорил прозой, не догадываясь о том: и поэты, не задумываясь над этим, переводят на язык своих образов не только свою поэтическую индивидуальность, но и коллективную личность своего класса. Да и литературно-социальный анализ, даже и наиболее проницательный, может вскрыть только самые общие классовые внушения поэтического творчества. Но философия чистого искусства и литературная критика, стоящие под тем же знаком, всегда и неизменно

обнаруживали ослиные уши реакции. И уши эти отличались в разные периоды только длиною.

У господина Ю. Айхенвальда уши длины непомерной, и первое впечатление от его книги – это удивление: как это в Советской России – даже в момент десятилетнего перемирия с буржуазным миром – нашлись бумага, шрифт и типографские чернила для того, чтобы дать столь полное отражение длиннейшим ушам айхенвальдовского чистого искусства¹. Мы здесь не литературную критику или антикритику собираемся писать. Мы ставим чисто политический вопрос. Или вернее – мы зовем к политическому ответу.

Книжка г. Айхенвальда насквозь пропитана трусливо-пресмыкающейся гнидой, гнойной ненавистью к Октябрю и к России, какой она вышла из Октября. Сей жрец чистого искусства подходит к поэтам и к поэтессам, прежде всего, с той бескорыстной эстетической целью, чтобы найти у них чуть-чуть замаскированный булжик, которым можно было бы запустить в глаз или в висок рабочей революции. Если удар не меток, то никак не потому, что не хватает злой воли. Господин Айхенвальд начинает издалека. Мы упомянули об ушах; это дает основание думать, что у него имеются и другие соответствующие атрибуты. И мы действительно видим, как он мимоходом лягает Некрасова, который «строил» (непременно «строил») «не всегда складные» песни свои «на гражданские мотивы». Некрасову противопоставляются *истинные* поэты – Фет и Тютчев. Далее эстетически-бескорыстный автор пытается мимоходом лягнуть Брюсова за его «бесвкусию». Брюсов, подлинно большой поэт прошлой эпохи, не отшатнулся от Октября. Наоборот, не изменяясь и не изменяя себе, он

---

¹ Айхенвальд Ю. Поэты и поэтессы. М., 1922.

отдал Октябрю сочувствие большого художника. И это сам по себе прекрасный факт, что рабочая революция привлекла к себе такого законченного мастера, как Брюсов! Но именно поэтому бескорыстный эстет, не успевший в свое время перебежать к Деникину, ненавидит Брюсова всеми источниками своих нагноений. И как же Айхенвальду, великому философу красоты, не лягнуть Брюсова за его... «бесвкусие».

Бесвкусие! Приведем только две коротеньких фразы из статьи Айхенвальда о Блоке – два образчика его собственного вкуса: «...Блок содержание и дух своего лиризма не мыслит вне глубочайшей связи с категорией России». С категорией (!!!) России! И далее, о смерти Блока: «Обитатели космического лиризма приняли его теперь в свое вечное лоно». Ох! За такие категории бесвкусицы и поистине космической пошлости люди когда-нибудь будут избивать господ литературных критиков на площадях камнями – когда у нас будет больше свободного времени и больше камней. Но мы уже сказали, что не пишем антикритики. И нам в конце концов плевать на шелудиво-претенциозное бесвкусие отравленного собственным ничтожеством реакционера. Если у него нет художественного вкуса, так это потому, что его обидела природа. Но если у него есть политический вкус к монархии и реакции, и он этот вкус выражает во всеуслышание, так это потому, что рабочая революция слишком снисходительна и многотерпелива.

Пятная Блока склизкой хвалой, Айхенвальд со скрежетом своих последних литературных пеньков говорит о его поэме «Двенадцать». Разумеется, эта поэма его «глубоко не удовлетворяет». Конечно, она не без достоинств: так, она «хорошо воспроизводит стиль и ритм *товарищей* и их действия». Вы заметьте себе, пожалуйста, этот стиль и этот ритм! И в царстве

Деникина. и в царстве Врангеля большевики, революционные рабочие и крестьяне вообще, красноармейцы в частности, иначе не назывались, как «товарищами» в кавычках. А словечко «действия»? Какая жалкая скудость литературных средств у эстета. Но какая злоба у реакционера... Этих «товарищей» – двенадцать. Почему не тринадцать? – спрашивает

Л. Д. Троцкий

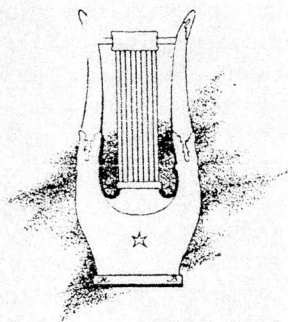
Айхенвальд: «эта дюжина была бы здесь уместней, чем обыкновенная». В этой чуть-чуть недосказанной фразе религиозный Айхенвальд противопоставляет блоковской «Христовой» дюжине – свою чортову дюжину. Мережковский ведь давно доказал, что большевизм от чорта. Но божественный Мережковский это напечатал под протекторатом 2-го отдела польского генерального штаба. А господин Айхенвальд свои откровения печатает в Москве, на территории пролетарской диктатуры...

«Двенадцать героев поэмы, – пишет Айхенвальд, – собранные в одну грабительскую шайку, нарисованы как темные и пьяные дикари». И в то же время мы слышали от него же, что поэма «хорошо воспроизводит стиль и ритм товарищей и их действия». Разумеется, благочестивый Айхенвальд чужд политике, – если коснется академического пайка, он даст в том подписку, – но ведь она именно во имя чистого искусства – того самого, что вывалилось во всех сточных канавах деникинщины и врангелевщины – называет рабочую советскую республику

ИЗВОЛЬТЕ БЫТЬ БЛАГОНАДЕЖНЫ

ЮЛИЙ АЙХЕНВАЛЬД

ПОЭТЫ
И
ПОЭТЕССЫ

„СЕВЕРНЫЕ ДНИ“
МОСКВА 1992

грабительской шайкой. Айхенвальд готов был бы почти примириться с поэмой, ибо – видите ли – некоторые штрихи заставляют его думать, что поэт «дал не столько поэму, сколько сатиру. – едкую сатиру на русскую революцию, на ее опошленные лозунги, на ее отношение к «буржуям», «попам», «сознательным» и «бессознательным»... (стр. 26). Но, так как старый мир назван у Блока «безродным псом», то сатиры все-таки не выходит, и бескорыстный эстет отвергает пса, тем более безродного (старый мир был «родовит»!), и осуждает всю поэму о грабительской шайке «товарищей».

Зато Айхенвальд с бесраздельным восторгом цитирует поэта, который поднял меч против революции и от меча погиб. «Воистину светло и свято дело величавой войны», – повторяет за Гумилевым Айхенвальд и поясняет: «он внутренне знатен, этот художник-дворянин» (стр. 40). Вслед за Гумилевым, Айхенвальд славословит монархизм и «чувство воина к своему вождю». – «О, император, я верный твой раб!». Или: «Тягостен, тягостен этот позор – жить, потерявши царя». Если Блок попытался приобщиться к революции, то он этим – по чистому эстету Айхенвальду – ввел инородную стихию в свое искусство. Когда же Гумилев поет царя, дворянина и их войну, тогда чистый эстет Айхенвальд вяще изломившись перед такими полновесными моральными и религиозными ценностями, разъясняет, что воинственность поэта – не грубость, ибо она – «высокой культуры», ибо сам поэт – не просто поэт, а «художник-дворянин». Благословляя с Гумилевым войну, Айхенвальд скрежещет проклятия концу ее. «И когда наступил бесславный конец войны и то *бесславное, что началось за ним...*» Это не из «Нового Времени», которое печатается в Белграде на деньги сербского короля, и не из врангелевских рептилий, которые ныне закрыты даже в Со-

фии, а из книжки, которая издана в 1922 году в Москве! Вы слышите это, вы, не-дворянские воины Октября?

И у даровитой Анны Ахматовой Айхенвальд – сей неполитический, идеалистический, эстетический, религиозный и бездарный Айхенвальд – нашел первым делом скорбное лицо матери офицера, которого расстреляли на Малаховом кургане. Лицо осиротевшей матери неполитический Айхенвальд показывает нам «на фоне русского ужаса». И именно за это прежде всего именует он Ахматову «последним (!) цветком благородной (дворянской?) русской культуры». Но разве этот безымянный офицер, как и тот поэт, не пали от меча потому, что подняли меч? Разве они погибли не в гражданской войне? Или, может быть, у тех матросов, красноармейцев и рабочих, которые истреблялись стократно на Малаховом кургане и в других местах, может быть, у них нет матерей? Или, может быть, слезы не-дворянских матерей меньше весят на весах чистой поэзии или айхенвальдовской религии? Или, может быть, наш надполитический эстет одинаково сочувствует страданиям и горестям обоих лагерей (о чем его, впрочем, никто не просит)? Нет, он всей своей душою (кто поверит в «бессмертие» этой души?) – с лагерем белого офицера и художника-дворянина, поднявших меч за своего царя. Это не значит, конечно, что Айхенвальд готов встать с ними в общий ряд. О, нет, он вне политики – в том смысле, что прежде всего хочет быть вне ее опасностей. Он благоговеет перед красотой воина-дворянина и хотел бы всегда оставаться при нем в роли литературного приживала, – но пускай же тот победит. Это философский, эстетический, литературный, религиозный блюдолиз, то-есть мразь и дрянь. Во внутренних борениях трусости с надеждой он и не успел, очевидно, в свое время бежать из пределов «бесславия». Пять лет он накоплял

свой гной низверженного приживала. А теперь НЭП открыл шлюзы его творчеству. И он осмелел. И он вынес в литературу свои длинные уши, свои эстетические копыта и злобный скрип своих изъеденных пеньков.

Старый мир был «родовит», в этом Айхенвальд подбострастно прав. Но представители, защитники, адвокаты и эстеты старого мира в рабочей республике – безродные псы. В этом великолепно прав Блок. Безродные псы – несмотря на НЭП, на десятимесячное перемирие с буржуазной Европой и на все каннские пункты. Безродные псы!

У диктатуры не нашлось в свое время для подколодного эстета – он не один – свободного удара хотя бы древком копыта. Но у нее, у диктатуры, есть в запасе хлыст, и есть зоркость, и есть бдительность. И этим хлыстом пора бы заставить Айхенвальдов убраться за черту, в тот лагерь содержанства, к которому они принадлежат по праву – со всей своей эстетикой и со своей религией.

О.

Правда. 1922. № 121. 2 июня.

■ С. БОБРОВ. Ю. АЙХЕНВАЛЬД. ПОЭТЫ И ПОЭТЕССЫ

И терпентин на что-нибудь полезен... Айхенвальд существует для того, чтобы людям окончательно необразованным и глупым простодушно докладывать, что вот-де он читал такую-то и такую-то книжку и – разрешите я вам доложу, что вы, ходячая посредственность и голова, с трудом ориентирующаяся в четырех правилах арифметики, можете в этой, как говорят понимающие люди, умной книжке понять. И докладывает, вежливень-

ко так, сладенько: толпы баранов слушают его. Однако нам чистый расчет, чтобы и баран чему-нибудь учился, – наверное он от книжки Айхенвальда уходит с чувством некоторого небесного просветления и чистой благодати, излившейся на его почтенное руно. Очевидно, что лекции для баранов не очень интересны и заранее можно сказать, что там будет излагаться. Для любопытствующих предложим цитатки: «Скончался Блок – на лире современной поэзии оборвалась одна из ее певучих и драгоценных струн... Пытаясь сказать несказанное, он тклет паутинные сплетения лирики... очень трогательны, например, его стихи о маме... радость и страдание могут сочетаться воедино... присуще его поэзии легкое дыхание... и кажется, что обители лиризма приняли его теперь в свое вечное лоно». Гумилев: «Он в самом деле акмеист... романтик, борющийся за голубую лилию... принадлежит ему вся красота консерватизма... наш утонченный воин, наш холеный боец... он аристократ и гордый носитель самоуважения»... Ахматова: «явила образ женской души... так задушевно и проникновенные ее интонации... это пленительно». Еще глава, но та совсем уж о М. Шагинян. Как видите: глупо, скучно и черносотенно. Пишущий это боится, что он был несправедлив к баранам: нехорошо все-таки и их заставлять читать такое, и уж если на то пошло, то пусть они прямо читают Ахматову.

Стыдобушка! В 1922 году некролога путно написать не умеем.

Печать и революция. 1922. № 6. С. 288.

■ Ю. АЙХЕНВАЛЬД. АЛЕКСАНДР БЛОК

Из книги «Поэты и поэтессы»

1922 г.

7-го августа 1921 года скончался Блок – на лире современной поэзии оборвалась одна из ее певучих и драгоценных струн. Больно вспоминать, что так недавно мы видели и слышали его, когда в своеобразной и целомудренной манере своей читал он свои стихи, не помогая им переливами голоса, бесстрастно перебирая их, как монах – свои четки. И после этой смерти хочется еще больше, чем при жизни его, отдать себе отчет о совокупном характере его пленяющего творчества.

Человеческая соловьиность, это – лирика. Обычное деление поэзии на лирику, эпос и драму не вполне психологично: в сущности есть одна только поэзия – лирическая. Душа – книга песен. Недаром говорит Блок о своей «песенной груди». Их, песен, может быть больше и меньше, оне могут быть грубее и тоньше, но, как бы то ни было, именно из них, и только из них, состоит наша внутренняя, наша человеческая литература. Прирожденная лиричность души – вот главное: остальное приложится. И эпос, и драма – лишь кристаллизация первородного лиризма. По аналогии с историей мироздания, первичное состояние души тоже газообразно. Да, лирика – нечто газообразное, и опять-таки недаром у того же Блока стих клубится туманами. Душа безтелесна, и оттого ей к лицу не «тяжкая твердость» эпоса или драмы, не их прочная плотность, а бесплотная воздушность лирики. Духу – воздушное. Патрон лириков – Ариэль. Лирический воздух, благодаря которому дышит душа, образует стихию как жизни, так и творчества. Это он внушает душе-поэтессе ее интимные стихи, внятные или безмолвные, – те белые стихи, которые в тишине и тайне слагает каждый. Певучесть – в самой

природе Психеи; от душевной музыки идет духовная музыка и всякая иная разновидность вечного лиризма. Душа, это – лира.

Вот почему возможно принять за мерило достоинств поэта степень его совпадения с лирической категорией духа. Тем выше поэт, тем поэтичнее поэт, чем он ближе и родственнее последней. Если христианство велико потому, что «всякая душа – христианка»: если существует некое естественное христианство, неписанное Евангелие, которое потом сказалось в Евангелии историческом; если существует некое естественное право, от которого ведут свое происхождение все остальные права, права, тем более правые, чем больше походят они на своего родоначальника, то существует и некая естественная поэзия, к которой и должны, и хотят приближаться все поэзии вторичные, все литературы искусственные. Лучшая словесность, это – слово.

Когда с такой точки зрения смотришь на художественную ткань Александра Блока, то сейчас же видишь там легкие следы первозданной лиричности.

Она имеет в нем одного из тончайших своих выразителей. Певец Прекрасной Дамы касается жизни «порагами легкими, как сон», и жизнь теряет от этого свою грубую материальность и претворяется в эфирную субстанцию духа. От слов Блока вещам не больно. Наследник Фета, он имеет в своей музыкальной власти нежнейшие флейты и свирели стиха. Пытаясь ими сказать несказанное, он ткет паутинные сплетения лирики. Но они легко рвутся, и, как любимый снег его, быстро тают иные из его стихотворений. От реалистического дыхания разлетаются они, будто одуванчики, и из своего призрачного бытия без труда переходят в полное небытие. В своей автобиографии рассказывает он, что с детства набегали на него «лирические волны»; он им отда-

вался, он пьянел от них, и так как у него с тех пор «душа туманам предана», то вот из этой пьяности и туманности одинаково рождаются и произведения завершенные, совершенные, а такие, которые еще не готовы, не зрелы, темны и незначительны – стихи-эмбрионы. У Блока много лишнего и пустого. Он неровен; он иногда как-то неинтересен. Его сборники нуждаются еще в эстетическом отборе. Он знает белое, но знает и бледное; и белое нередко превращается у него в белесоватое: тоже от снега, этой ненадежной сердцевины его стихов, ложится на его стихи белесоватый отблеск. Не чужда нашему поэту болезнь лейкокривия. Деликатны его прикосновения, но в связи с этим они бывают и вялы. Как неньюфары, как лилии, растущие на воде, – не все, но многие из его типичных стихотворений (есть у него и тяжелые); здесь – очарование, но здесь и бесцветная неопределенность воды. Он часто непонятен, другим и себе, этот, лунатик лиризма. Он сам однажды просит себя: «дай понять». В непонятных строках своих он, вероятно, дает уже продолжение какого-нибудь внешнего и внутреннего факта (даже словом *но* открывается у него одно стихотворение): однако, начало этого факта читателю неизвестно и, что еще важнее, не дает о себе догадаться: а мы недоумеваем перед этой безначальностью, а потому незаконченностью, и мы только чувствуем, что перед нами – какой-то намек. Не всегда хочется, не всегда стоит его разгадывать. И тонкие намеки его стихов, «грусть несказанных намеков», как мы только что упомянули, должно быть, иной раз непостижимы и для самого автора. Это обусловлено тем, что вообще у него – душа-эскиз, душа-набросок; не ярки ее линии, не отчетливо обведены ее теряющиеся контуры. Лиризм, конечно, не исключает темперамента; между тем у лирика Блика полной насыщенности темпераментом и нет.

Ему недостает той выразительности, того красноречия, каким обладает страсть. Не в фокусе для самого себя, с душою не красочной, без постоянного горения, он себя не сосредоточил, не собрал, и если прав Роденбах, что душа – голубой аквариум, то в хрустальные стенки его, в этот прозрачный плен, Блок не ввел, не заключил расплывающихся струй своего художества. И теперь, когда пройдена его дорога, с особенным чувством воспринимаешь следующие стихи его к матери, – грустно, что испытываешь соблазн согласиться с ним:

Я – человек и мало Богу равен.
В моих стихах ты мощи не найдешь.
Напев их слаб и жизненно бесславлен,
Ты новых мыслей в них не обретишь.
Их не согрел ни гений, ни искусство,
Они туманной, долгой чередой
Ведут меня без мысли и без чувства
К земной могиле, бедной и пустой.

Но замечательно, что все эти недостатки его являются лишь изнанкой его достоинств и проистекают из указанной нами органической и родственной близости его к самой стихии лиризма. Как будто не сам он ответствен за себя, или, во всяком случае, вину за туманы и улетающие флюиды своих стихов он должен делить с изначальной газообразностью лирической души. Оттого и сущность его поэзии выплывает исподволь, не сразу; как будто ее туманное пятно светлеет мало по малу. Она в том отношении развивается и внутренне растет, что происходит в ней постепенная конкретизация. Медлительно и неуверенно соединяются ее едва намеченные штрихи в содержательный рисунок, и водяными красками на-

писана картина этой одаренной, но не энергической и до конца невыявленной личности.

Пристально вглядываясь в ее очертания, в зыбкое марево ее примет, мы различаем то, что Блок никогда не бывает один. Не за ним следует тень, а он следует за тенью, светлой или темной, голубой или белой, или черной, преследует Незнакомку, кого-то ищет, кого-то слышит, с кем-то беседует. Лиризму свойственна углубленность; но, кажется, Блок достаточно глубоко в себя не входит и не настолько умеет оставаться наедине с собою, чтобы потом рассказать себя вне своих соотношений с другими, с друзьями, с Другой. Это не естественная приобщенность человека к человеку: это – нечто большее, или, лучше сказать, нечто меньшее. Не самостоятельный, он точно пребывает больше в инобытии, чем в бытии. Вечный жених то одной, то другой невесты, Гамлет разнородных Офелий, будь это Мадонна или Кармен, Дева Дев или цыганка, он «входит в темные храмы, свершает бедный обряд, там ждет Прекрасной Дамы в мерцании красных лампад»; но он же готов петь и гитану:

..... я небу
Твой голос передам!
Как иерей, свершу я требу
За твой огонь звездам.

Рыцарь и богомолец, он предчувствует Богоматерь, идет по следам ее голубых путей, лазурной дорогой; и «с глубокою верою в Бога» для него «и темная церковь светла». Словно католик нашей поэзии, он воздвигает в своей душе какую-то готику. Но только она не запечатлена средневековой величественностью и не имеет цельности. В самые минуты озаренных молитвословий, уми-

ленного богослужения, поэт, зная свое непостоянство и колебания, уже боится, что он не пребудет верен своей иконе, своей Мадонне. И за это он винит либо ее, либо себя. Она изменит свой облик – рождается в нем «дерзкое подозрение»: она «сменит в конце привычные черты». Но, разумеется, это возможно только потому, что изменчив он сам, что двулична его душа:

Люблю высокие соборы,
 Душой смиряясь, посещать.
 Входить на сумрачные хоры.
 В толпе поющих исчезать.
 Боюсь души моей двуликой
 И осторожно хороню
 Свой образ дьявольский и дикий
 В сию священную броню.
 В своей молитве суеверной
 Ищу защиты у Христа,
 Но из-под маски лицемерной
 Смеются лживые уста.

Конечно, наш прихожанин высоких соборов не так прикосновенен к аду, как он это говорит, и образ его не производит впечатления «дьявольского и дикого»; но верно то, что своей Прекрасной Дамы он – рыцарь только на час. В этом ведь и заключается основной надлом его поэзии, – в этой невыдержанности его идеализма. Как и пушкинский рыцарь бедный, он тоже некогда увидел (или, по стопам Владимира Соловьева, внушил себе, что увидел) «у креста, на пути. Марию-Деву, Матерь Господа Христа», но, в противоположность своему прототипу, не стал навсегда привержен ее имени и духу святому.

Настал для него «конец преданьям и туманам», и «те-

перь во всех церквах Она». заслуженно, по собственной воле, «равно монахам и мирянам на поруганье предана»...

Его закружила метель жизни, та снежная вьюга, которую он так часто поминает, и богу неведомому, неведомой, начал приносить он свои шаткие молитвы, — а она прихотливо меняла свои облики и являлась ему то как упавшая с неба голубая звезда, то как Мария, как дальняя Мэри, то как грешная скиталица ресторанов. Под снежную маску и под всякой другой маской скрывала перед ним свое лицо его спутница, — или, правильнее, это было иллюзией: в действительности же, с маской, подругой измены, редко разлучался он. Блок считает это даже не только своей личной, но и общей участью:

И мне, как всем, все тот же жребий
Мерещится в грядущей мгле:
Опять любить Ее на небе
И изменять ей на земле.

Изменить или изменять: последнее вернее, потому что говорит о приливах и отливах душевного моря, о перевалах жизненной дороги. На ее протяжении бывают минуты, когда кажется, что твое Божество совсем отошло от тебя, навеки, безвозвратно:

Ты в поля отошла без возврата.
Да святится имя Твое!

.....

О, исторгни ржавую душу,
Со святыми меня упокой,
Ты, Держащая море и сушу
Неподвижно тонкою Рукой!

Страшно сказать про свою душу, что она – ржавая: но ведь и в самом деле человеческая душа способна ржаветь, и Блок слишком испытал это на самом себе. Пусть не отошла от него навеки Властительница моря и суши со своею тонкой рукой, с тою в кольцах узкою рукой, к которой так нежно прижимает он свои уста, – над нею в его сердце уже не сияет прежний ореол частоты. Поэт, «стареющий юноша», прошел сквозь строй города, изведаль его развращение, отравил себя его моральной ржавчиной и беленой, на площадях его встречал своего печального двойника, – и вот между рыцарем и дамой стали иные образы. Чистые одежды снега (который у Блока с его душой, очень тронутый севером и особым чувством Петербурга, – явление не только атмосферное, но и мистическое); шлейф метели, оснеженные колонны Петербурга, и вся вообще эта симфония слепительной светлости не сохранили однако нашего певца для – покоя вечной и блаженной белизны. «В тайник души проникла плесень». Знатный палладин в голубом плаще и с мечем, лирический принц, по духу своему аристократ голубой крови, он не оградил себя и от крови черной. Она оказалась не только в той презренной женщине, которую он палкой ударил, но и в нем самом: одинаково в обоих – «нет, не смирит эту черную кровь даже свидание, даже любовь», и в некоторые мгновения – «мой рот извивом алым на твой таинственно похож»... И в черном, и в белом роднятся между собою люди. Как не похожа на Беатриче та, которую непохожий на Данта палкой ударил!.. Но когда она спит и проникает «утра первый луч звенящий сквозь желтых штор», то «чертит Бог на теле спящей свой световой узор»: как это примирительно и ласково, как это далеко от черного! и возвращаются Беатриче и Дант, и можно ли гнушаться той, на чьем теле сам Бог не брезгает чер-

тить свои световые узоры и играть звенящими лучами своего благодатного солнца?.. Но все-таки. омрачая белизну и ослабляя белесоватость Блока, несчастно и счастливо, вторгается в его стихи черное.

Характерно, что самые розы у него часто черны.

Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, Аи, —

опять соединение темного и светлого...

Бокал, «вечерний звон хрупкого бокала», в поэзии Блока вообще имеет не малую долю. Поэт «пригвожден к трактирной стойке», к этому дьявольскому кресту новой Голгофы: душа его «пьяным пьяна... пьяным пьяна», и потому его счастье «потонуло в снегу веков», умчалось тройкой в «сребристый дым», в «сребристую мглу» жизни. Впрочем, Блок опьянен как принц, и опьянила его именно струя Аи. благородная пена шампанского вина. Самый хмель не отнял у него изящества; он опьянен, но не опошлен. Как-то неглубоко вошел в него «тлетворный дух» ресторана, где он проводил беспутные часы, и лишь слегка задел эту не страстную душу. Но, разумеется, ее первоначальная свежесть давно потеряна: теперь он смутен и сложен, теперь накопилось в ней достаточно иронии, теперь, зачерпнув из действительности совсем не романтической, он нажил печальное богатство насмешки над собственным романтизмом. Это составляет одну из нескольких точек соприкосновения между Блоком и Гейне.

У нашего русского лирика нет той остроты ума, какой отличается немецкий, и слабы сатирические ноты его стихов, и он гораздо сдержаннее Гейне в своем скептицизме, и несравненно сердечнее его, богаче патриотизмом: но все же, когда Блок переводил творца Книги

песен, он шел этим на огонек, на блуждающий огонек, себе родственный. И можно было бы его творчество рассмотреть как раз в этих двух планах: не-гейневском и гейневском; можно было бы различить в его поэзии течение благочестивое, в духе Жуковского, который так не любил Гейне, и течение противоположное, потерявшее уже свою религиозную кристальность, уже смешавшееся с черной кровью и тенями утомленного сердца, охлажденного солнца, уже отравленное ядами той поры тела и духа, когда

...ни скукой, ни любовью,
Ни страхом уж не дышишь ты.
Когда запятнана мечта
Не юной и не быстрой кровью;

когда

...ограблен ты и наг:
Смерть невозможна без томленья,
А жизнь, не зная истребленья,
Так – только замедляет шаг.

Не юная и не быстрая кровь, жизнь еще не оставившаяся, но уже замедлившая свой шаг: именно этот период так опасен для романтизма и так склонен пятнать его мечты. Вот почему и Блок от культа своей божественной невесты пришел к сомнению, не картонная ли она, и Божий мир предстал ему, как балаганчик, и любовь, когда-то единая, рассыпалась на бесчисленные и обездушенные любви: «их было много... и те же ласки, те же речи, постылый трепет жадных уст, и примелькавшиеся плечи»; «да, есть печальная услада в том, что любовь пройдет как снег; о разве, разве клясться надо в старинной верности навек?»; «нет, я не первую ласкаю

и в строгой четкости моей уже в покорность не играю и царств не требую у ней»; «и стало все равно, какие лобзать уста, ласкать плеча, в какие улицы глухие гнать удалого лихача». Наступила жуткая полоса, о которой очень сильно и сурово говорит поэт:

Здесь дух мой злобный и упорный
Тревожит смехом тишину;
И, откликаясь, ворон черный
Качает мертвую сосну.
Внизу клокочут водопады,
Точа гранит и корни древ,
И на камнях поют наяды
Бесполой гимн безмужних дев.

И в этом гуле вод холодным,
В постылом крике воронья
Под рыбьим взором дев бесплодных
Тихонько тлеет жизнь моя...

или вот еще, среди многих других, элегия полной безнадёжности и уныния:

Весенний день прошел без дела
У неумытого окна;
Скучала за стеной и пела,
Как птица пленная, жена.

Я, не спеша, собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела;
И стало беспощадно-ясно:
Жизнь прошумела и ушла.

Еще вернутся мысли, споры,
Но будет скучно и темно;
К чему спускать на окнах шторы...
День догорел в душе давно.

Летели дни его, крутятся проклятым роем, вино и страсть терзали жизнь его, все миновалось, молодость прошла, все свершилось по писаньям: остудился юный пыл, и конец очарованьям постепенно наступил, и теперь «все не стоит пятака», и в часы бессонницы приходят на ум бессмысленность всех дел, безрадостность уюта, и становятся все равно – совесть? правда? жизнь? какая это малость! – и жизнь воспринимается, как назойливый звук запущенного, жужжащего волчка...

Вопреки собственному завету своих прекрасных, серьезных и религиозных слов: «свершай свое земное дело, довольный возрастом своим», Блок стал недоволен, и затмилась у него, усталого, прежняя ясность серафического взора. Когда то у него, наивного, помимо общей возвышенности идеалистического духа, была более обычная, но не менее ценная ласковость и приветливое человеколюбие: очень трогательны, например, его стихи о детях, о маме, которая сама на рельсы легла, которой после смерти хорошо и не больно; о той красивой и молодой, которая во рву под насыпью, лежит раздавленная любовью иль колесами; иль о том, как

В голубой далекой спаленке
Твой ребенок опочил;
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.

И часты у него стихотворения о конкретных несчастьях жизни, но при том обвеянные дыханием фантас-

тики, стихотворения-баллады, – хотя-бы «Сказка о петухе и старушке», о красном петухе, от которого сгорела бедная старушка:

А над кучкой золы разметенной.
Где гулял и клевал петушок,
То погаснет, то вспыхнет червонный
Золотой, удалой гребешок.

И там, где в подобных рассказах о бедах бытия Блок проявляет задушевность и простоту, он напоминает Полонского (которого в одном стихотворении даже цитирует).

Но эта осердеченная простота нервно усложняется, и зрелище смерти вызывает у него уже не непосредственный отклик участия, а «вольные мысли» о смерти, и самою жизнью внушенная баллада принимает очертания, в которых мистика и модернизм, веяние жути и трезвое дыхание современной машинности вступают между собою в причудливый союз, так что зловещими стопами Каменного Гостя к Дон-Жуану приближается Командор в обстановке наших дней:

Пролетает, брызнув в ночь огнями,
Черный, тихий, как сова, мотор.
Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор

и несет месть Дон-Жуану именем Донны Анны, той Анны, перед которой виноват всякий Жуан.

В душе, прежде богомольной, начинает гнездиться кошунство и богоборчество, – даже не жгучая ненависть к Богу, а презрение. Еще благочестие и смирение не совсем умерли, но на похоронах младенца –

Пусть эта смерть была понятна, —
 В душе под песни панихид,
 Уж проступали злые пятна
 Незабываемых обид.
 Уже с угрозою снималась
 Доселе добрая рука,
 Уж подымалась и металась
 В душе отравленной тоска.
 Я подавлю глухую злобу,
 Тоску забвению предам.
 Святому маленькому гробу
 Молиться буду по ночам.
 Но быть коленопреклоненным,
 Тебя благодарить скорбя?
 Нет. Над младенцем, над блаженным.
 Скорбеть я буду без Тебя.

В сущности, без Бога и без божьего креста оказывается и любовь Блока, раньше сохранявшая у него именно божественные аспекты. В своей драме «Роза и Крест» (гораздо лучше задуманной, чем исполненной) он не показал возможности того, что бы в любви роза и крест сливались гармонически. Любовь Изоры — бескрестная, а в любви тусклого Бертрана — слишком мало розы. Не освящена не только церковью, но и естественной святостью самой любви, увенчанная любовь Изоры и Алискана (которого не напрасно автор в своем комментарии к пьесе называет «молодым и красивым пошляком», «не человеком, а красивым животным»). Но в «Розе и Кресте» то хорошо и то соответствует осложняющейся, налетом трагизма покрывающейся душе Блока, что явлен там образ именно черной розы. Она чернеет, она становится все тяжелее от пропитывающей ее человеческой крови: розу отягощает страдание, и этим

она в благоуханности своих омраченных лепестков красноречивее живых героев говорит, что радость и страдание могут сочетаться воедино.

Тяжесть любви и соединение любви с болью, с убийством, с кровопийством, и вообще-то не однажды мерещатся Блоку в странных сонных видениях его стихов. Как врезается в сердце острый французский каблук, как любовник-вампир вонзает свой перстень в белое плечо, и кровь, душистый и смолистый напиток, пьет из плеч благоуханных, — это ведомо нашему поэту.

И если в начале своего человеческого и поэтического пути Блок верил в поэта, то дальнейшее продвижение через теснины жизни, такие обездоливающие и разоряющие, отняло у него эту веру, и мы знаем, как часто и с какою горечью говорит он о «литераторе модном, слов кошунственных творце», о «сочинителе, человеке, называющем все по имени, отнимающем аромат у живого цветка, больше любящем рифмованные речи о земле и небе, чем землю и небо», «бродящем по улицам, любящем отрывки незнакомых слов и рассказывающем свою душу подставному лицу»; и все больше и больше сомневается он, чтобы в «легком челноке искусства» можно было «уплыть от скуки мира», и он проклинает свои книги, своих детей. — «молчите, проклятые книги... я вас не писал никогда...».

Лиризм по своей природе — утверждение; а в душу Блока соблазняющей змеею вкралось отрицание. Элемент Гейне сказался у него, и по существу, и по форме, также и в той особенности, благодаря которой ему все настойчивее открывалось присутствие на земле сверхестественных сил, демонического начала. Над миром простым построил он страшный мир. Недаром третью книгу своих стихов, самую зрелую и примечательную, он посвятил такой музе, в чьих напевах со-

кровенных есть роковая о гибели весть, проклятие святынь, поругание счастья, насмешки над верой, искушение ангелов, и была ему «роковая отрада в попираньи заветных святынь». Всякие песни ада, и пляски смерти, и смерть, наклонившаяся в аптеке перед шкапом с надписью «Умерла», и дурной глаз тайного соглядатая: все это дошло до слуха и духа Блока.

Но смерть, настоящую и последнюю смерть, он представляет себе все-таки благообразной и торжественной. Она войдет «с хрустальным звоном», она «тронет сердце нежной скрипкой», она закружит голову хором тихих грез.

Протянуться без желаний.
Улыбнуться навсегда.
Чтоб в последний раз проплыли
Мимо, сонно, как в тумане,
Люди, зданья, города.

Все кружится и кружится эта легкая карусель. «Что ж конец?»

Нет, еще леса, поляны,
И проселки, и шоссе.
Наша русская дорога,
Наши русские туманы.
Наши шелесты в овсе.

А когда пройдет все мимо,
Чем тревожила земля,
Та, кого любил ты много,
Поведет рукой любимой
В Елисейские поля.

Особенно замечательны и привлекательны эти леса, поляны, проселки и шоссе, наша русская дорога, наши русские туманы, наши шелесты в овсе... Здесь – русская стихия Блока, здесь тот его патриотизм, та искренняя и любовная заинтересованность Россией, которые в этом слагателе итальянских стихов и в этом обитателе космических снежных далей производят неотразимое впечатление. История нашей поэзии приучила нас к тому, чтобы от своих лириков мы не ждали гражданственности. На гражданские мотивы строил свои не всегда складные песни Некрасов; но истинные поэты, но Фет и Тютчев не здесь находили свое высокое вдохновение. Между тем тончайший лирик Блок является вместе с тем, наперекор русской традиции, поэтом-гражданином. И многие страницы его проникнуты неподдельным чувством родины. Не безнаказанно, не бесследно прошла для него русская история; он ею живет и страдает, он принимает в ней моральное участие.

Необходимо оговориться: мы не имеем в виду выступлений Блока в пору революции, его публицистических статей, его нашумевшей газетной прозы. Когда говоришь о его поэзии, нет нужды вспоминать что-нибудь другое. Неизмеримо слабее, чем его стихи, вся его проза вообще (кроме такого этюда, как «Русские денди»). Она часто наивна и беспомощна; в ней он не мыслитель; с нею нельзя серьезно считаться, и не политике, и не идеям, а поэзии можно и должно учиться у нашего лирика. Но вот именно в пределах его песен, «за струнной изгородью лиры», вне границ теперешнего русского момента, слышится у него постоянное обращение к России; и для нас важно как раз оно. Не только в безвоздушном пространстве фантазии, но и в определенном, русском воздухе, на просторе русских полей, помещает он свою лирику. Коли и Тютчев, только что

упомянутый, в свою космическую поэзию вводит иногда Россию, то все-таки Россия к сути его творчества не имеет прямого отношения, а скорее представляет собою только эпизод, и Тютчев, как поэт, был бы собою даже и без своего славянофильства. Между тем Блок содержание и дух своего лиризма не мыслит вне глубочайшей связи с категорией России. Особый отпечаток своей души он выводит из новевшей русской истории:

Мы – дети страшных лет России –
 Забыть не в силах ничего.
 Испепеляющие годы!
 Безумья ль в вас, надежды ль весть?
 От дней войны, от дней свободы –
 Кровавый отсвет в лицах есть.
 Есть немота – то гул набата
 Заставил заградить уста.
 В сердцах, восторженных когда-то,
 Есть роковая пустота.

Эту пустоту Блок стремится заполнять Россией, религией России. И в ряде стихотворений он либо изображает «полевого Христа», нашу природу, живую мифологию наших полей и болот, мир наших «тварей весенних», либо говорит о России с каким-то болезненным стоном любви и тоски. Он называет ее своей женою, своей бедной женою, своей жизнью; он нищую страну свою и круг ее низких, нищих деревень принимает глубоко в сердце и безумно хочет разгадать ее загадку и ее рыдание:

О, нищая моя страна.
 Что ты для сердца значишь?
 О, бедная моя жена,
 О чем ты горько плачешь?..

Мистичность своей «роковой, родной страны», которая «и в снах необычайна», он прозревает и в ее недавних событиях; и на них тоже распространяется та его первая и последняя любовь, то его мистическое супружество, которое называется Россия. Но здесь уже политический мыслитель (или не-мыслитель) Блок помешал лирическому поэту Блоку, а его поэма «Двенадцать» глубоко не удовлетворяет. Хорошо воспроизводя стиль и ритм «товарищей» и их действия, вообще не чуждая, конечно, художественных достоинств, она все-же не блещет ими сплошь, отталкивает местами своей — правда, намеренной грубостью, не бедна словесными шероховатостями, а, главное, безо всякой внутренней связи, без органичности и необходимости, только внешне связывает свою фактическую фабулу с нашей революцией. Эта последняя к сюжету привлечена искусственно. В самом деле, разве то, что Петька, ревнуя к Ваньке, убил Катьку, — разве это не стоит совершенно особняком от социальной или хотя бы только политической революции? И разве революция — рама, в которую можно механически вставлять любую картину, не говоря уже о том, что и вообще рама с картиной не есть еще организм? Изображенное Блоком событие могло бы произойти во всякую другую эпоху, и столкновение Петьки с Ванькой из-за Катьки по своей психологической, или физиологической сути ни революционно, ни контрреволюционно и в ткань новейшей истории своей кровавой нити не вплетает. Правда, Петька, как и остальные его одиннадцать товарищей, — красногвардеец: вот эта дань недавней моде, этот, в эпоху создания поэмы, последний крик современности и позволил автору написать свое разбойное происшествие на фоне именно революции; так получилась политика. Сама по себе она у нашего поэта двойственна. С одной стороны, он как-

будто сокрушается, что у нас «свобода без креста»; он находит к лицу, или, лучше сказать, к спине своим двенадцати «бубновый туз»; он слышит на улице города, среди снежной вьюги, не покидающей Блока и здесь, слова женщин: «и у нас было собрание... вот в этом здании... обсудили... постановили... на время десять, на ночь — двадцать пять»; и много других штрихов заставляют думать, что писатель дал не столько поэму, сколько сатиру, — едкую сатиру на русскую революцию, на ее опошленные лозунги, на ее отношение к «буржуям», «попам», к «сознательным» и «бессознательным». С другой стороны, Блок серьезно, кажется, поступаясь художественностью, олицетворяет «старый мир» и говорит про него, будто он «стоит» позади «буржуя», «безмолвно как вопрос» (кстати: вопрос вовсе не безмолвен, — он, скорее, настойчив, шумлив, криклив, пока его не удовлетворят, пока на него не ответят), — да, так «старый мир» стоит, «как пес безродный, поджавши хвост» (кстати: «старый мир» меньше всего можно сравнить с «безродным» существом; он именно родовит, он стар, и как раз в том его сила. что за ним — длинный ряд поколений, внушительная галерея предков). И самое название «Двенадцать», а не хотя бы «Тринадцать» (эта дюжина была бы здесь уместнее, чем обыкновенная), и не какое нибудь другое число, символически намекает, что поэт имеет в виду некий священный прецедент: хотя все двенадцать идут вдаль «без имени святого», у нас невольно, вернее — по воле автора, возникает воспоминание о двенадцати апостолах. И что такое сближение не является произвольной выходкой со стороны кошунствующего читателя, а предположено самим писателем. — это видно из неожиданного финала поэмы:

Так идут державным шагом –
 Позади голодный пес,
 Впереди – с кровавым флагом,
 И за вьюгой невидим,
 И от пули неведим.
 Нежной поступью надвьюжной,
 Снежной россыпью жемчужной,
 В белом венчике из роз –
 Впереди – Иисус Христос.

Этого уже за иронию никак нельзя принять. Помимо тона, заключительный аккорд поэмы, Христос с красным флагом, с кровавым флагом, должен еще и потому приниматься нами не как насмешка, а всерьез, что здесь слышатся давно знакомые и заветные лирические ноты Александра Блока – нежный жемчуг снега, снежная белая вьюга, дыхание небесной божественности среди земной метели. Двенадцать героев поэмы, собранные в одну грабительскую шайку, нарисованы, как темные и пьяные дикари, – что же общего между ними и двенадцатью из Евангелия? И пристало ли им быть крестоносцами (впрочем, они – без креста...) в борьбе за новый мир. Так не сумел Блок убедить своих читателей, что во главе двенадцати, предводителем красногвардейцев, оказывается Христос с красным флагом. Имя Христа произнесено всуе.

Точно также и родственное «Двенадцати» стихотворение «Скифы» полно исторических и политических несообразностей. История не сдержала тех обещаний, которые, недостаточно уполномоченный ею, дал за нее поэт, и не «хрустнул скелет» Европы «в тяжелых, нежных лапах» скифов с раскосыми глазами...

Нет, не политикой, инородным телом своим нарушающей поэтичность блоковских мелодий, оправдыва-

ет наш певец Россию и свою любовь к ней, а именно самой поэзией своей. Она – лишний довод в защиту русского духа, новый аргумент в пользу нашей несчастной родины. «Не бездарна та природа, не погиб еще тот край», где могут зародиться подобные песни. Что ни говорить о песне, все равно ее не расскажешь. Нельзя рассказать и о песне Блока, о ней особенно, потому что ничем, кроме ее самой, не воспроизведешь ее неуловимой музыкальности. «Так окрыленно, так напевно» льются ее звуки в ароматах соловьиного сада. Тайна ее своеобразных ритмов едва ли может быть вскрыта научным анализом; лучше постигаешь ее, когда просто вслушиваешься в нее слухом и сердцем и отдаешься ласкающим волнам его стихов. Блок, мастер высокий, но мастерством не чванный, с техникой замечательной, но не заметной, в общем властелин рифмы, а не раб ее засилий. – Блок умеет находить такие простые и скромные, и вместе неожиданные сочетания слов и тонов, такие серебряные переливы словесных журчаний, что в лучшие и типичные его стихотворения входишь, как в некое очарованное царство. Присуще его поэзии легкое дыхание. Почти вся легкая и тонкая, слегка алогическая, с налетом нечеткости и неточности, и приблизительности в словах и в их соединениях, она является достойной тканью, наиболее соответственной ризой для его настроений, и с ними сливается в одно, как и сам он настолько осуществляет единство с предметом своего изображения, что уже, например, не отличает себя от весны и прямо говорит: «мы с тобой так нежно любим, тиховейная весна»... Его лиризм не мог бы выливаться как-нибудь иначе, чем в этих легкотканых словах, какими поет его поэзия. Блок – только лирик. К счастью, это очень много. На страницах своих драм он часто терпит крушение, но сейчас же спасается и крепнет – тем,

ЭТЮД ВТОРОЙ

что заводит песню, какую-нибудь серенаду, от которой не может не забиться сладостнее и сильнее взволнованное сердце. Стоит Блоку только начать, только сказать: «То не ели, не тонкие ели»... и вот вы еще не поняли, но уже оплетает он вас каким-то нежнейшими вами звуков (так в тексте. — М. Г.), и какая «тихоокая лань» или какая Аэлис не заслушается этого призыва:

Аэлис, о роза, внемли,
Внемли соловью...
Все отдам Святые Земли
За любовь твою?..

Соловьи всегда правы. Кто поет, тот прав. А Блок, наш пленительный менестрель. — поет. И пусть рассуждения его неубедительны; зато песни его неотразимы.

Недостает ему конечного пафоса, и муза его — сомнамбула, вступающая в «обманы и туманы». и нередко явь у него — как сновиденье, как бледная отраженность зеркал, и опьяняется он все-таки (вопреки сказанному нами раньше) не крепким, не терпким, а снежным вином, «легкой брагой снежных хмелей». Но белесоватость и акварельность свою и отсветы снежности он преодолевает, и по мере нашего дальнейшего проникновения в его лиризм, последний оказывается все богаче оттенками, но не скуднее воздушностью.

И потому так печально, что Блок безвременно умер, что смерть спугнула этого певца нежнейших песен и разбила хрупкий хрусталь его не высказанных еще стихов.

И кажется, что обитатели космического лиризма приняли его теперь в свое вечное лоно...

Айхенвальд Ю. Поэты и поэтессы. М., 1922. С. 7–30.

Этюд третий ВЫЕЗЖАЙТЕ, ГОСПОДА!

Можно сказать, что в июле работа Комиссии по отбору кандидатов на изгнание вступила в завершенную стадию, ее материалы регулярно обсуждаются на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б).

...Просматриваю протоколы Политбюро за 1922 г. Первое, что бросается в глаза, – все без исключения заседания вел И. В. Сталин. На каком-то из них по тем или иным причинам мог отсутствовать Ленин, на другом – Зиновьев, на третьем – Троцкий. А вот Сталин неизменно присутствовал. Почему? Был здоровее других? Был «невыездным»? Разумеется, тут просматриваются другие причины. Б. Пастернак как-то заметил о Ленине: «Он управлял течением мыслей, и лишь поэтому – страной». И. В. Сталин, сделавшийся Генеральным секретарем ЦК, т. е. Первым партчиновником, уже не хотел выпускать из рук рычаги управления партийной машиной, а значит и страной. Со временем дойдет и до «течения мысли».

Я вспомнил, что начиная, кажется, с 1929 г., в газетах время от времени появлялся рисунок: мощный корабль с надписью «СССР». На капитанском

мостике – И. В. Сталин, в руках у него руль, который он не выпустит уже никогда.

Заседания Политбюро перегружены обсуждением вопросов о ходе лесозаготовок, о возможности приобретения в Англии консервов, о начале сенокосения и т. д. Но, несмотря на обилие обступивших страну хозяйственных проблем, вопросы, связанные с судьбой отечественной интеллигенции, – в центре внимания. «О том, сколь острым и бурным был в 1922 г. вопрос об отношении к представителям непролетарских партий и колеблющейся интеллигенции, свидетельствует тот факт, что за один этот год Политбюро ЦК РКП(б) около 30 раз обсуждало меры по их депортации, закрытии печатных органов и ликвидации политических течений, обвиненных в антисоветской деятельности»¹.

В последней декаде июля Политбюро заслушало доклад И. С. Уншлихта. Он представил и список кандидатов на высылку. Доклад членов Политбюро не удовлетворил. Было решено «признать работы комиссии неудовлетворительными как в смысле недостаточной величины списка, так и в смысле его недостаточного обоснования. Вернуть список в комиссию, поручив ей создать необходимые подсобные подкомиссии и представить в Политбюро в недельный срок новый, строго обоснованный список. Той же комиссии, в тот же срок поручить подготовить закрытие целого ряда органов печати»².

Публикуя в 1990 г. статью «Что имеем не хра-

¹ Так А. М., Масальская А. С., Селезнева Н. Н. Указ. соч. С. 89.

² См.: Соскин В. Л. Указ. соч. С. 68; АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 175, л. 29. На этом же заседании ГПУ поручается «в отношении интеллигентов, враждебно настроенных к советской власти, выработать меры более индивидуализированного характера». Что конкретно имелось в виду, установить пока не удалось.

ним...», Т. Ю. Красовицкая сожалела о том, что не располагает списками интеллигентов, намеченных к депортации. Теперь такие материалы доступны историкам. Видимо, не ошибусь, если отмечу, что первыми их проанализировали А. С. Коган, С. А. Красильников и В. Л. Соскин. Разница лишь в том, что это сделано по разным архивам: РГАСПИ (А. С. Коган), АПРФ (С. А. Красильников, В. Л. Соскин).

По предположению А. С. Когана, существовало несколько параллельно разрабатывавшихся списков: московский, петроградский, украинский.

«В “украинском” списке, числилось на 3 августа 1922 года 77 человек, в московском на 23 августа – 67 человек, в петроградском – 30 человек; итого 174 человека. Списки подвергались корректировке»¹.

Всего же в списках для высылки за границу «указывалось до 200 видных представителей интеллигенции»².

2 августа 1922 г. Комиссия Политбюро представила на утверждение свои предложения. В. Л. Соскин отмечает, что пакет документов поступил также на имя Сталина. 10 августа Политбюро приняло материалы к рассмотрению. Часть из них касалась высылки 11 врачей в северные или восточные губернии для использования их по специальности сроком на 2 года, другая – высылки за границу лиц, не примирившихся с советским режимом.

По подсчету В. Л. Соскина, в списках числилось всего 197 человек, т. е. данные близки тем, что называет С. А. Красильников.

Сохранившиеся списки содержат стандартные

---

¹ Краткие характеристики из этого списка приводятся также в работе В. Л. Соскина.

² *Красильников С. А.* Высылка и ссылка интеллигенции... С. 33.

политические обвинения. Они несут печать субъективизма и составлены словно по одному шаблону. Л. А. Коган приводит некоторые характеристики из «украинского» списка¹.

«Красуский Иван Адамович. Ректор ХТИ. В прошлом бывший статский советник. Личность известная не только Харькову, но и всей России. Бывший член кадетской партии и член правления национального центра... Имеет большое влияние в Госплане, НТО и числится незаменимым ученым и воротилой в Украинском совете народного хозяйства. Своими активными контрреволюционными действиями Красуский тлетворно влияет на всю профессуру и студенчество. Как тип вредный, Красуский должен быть убран, так как дальнейшее пребывание его в институте и вообще на Украине может быть чревато последствиями.

Воскресенский Михаил Александрович. В прошлом бывший статский советник. Работает с 1898 г. Носил звание адъютанта профессора (так в тексте – вместо “адъюнкт”. – Л. К.). В 1915 г. выбран в профессуру. Своим поведением дает мало материала и походит своею странностью на тип юродивого. Всецело находится под влиянием Красуского и принадлежит к числу его сторонников...

Столяров Яков Васильевич. В прошлом бывший статский советник. Профессором состоит с 1903 г. Монархист – по убеждению. Недавно прибыл из Владикавказа, куда бежал при отступлении Деникина, где по непроверенным сведениям, служил на бронепоезде. Около месяца служил в Наркомпросе и просил назначить его профессором института, т. к.

---

¹ Коган Л. А. Указ. соч. С. 68.

Красуский не хотел принять его в свой лагерь. Такое отношение к нему со стороны Красуского и его группы подает некоторую надежду на возможность использования его в качестве “яблока раздора” между профессурой, тем более, что все его поведение и отношение к этой компании говорит за то, что он не прочь открыто вступить в борьбу с ними... Столяров в настоящее время безвреден в политическом отношении и по тем же мотивам может быть использован по линии ГПУ.

Белецкий А. И. Профессор ИНО. Крупный активный черносотенец, для дела преподавания опасен и вреден. Разлагающе действует на студенчество. Опасен также в религиозном отношении. Имеет связь с князьями церкви.

Довнар-Запольский Н. Б. Профессор ИНО. Советскую власть ненавидит... Известен органам ЧК как контрреволюционер, о чем имеются соответствующие дела. Опасный и очень вредный».

Анализируя «список № 1» (А. С. Коган называет его «московским»), В. Л. Соскин обратил внимание на то, что в нем есть и «представители» таких городов, как Казань, Вологда, Саратов, Орел, Тверь, Новгород¹. Кроме того, список разбит на разделы. Сначала перечисляются профессора московских вузов – 21 человек, затем деятели издательства «Берег» и «группы Абрикосова» – 6 человек, агрономы и кооператоры – 13, инженеры – 6, литераторы – 12. Здесь очень много звучных имен, в том числе Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, А. А. Кизеветтер, Ю. И. Айхенвальд, М. А. Осоргин. Дополнительный список содержал 8 фамилий, включая Ф. А. Степуна.

---

¹ См.: *Соскин В. Л.* Указ. соч. С. 73.

В «петроградском» списке 51 фамилия, в т. ч. П. А. Сорокин, А. С. Изгоев, Б. Д. Бруцкус, Е. И. Замятин, Л. П. Карсавин, С. И. Булгаков и Н. О. Лосский.

«Украинский» список демонстрирует тот же подход: «Чем крупнее фигура ученого или писателя, подозреваемого в антисоветизме, тем опаснее он представлялся власти, – все та же логика, которой нельзя отказать в последовательности». В то же время характеристики пестрят случайными деталями, не имеющими прямого отношения к делу. Похоже, что в ряде случаев составители данного списка, как и всех предыдущих, руководствовались не знаниями, а ощущениями. «Подозрительный, внешне лояльный, но в сущности вредный, наглый, крайне неустойчивый» – эти и подобные им определения встречаются постоянно. Иногда в вину ставились совсем уж нелепые причины: «при белых организовывал вечера-балы», «скорее торговец, чем профессор», «анархист-хулиган», «на лекциях хулиганит и иронизирует», «знает иностранный язык... близок с американцами – представителями АРА», «изъясняется и преподает исключительно на украинском языке», «в национализме доходит до абсурда – развод с женой как с цапкой».

Почти каждая характеристика завершалась выводом: «тип вредный» – понятие весьма расплывчатое, но удобное: от вредного человека следует избавиться, не вникая в его профессиональные достоинства. Украинская специфика выражалась в том, что очень многие обвинялись в национализме, сотрудничестве в прошлом с петлюровцами и пр. Значительную часть списка занимали преподаватели низших рангов (ассистенты), рядовые инженеры, слу-

жащие, агрономы, врачи, даже артисты. Как видно, стремление к выполнению задания стояло выше разума – список «загружали» по максимуму¹.

А. С. Коган отмечает, что характеристики «украинского» списка, несущие печать крайней спешки и содержащие политические обличения, Комиссия Политбюро тем не менее утвердила, что называется, сходу. В подтверждение сказанному приводится следующий документ. «Протокол заседания комиссии Политбюро ЦК РКП(б). Присутствовали: тт. Уншлихт, Каменев, Курский, Манцев, Решетов. Слушали: список антисоветской интеллигенции, составленный ГПУ Украины. Доклад тов. Манцева. Постановили: не входя в обсуждение отдельных лиц, ввиду утверждения всего списка ЦК КП(б)У Комиссия список утверждает. 9.VIII.1922. Председатель Уншлихт, секретарь Решетов»².

Вероятно, на одном из заседаний Политбюро ЦК РКП(б) Л. Б. Каменев был отрешен от должности председателя Комиссии. Вместо него был назначен И. С. Уншлихт.

Приведу некоторые характеристики кандидатов на высылку из «Московского» и «Петроградского» списков. О времени их составления можно сделать заключение по имеющейся надписи: «обсуждены на заседании 22-го июля в ГПУ под председательством т. Уншлихта, в присутствии специально приглашенных товарищей Ю. М. Стеклова, Знаменского, Ионова и Лебедева-Полянского»³. Приглашенные партийные публицисты, литераторы, деятели Наркомпроса должны были, видимо,

¹ См.: *Соскин В. Л.* Указ. соч. С. 77.

² *Коган Л. А.* Указ. соч. С. 67.

³ АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 175, л. 40-43, 48-57.

определить профессиональную пригодность, с одной стороны, а с другой – степень неблагонадежности.

«Сорокин Питириим Александрович. Профессор социологии Питерского Университета. Сотрудник “Экономического Возрождения”, “Артельного Дела” и других. Бывший социал-революционер. Фигура несомненно антисоветская. Учит студентов ориентировать свою жизнь на преподобного Сергия. Последняя книга была враждебна и содержит целый ряд инсинуаций против Соввласти.

Изгоев-Ланде А. С. Правый кадет, старый веховец. Довольно сильная фигура. Всегда был большевикоедствующим кадетом. Это опасная его сторона. Его “дурачки и умненькие” – хороший памфлет на большевиков. Он умный и хитрый литератор. До сих пор избегает всяческого соприкосновения с нами и ведет довольно упорную работу в “Доме Литераторов”. Душа всяких протестов, резолюций, которые там выносятся. Тов. Стеклов отмечает, что Изгоев пережил все лишения, но все же за границу не уехал.

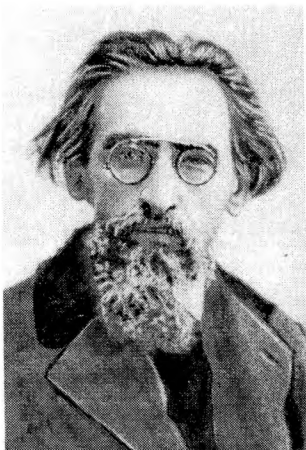
Бруцкус. Профессор С[ельско]-Х[озяйственной] Академии, сотрудник “Экономиста”. Вредный человек. Правый социалист-революционер, но в [нрб] вопросе принадлежит к особой группе кадетского толка. Тов. Середа за высылку за границу.

Замятин Е. И. Сотрудник “Летописи” и “Литературных Записок”. Скрытый заядлый белогвардеец. Он автор нелегальной резолюции, которую он проводил на собрании Дома Литераторов, в которой выносилось порицание Андрею Белому за его произведение в защиту Советской России. Выступает в своих литературных произведениях всецело против Советской власти. Он в тесной компании с бежав-

шим Ремизовым. Ремизов это определенный враг. Замятин то же самое. При высылке за границу он сделается опасным лидером. Нужно выслать в Новгород, в Курск, но за границу ни в коем случае.

Волковысский Н. П., Харитон Борис. Сотрудники Литературных записок. Организаторы в Доме Литераторов. Всем домом руководят. Бывшие хроникеры,

Л. П. Карсавин

биржевики. Они ничего не писали и не пишут. Заядлые враги Советской власти, но хитрые и ловкие. Если их убрать, можно было бы подорвать то ядро, которое проводит позицию против нас.

Карсавин. Профессор Петроградского Университета. Философ-мистик. Церковник. Целиком ушел в мистицизм, никакой работы не ведет.

Лосский. Профессор Петроградского Университета. Редактор журнала "Мысль". Идеологически вредный.

Карсавин и Лосский получали в 1920–1921 гг. через руководителя белой организации Таганцева денежную поддержку от белых эмигрантских кругов.

Рожков. Меньшевик. Литератор. Сотрудник "Книги". Осторожен, довольно популярен среди студенчества. Госиздат приобретает всю его историю. Литературная комиссия против высылки. Комиссия с участием т. Богданова и др. против высылки.

Ясинский Всеволод Иванович. Проживает по Большому Харитоньевскому пер. д. 1/12 кв. 28, вход в квартиру с Мышковского пер. Лидер правой части профессуры, всегда выступает с антисоветской агитацией, как на собраниях преподавательской коллегии, так и в беседах со студентами. Бывший член Всероссийского Комитета Помощи Голодающим. Руководитель забастовки профессоров. Благодаря главенству в КУБУ держит в своих руках экономическую власть над безпартийной частью профессуры и использует это свое влияние для сведения счетов с теми, кто сочувствует Соввласти. В научном отношении ничего серьезного из себя не представляет.

Франк Семен Людвигович. Профессор-философ-идеалист, проходил по агентурному делу “Берег”, принимал участие в конспиративных собраниях у Авинова. Противник реформы высшей школы. Правый кадет направления “Руль”. Несомненно вредный. Он был из Саратова снят за противосоветскую деятельность. По общему своему направлению способен принять участие в церковной контрреволюции. Франк не опасен, как непосредственно боевая сила, но вся его литература и выступления в юридическом обществе направлены к созданию единого философско-политического фронта, определенно противосоветского характера.

Айхенвальд Юлий Исаевич. Литератор, типичный идеолог кадетизма в искусстве. Не скрывает своего недоверия и антипатии к Октябрьской революции, презирует творчество революционно-настроенной молодежи. Группирует вокруг себя буржуазную “культурную интеллигенцию” и молодежь. Виляющий кадет. Он вилял все время. В 1918 году писал

статьи на политические темы. Написал “Леон горячее сердце”, характеристика Троцкого более или менее приемлемая, а потом восславил Гумилева (как дворянина). Общественно вреден.

Бердяев Н. А. Близок к издательству “Берег”, проходил по делу Такт. Центра и по Союзу Возрождения. Монархист, потом кадет правого устремления. Черносотенец, религиозно-настроенный, принимает участие в церковной контрреволюции.

Осоргин Михаил Андреевич. Правый кадет, несомненно антисоветского направления. Сотрудник “Русских Ведомостей”. Редактор газеты “Прокукиша”. Его книги издаются в Латвии и Эстонии. Есть основания думать, что поддерживает связь с заграницей.

Степун Федор Августович. Философ – мистически и эсеровски настроенный. В дни керенщины был нашим ярим, активным врагом. Работает в газете правых социалистов-революционеров “Воля Народа”. Керенский это отличал и сделал его своим политическим секретарем. Сейчас живет под Москвой в трудовой интеллигентской коммуне. Заграницей он чувствовал бы себя очень хорошо и в среде нашей эмиграции может оказаться очень вредным. Идеологически связан с Яковенко и Гессеном, бежавшими за границу, с которыми в свое время издавал “Логос”. Сотрудник издательства “Берег”»¹.

В списках интеллигенции из Петрограда содержатся такие инвективы: Е. А. Зубашев – «вредный человек», Чаадаев И. – «автор гнусной статьи в журнале «Утренники», Збарский Д. С. – «вреден всем начинаниям Соввласти».

---

¹ АПРФ, ф. 3, оп. 58, л. 175, л. 48, 55–57.

Думаю, что приведенные тексты не нуждаются в комментариях. Отмечу лишь, что характеристики содержат предложения Комиссии, касающиеся дальнейшей судьбы включенных в списки лиц: «арестовать и выслать за границу», «независимо от результатов обыска арестовать и выслать за границу». Кстати, такой же вердикт бы вынесен А. Л. Рыбникову, который, как утверждается в характеристике, на съездах кооперации «убеждал в необходимости изъять всю кооперацию из рук большевиков, чтобы довести в сохранности хотя бы остатки... до новых дней».

Между тем работа по подготовке списков шла к завершению. На первый план выдвинулись другие проблемы. Во-первых, еще 27 мая Политбюро поручило Комиссии «разработать вопрос о техническом осуществлении предписанных... мер (имелись в виду определение необходимых расходов, получение виз). Встал вопрос об оформлении в законодательном порядке постановления об административной высылке.

10 августа, в тот же день, когда были утверждены списки, Президиум ВЦИК утвердил Положение о высылке. Многие исследователи упоминают этот факт, некоторые комментируют документ. Коснусь лишь «лаборатории» его рождения, как тогда говорили, в «советском порядке». Сначала Политбюро приняло решение о необходимости такого документа. Затем в недрах ГПУ подготавливается проект Постановления ВЦИК, и Уншлихт направляет его на имя Сталина. Проект получает одобрение на заседании Политбюро. Только после этого документ пересылается в Президиум ВЦИК на утверждение.

Это был формальный акт. Были учтены предложения Наркомата юстиции: срок административной высылки устанавливался не 5 лет, как предлагалось

в проекте ГПУ, а 3 года, о чем принимало решение не Особое Совещание, а Комиссия (на это указывал С. А. Красильников).

Правда, и это решение оказалось формальным. Высылались люди не на 3 года, а навсегда. И какое значение имело при этом то, что решение принималось Комиссией, а не Особым Совещанием! Зато в советском порядке.

Вскоре после того, как списки были окончательно утверждены на заседании Политбюро ЦК РКП(б) и вступило в действие Постановление «Об административной высылке», последовали меры репрессивного характера. В середине августа 1922 г. прокатилась волна арестов¹.

В работе В. Д. Тополянского приводится уникальный материал, которого нет ни у кого из исследователей. Он отмечает, в частности, что в администрацию учреждений, где работали арестованные, 22 августа ГПУ разослало однотипные уведомления:

«Настоящим ГПУ сообщает, что профессор 1-го Государственного университета Стратонов Всеволод Викторович 17 августа с. г. арестован за антисоветскую деятельность. На основании декрета Совета Народных комиссаров от 30 июля 1919 года «Об ограничении прав на вознаграждение лиц, привлеченных к следствию или суду», опубликованного в № 168 «Известий ВЦИК» от 1 августа 1919 года, гражданин Стратонов В. В. подлежит немедленному увольнению со службы (ст. 1-я) и лишению со дня ареста получаемого им до сих пор содержания (ст. 2-я).

Зам[еститель] пред[седателя] ГПУ – Уншлихт. Нач. СОГПУ – Самсонов»².

¹ См.: Коган Л. А. Указ. соч. С. 69.

² Тополянский В. Д. Указ. соч. С. 78.

А. А. Кизеветтер

Далее указывается, что аналогичные извещения поступили в Московский университет по поводу его бывшего ректора, профессора кафедры зоологии М. М. Новикова, профессора кафедры русской истории А. А. Кизеветтера, профессора юридического факультета, председателя Московского психологического общества И. А. Ильина, профес-

сора кафедры международного права А. Л. Байкова и других ученых.

Сохранились архивные документы, в которых отражена атмосфера тех дней. «В основном, — отмечает В. Л. Соскин, это рапорты на имя И. В. Сталина о ходе “операции” с детальной расшифровкой (по городам) о том, кто арестован и где содержится, о ходе получения виз на выезд в Германию для всех подлежащих высылке, о финансовой стороне дела»¹.

Такие документы посылались и Ленину. Служебная записка И. С. Уншлихта, датированная 18 августа: «Согласно Вашего распоряжения, посылаю списки интеллигенции по Москве, Питеру и Украине, утвержденные Политбюро. Операция произведена в Москве и Питере с 16-го на 17-ое, на Украине с 17 на 18-ое.

¹ Соскин В. Л. Указ. соч. С. 80.

Московской публике сегодня объявлено постановление о высылке за границу и предупреждены, что самовольный въезд в РСФСР карается расстрелом. Завтра выяснится вопрос с визами. Ежедневно будут Вам посылать сводку о ходе высылки. С ком[мунистическим] приветом. Уншлихт»¹.

И. А. Ильин

Высылаемые не случайно предупреждались, что самовольное возвращение карается расстрелом. Сам И. С. Уншлихт провел много месяцев в царских тюрьмах, трижды подвергался административной высылке, но каждый раз самовольно возвращался в города, где продолжал революционную работу. Теперь, при новой власти, было решено исключить такую возможность. Поэтому и последовало предупреждение о возможной суровой каре.

Документ интересен и тем, что содержит информацию о времени проведения арестов. Можно понять и стремление ответственного работника ГПУ угодить Ленину заявлением, что сводки о высылке будут посылаться ему ежедневно. В действительности такая информация направлялась в Политбюро Сталину и отдельно – Ленину с интервалом в несколько дней.

¹ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2603, л. 1–1об.

Полностью или в переложении некоторые образцы этого жанра опубликованы.

«Т. Ленину. Зампреду тов. Уншлихту. Рапорт. Состояние операции по высылке антисоветской интеллигенции на 23 августа. 1) За отчетные два дня присланы согласно нашим телеграммам арестованные из Вологды – Шишкин из Новгорода – Булатов. 2) Нами арестованы из оставшихся до сих пор разысканными 3 человека: Л. Н. Юровский, Осоргин и Изюмов и профессор Велихов переведен с домашнего ареста во внутреннюю тюрьму. 3) Итого, по Московскому списку из 67 человек, подлежащих аресту и высылке за границу, нами арестовано: а) домашним арестом 11 человек, б) арестованы и содержатся во внутренней тюрьме 14 человек... в) освобождены после заявления о желании выехать за границу за свой счет 21 человек... Все они дали обязательства в недельный срок закончить свои дела и выехать за границу; г) не арестованы по Москве 8 человек... д) находятся в других городах 11 человек... Сделан вторичный запрос местным Губотделам о результатах ареста; е) всего таким образом по списку не достаёт неуказанных двух человек – Фалина, арестованного ранее и высланного под надзор органов ГПУ, и Ефимова, который содержится в Таганской тюрьме. 4) Из содержащихся во внутренней тюрьме 14 человек Тяпкин, Кравец, Брилинг и Велихов переданы вместе с делами в КРО ГПУ. Остальные 10 человек подлежат высылке за границу за счет ГПУ и под конвоем. 5) С Украины сведений не поступало. Послана вторая телеграмма с предложением поспешить ответом. 6) Петроградский Губотдел представил следующую сводку о результатах операции: с 16 на 17 августа нами арестовано согласно

ВЫЕЗЖАЙТЕ, ГОСПОДА!

Р А П О Р Т

Копия.

СОСТОЯНИИ ОПЕРАЦИИ ПО ВЫСЫЛКЕ АНТИСОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА
26 АВГУСТА.

1. За отчетные два дня согласно наших телеграмм прислан из Калуги арестованный РОМАНОВСКИЙ.

2. Арестованы из оставшихся не разоблаченных 2 человека ПАЛЬЧИНСКИЙ и ИЗГАРЫШЕВ.

3. Итого по Московскому списку из 67-ми человек подлежащих аресту и высылке за границу нами арестовано:

а/домашним арестом 11 человек указанных в предыдущей сводке и арестованный 24 августа ИЗГАРЫШЕВ-итого 12 человек.

б/арестованы и содержатся во внутренней тюрьме 14 человек указанных в предыдущей сводке и арестованы 25 августа ПАЛЬЧИНСКИЙ и РОМАНОВСКИЙ-итого 16 человек.

в/На арестованных по Москва 6 человек.

г/Находится в других городах 10 человек.

в/И освобожденные для выезда на свой счет указанные в предыдущей сводке 21 человек.

4. Из числа подлежащих высылке:

а/освобожденных и отправляющихся за свой счет 33 человека, из них выполнены анкеты и сданы в ИНОГПУ документы 16-ти человек на получение паспортов-изого со сданными ранее 23.

б/Как наиболее активные и серьезно анти-советские деятели высылаются под конвоем 6 человек.

5. Новых сведений о результатах операции по Петрограду и Украине не поступало. Украина сделано повторное предложение поспешить сообщением о результатах.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА 4 ОТД.
СОГПУ

ЗАРАЙСКИЙ.

25 августа 1922 года.

В е р н о

96. 9. 5

списку антисоветской интеллигенции города Петрограда. 30 человек... Все вышеуказанные лица будут высланы за границу под конвоем за счет ГПУ. Следующие семь человек (Замятин Е. И., Карсавин Л. П., Лосский Н. О. и др.) «согласно их желания будут пущены за границу за свой счет». Четверо (Садыкова Ю. Н. и др.) «высылаются в Восточные губернии для использования в борьбе с эпидемиями»¹.

В литературе проанализированы и другие рапорты. «К сожалению, в этих донесениях не указано, кто высылается за границу, а кто – в отдаленные губернии России. Это затрудняет окончательный ответ на вопрос, сколько человек и куда было выслано. Самый полный общий список был приложен к рапорту от 23 августа; в нем числилось 67 человек, высылаемых из Москвы, 30 – из Петрограда, 11 – из других городов. При этом часть еще не была арестована»².

Представление о том, как велись обыск и арест некоторых кандидатов на высылку дают мемуары и архивные документы. Наиболее подробное описание приводит Л. Коган: ордер на арест Н. А. Бердяева был выдан 16 августа, обыск проводился в присутствии управдома, начался в 1 час ночи, закончился в 5 часов 10 минут утра.

Далее следуют материалы допроса Н. А. Бердяева (вел следователь Бахвалов).

«Вопрос. Скажите, гр-н Бердяев, ваши взгляды на структуру Советской власти и на систему пролетарского государства.

Ответ. По убеждениям своим я не могу стоять

---

¹ Коган Л. А. Указ. соч. С. 79; см. также: Гак А. М., Масальская А. С., Селезнева Н. Н. Указ. соч. С. 83; Соскин В. Л. Указ. соч. С. 80.

² Соскин В. Л. Указ. соч. С. 80–81.

на классовой точке зрения и одинаково считаю узкой, ограниченной и своекорыстной и идеологию дворянства, и идеологию крестьянства, и идеологию пролетариата, и идеологию буржуазии. Стою на точке зрения человека и человечества, которой должны подчиняться всякие классовые ограничения и партии. Своей собственной идеологией считаю аристократическую, но не во внешнем смысле, а в смысле индивидуальности лучших, наиболее умных, талантливых, образованных, благородных. Демократию считаю ошибкой, потому что она стоит на точке зрения господства большинства...

Вопрос. Скажите ваши взгляды на задачи интеллигенции и так называемой "общественности".

Ответ. Думаю, что задача интеллигенции во всех сферах культуры и общественности отстаивать одухотворяющие начала, подчинив материальное начало идее духовной культуры, быть носителем научного, нравственного, эстетического сознания. Думаю, что должно быть взаимодействие и сотрудничество общественности и элементов государственной власти...

Вопрос. Скажите ваше отношение к таким методам борьбы с Советской властью, как забастовка профессоров.

Ответ. Я недостаточно знаю этот факт и не могу окончательно судить об этом деле. Если профессора боролись за интересы науки и знания, то это я считаю правильным...

Вопрос. Скажите ваше отношение к сменовеховцам, Савинкову к процессу п[артии] с[оциалистов]-р[еволюционеров].

Ответ. К сменовеховцам я отношусь скорее отрицательно. Читал только сборники, заметил, что в них слишком много фраз и недостаточное знание

Ф. Э. Дзержинский и члены коллегии ВЧК. 1919 г.

реальной жизни... К попыткам Савинкова отношусь отрицательно. За процессом с[оциал]-р[еволюционеров] не следил. Считаю ошибочным суровый приговор относительно с[оциал]-р[еволюционеров] и не сочувствую ему.

Вопрос. Скажите ваши взгляды на положение Советской власти в области высшей школы и отношение к реформе ее.

Ответ. Не сочувствую политике Советской власти относительно высшей школы, поскольку она нарушает свободу науки преподавания и стесняет свободу прений <в> философии.

Вопрос. Скажите ваши взгляды на перспективы русской эмиграции за границей.

Ответ. Положение большей части эмиграции считаю тяжелым...

Вопрос. Ваш взгляд на политические партии вообще и на РКП в частности.

Ответ. Отношусь отрицательно к партийности

и никогда ни к каким партиям не принадлежал и принадлежать не буду. Ни одна из существующих и существовавших партий моего сочувствия не вызывает. 18.VIII.22. Николай Бердяев».

На следующий день, 19 августа, тем же Бахваловым подписывается постановление, решившее судьбу подследственного. Вот его текст (написанный, кстати сказать, карандашом!): «1922 года, августа 19 дня, я, сотрудник 4-го отделения СО ГПУ Бахвалов, рассмотрел дело №15564 о гр-не Бердяеве Николае Александровиче, постановил: привлечь его в качестве обвиняемого и предъявить ему обвинение в том, что он с Октябрьского переворота и до настоящего времени не только [не] примирился с существующей в России Рабоче-крестьянской властью, но на моменты внешних затруднений для РСФСР свою контрреволюционную деятельность усиливал, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 57-й Уголовного кодекса РСФСР. Как меру пресечения уклонения от суда и следствия гр-на Бердяева избрать содержание под стражей. Сотрудник IV СО ГПУ Бахвалов. Со-гласен. Начальник СО ГПУ И. Решетов»¹.

Публикуя этот материал, Л. Коган посчитал необходимым отметить некоторые, по его мнению, бросающиеся в глаза особенности этого документа, «буквально вопиющие о беззаконии. Во-первых, представленные материалы не выделены тут в особое дело, а подверстаны к прежнему судопроизводству 1920 г. о Тактическом центре²; во-вторых, из

¹ Коган Л. А. Указ. соч. С. 71–72.

² Имеется в виду первый арест по делу так называемого Тактического центра, к которому Н. А. Бердяев не имел прямого отношения. Вот как он описал эту страницу своей биографии (допрос вел тогда Дзержинский в присутствии своего заместителя Менжинского): «Я решил на допросе не столько защищаться, сколько нападать, переведа весь разговор в идеологическую

постановления не видно, на основании каких именно фактов и доводов, доказательств строится обвинение; в-третьих, формула обвинения не имеет индивидуализированного характера, она в равной степени относится ко всем, привлеченным по этому делу; в-четвертых, совершенно очевидно, что здесь нет и тени конкретного расследования, – итог заранее предreshен и все материалы попросту подгоняются под него»¹.

Когда Н. А. Бердяева познакомили с этим постановлением, он отверг его и заявил: «Особенно не считаю себя виновным в том, что в моменты внешних затруднений для РСФСР занимался контрреволюционной деятельностью».

Тем не менее следователь настаивал на вине арестованного: «Все это подтверждается имеющимся в деле агентурным материалом». В итоге принимается решение «выслать из пределов РСФСР за границу бессрочно». После этого Бердяев освобожден с условием, что в течение недели он ликвидирует свои

область. Я сказал Дзержинскому: «Имейте в виду, что я считаю соответствующим моему достоинству мыслителя и писателя прямо высказать то, что я думаю». Дзержинский мне ответил: «Мы этого и ждем от вас». Тогда я решил говорить раньше, чем мне будут задавать вопросы. Я говорил минут сорок пять, прочел целую лекцию. То, что я говорил, носило идеологический характер. Я старался объяснить, по каким религиозным, философским, моральным основаниям я являюсь противником коммунизма, вместе с тем я настаивал на том, что я человек не политический. Дзержинский слушал меня очень внимательно и лишь изредка вставлял свои замечания. Так, например, он сказал: «Можно быть материалистом в теории и идеалистом в жизни и, наоборот, идеалистом в теории и материалистом в жизни». По окончании допроса Дзержинский сказал мне: «Я вас сейчас освобожу, но вам нельзя будет уезжать из Москвы без разрешения». Потом он обратился к Менжинскому: «Сейчас поздно, а у нас процветает бандитизм, нельзя ли отвезти г. Бердяева домой на автомобиле?» Автомобиля не нашлось, но меня отвез с моими вещами солдат на мотоциклетке» (см.: *Бердяев Н. Самопознание: (Опыт философской автобиографии)*. Париж. 1949. С. 253). Читатель согласится, что допросы 1920 и 1922 гг. сильно отличаются.

¹ *Коган Л. А.* Указ соч. С. 73.

личные и служебные дела и доложит о готовности к выезду¹.

При знакомстве с архивными материалами невольно обращаешь внимание на то, что протоколы допросов содержат одинаковые вопросы; тексты заключений о высылке полностью совпадают – разница лишь в том, чья фамилия будет вписана; кандидатам на высылку предлагалось дать обязательство («Подписку»), которое заканчивалось словами: «в чем и подписываюсь», – это скорее отражает степень образованности следователей, чем высылаемых². Когда читаешь рапорты о ходе операции, то обращаешь внимание на сообщения, что одни граждане высылаются под конвоем, а другие выезжают за свой счет.

В. С. Христофоров так объясняет возникновение идеи с выездом на личные средства. Для депортации, к примеру, в Германию одного человека требовалось 212 млн руб. (советскими дензнаками). При высылке 200 человек (так планировалось) складывалась сумма, которой государство не могло выделить. К тому же уже после начала операции стало ясно, что число высылаемых может увеличиться. Вероятно, в связи с этим многих арестованных стали побуждать дать согласие покинуть Россию за свой счет³.

После того как начались аресты интеллигентов, в центральные партийные и советские органы стали поступать просьбы о пересмотре решений, касающихся высылки. В связи с этим была создана специ-

¹ Коган Л. А. Указ соч. С. 74.

² Архив ФСБ России, ф. уголовных дел, д. Н-206, т. 1, л. 1–2.

³ См.: Христофоров В. С. Высылка интеллигенции 1922 г. в документах ГПУ // Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции.

альная комиссия под председательством Дзержинского.

В литературе уже приводились примеры некоторых успешных ходатайств.

Так, под предлогом важности работы в журнале «Красная новь» удалось исключить из списка писателя Е. И. Замятина. Нашлись убедительные доводы в пользу профессора Н. Д. Кондратьева, инженера П. И. Пальчинского, ученого Я. М. Букшпана и др.¹ «Показательно – отметил Соскин, – что, судя по содержанию некоторых ходатайств, работники ВЧК и их помощники подчас халтурно относились к составлению списков. Вопреки ремаркам насчет того, что кандидат на высылку “научной ценности не представляет”, выяснилось прямо противоположное. Так, Председатель ВСНХ П. А. Богданов в своем обращении в Политбюро доказывал, что профессор Высшего технического училища И. И. Куколевский “является одним из талантливых профессоров... прекрасным конструктором”. Его “руководство было бы крайне ценно для выработки наших молодых инженеров”. Как очень нужного работника, не представляющего к тому же “никакой политической опасности”, характеризовал профессора Н. Д. Кондратьева заместитель наркома земледелия В. В. Оболенский (Осинский)»². Соскин же обратил внимание на то, что не всегда такие прошения оказывались действенными. Например, за бывшего ректора Томского технологического института профессора Е. Л. Зубашева ходатайствовал нарком внешней торговли Л. Б. Красин, который писал лично Дзержинскому,

¹ См. об этом подробнее: *Топольский В. Д.* Указ. соч. С. 80–82; *Коган Л. А.* Указ. соч. С. 80.

² *Соскин В. Л.* Указ. соч. С. 78.

что Зубашев «лучший специалист по сахарному делу и технологии органических веществ». Но главный аргумент состоял в том, что Зубашев старый и больной человек, честно работает и ни разу не воспользовался возможностью эмигрировать. Красин под конец письма пытался даже разжалобить наркома:

Е. Л. Зубашев

«...Старика не за что и не следует трогать. Ведь даже и врага лежащего не бьют ...»¹.

Однако извлечь профессора из списка не удалось. В другом случае едва не оказалась безрезультатной схватка между ГПУ и Наркомпросом, о чем свидетельствует довольно большая пачка документов, касающихся профессора МГУ В. Н. Чарнолуцкого. Когда на мотивированную просьбу А. В. Луначарского «отпустить» известного ученого-педагога ГПУ (Уншлихт) ответило отказом, нарком написал об этом Сталину. Со свойственной ему эмоциональностью он пытался отрицать наличие у Чарнолуцкого «определенно-враждебного отношения к Советской власти». Напротив, он «давным-давно сменил вехи». Главный же аргумент состоял в том, что «как знаток народной школы он может быть нам очень полезен». Закончил письмо Луначарский на высокой ноте, сказав, что Чарнолуцкий «честнейший человек, чест-

¹ Соскин В. Л. Указ. соч. С. 78.

ный почти до святости», для которого «высылка за границу... равняется чрезвычайному бедствию»¹.

Сам «виновник» в прошении, адресованном ВЦИК, доказывал свою непричастность к политической жизни последних лет, изменив даже основные направления научной деятельности. Так как Уншлихт сопротивлялся пересмотру решения о высылке, потребовалось новые ходатайства А. В. Луначарского, М. И. Калинина, других видных государственных деятелей. В итоге в отношении Чарнолусского политбюро приняло решение: «Из списков высланных исключить»².

Примерно так же решалась судьба известного литературоведа В. А. Десницкого. Правда, в этом случае само ГПУ (лично Дзержинский) внесло предложение об отмене высылки ученого в Вятку.

Большие разногласия вызвал вопрос о высылке историка Н. А. Рожкова. Это видно из письма Ленина от 13 декабря 1922 г. И. В. Сталину.

«Тов. Сталину. Письмо для Пленума ЦК. Для правильной оценки нашего разногласия в вопросе о Рожкове надо иметь в виду, что мы уже несколько раз ставили этот вопрос в Политбюро. Первый раз Троцкий высказался за отсрочку высылки Рожкова. Второй раз, когда под влиянием давления Мессинга Рожков дал новую формулировку своих взглядов, Троцкий высказался за высылку его, найдя, что эта формулировка не только никуда не годится, но явно доказывает неискренность взглядов Рожкова. Я вполне согласен с Зиновьевым, что Рожков человек твердых и прямых убеждений, но

¹ Соскин В. Г. Указ. соч. С. 79.

² Там же

уступает нам в торге с Мессингом и дает какие угодно заявления против меньшевиков исключительно по тем же мотивам, по которым мы в свое время подписывали клятвенные обещания верности царю при вступлении в Государственную думу. Поэтому, если поручить Стеклову или кому-то другому использовать заявление Рожкова (например, для “вызова” меньшевиков), то это,

Н. А. Рожков

во-первых, не достигнет цели, во-вторых, осрамит нас. ибо меньшевики так прямо и ответят, что они всегда высказывались, подобно нам, за подпись любого клятвенного обещания под влиянием принуждения. От такой “дуэли” с меньшевиками всецело потеряем мы. Предлагаю: первое – выслать Рожкова за границу; второе – если это не пройдет (например, по мотивам, что Рожков по старости заслуживает снисхождения), то тогда не следует никакому публичному обсуждению предавать заявлений Рожкова, полученных под принуждением. Тогда надо дожидаться, когда Рожков, хотя бы через несколько лет, сделает искреннее заявление в нашу пользу. А до тех пор я предложил бы послать его, например, в Псков, создав для него сносные условия жизни и обеспечив его материально и работой, но держать его надо под строгим надзором,

ибо этот человек есть и будет, вероятно, нашим врагом до конца. Ленин. Записала по телефону Лидия Фотиева»¹.

Я привел полностью этот текст, так как некоторые исследователи опускают в предложениях Ленина слова «создав для него сносные условия жизни и обеспечив его материально и работой». Н. А. Рожков находился, как он позднее писал, в коммунистической ссылке полтора года. В 1923 г., будучи в изгнании, он издал в Москве книгу «Русская история в сравнительно-историческом освещении» в шести томах. В том же году в Петрограде переиздается его книга «Происхождение самодержавия в России». В 1924 г., после обращения к Г. Е. Зиновьеву, он вернулся в Москву, работал в Московском университете и Институте Красной профессуры, а с весны 1926 г. — директором Исторического музея.

Исследователи анализируют историю, которая приключилась с группой интеллигенции с Украины. Ее согласилась принять Чехословакия, открывшая Украинский университет, но руководители компартии Украины посчитали, что это укрепит ряды эмиграции. «Никоим образом, — писал в Политбюро ЦК РКП(б) И. В. Сталину секретарь ЦК РКП(б) У. Д. Лебедь, — не высылать за границу, где они смогут наилучшим и наилегчайшим способом в недостижимости для ГПУ принять участие в консолидации украинских антисоветских сил...» И. С. Уншлихт несколько раз обращался с этим к Сталину¹. Последовало следующее решение Политбюро: «Принять

¹ Ленин В. И. Неизвестные документы. М., 1999. С. 579–580

² 5 января он писал, что ГПУ считает наиболее целесообразным заманить украинцам высылку за границу высылкой в отдаленные пункты РСФСР (см.: АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 175, л. 107).

предложение Уншлихта о замене украинцам высылку за границу высылкой в отдаленные пункты РСФСР, с тем чтобы список был предварительно пересмотрен комиссией...»¹.

Подводя итог этой истории, В. Л. Соскин заметил, что таким образом был изменен маршрут высылки. В итоге украинский список окончательно был определен в 70 человек, из них 15 оказались «прощены», а в отношении 4 человек решение было отложено².

О дальнейшей судьбе украинской группы можно только догадываться, мне об этом что-либо читать не довелось.

О выезде за границу и о судьбе ученых из «московского» и «петроградского» списков уже известно. Этому посвятили свои воспоминания сами экспатрианты и члены их семей. В воспоминаниях Б. Н. Лосского (сына известного философа) «К «изгнанию людей мысли» в 1922 году», опубликованных в журнале «Русский альманах» (Париж, 1981) ярко передана атмосфера конца августа – начала сентября, когда подготовка к выезду вступила в последнюю стадию.

«Заклучение Раппальского договора, возобновившего дипломатические и торговые отношения с Германией, позволило советскому правительству обратиться к немецкому за визой для высылаемых. На что тогдашний рейхсканцлер Вирт ответил, как пишет отец, что Германия не Сибирь и ссылать в нее русских граждан нельзя, но если русские ученые и писатели сами обратятся с просьбою дать

¹ Красильников С. А. Высылка и ссылка интеллигенции... С. 34.

² См.: Соскин В. Л. Указ. соч. С. 80.

им визу, Германия охотно им окажет гостеприимство¹. (В дневнике П. А. Сорокина также отмечается, что высылаемые сами доставали визы. Если человек протестовал и говорил, что он без денег и визы на въезд в какую-либо страну, ему отвечали: “Доставайте визу, а не то вас сошлют в Сибирь”). В Москве ходатаями по этому делу были назначены А. И. Угримов и В. И. Ясинский, а в Петрограде – мой отец и Н. М. Волковысский, которых освободили из тюрьмы около 20 сентября в числе заключенных старше 50 лет. Они получили в консульствах согласие на визы, и им также удалось, путем долгих хождений по присутственным местам, выхлопотать льготные (лучше, чем первоначальные, указанные Геллером) условия для вывоза платья, белья, книг, драгоценностей и валюты². Все это, конечно, потребовало составления и заверения бесконечных подробных списков в трех или больше экземплярах³.

Москвичи как обитатели столицы смогли быстрее справиться с этой волокитой и уже 1 октября приехали в Петроград садиться на немецкий пароход. Делом солидарности петербуржцев было приютить у себя на одну или две ночи приезжих переселенцев. Гостями нашей семьи были супруги Бердяевы со своей свояченицей и тещей Николая Александровича. Вечером, когда после дневной бе-

¹ Сам факт обращения к Германии дал повод одному из исследователей заявить, что визами занимался Ленин и сделал это быстро – так немцы якобы отблагодарили его за «шпионские услуги».

² По свидетельству М. Геллера, высылаемым разрешалось взять с собой одно зимнее и одно летнее пальто, один костюм и по две штуки всякого белья, две денные рубашки, две ночные, две пары кальсон, две пары чулок. Золотые вещи, драгоценные камни были к вывозу запрещены, надо было снять с шеи даже нательные кресты. Кроме вещей разрешалось взять по 20 долларов валюты (см.: *Геллер М.* Указ. соч. С. 61).

³ См.: *Соскин В. Л.* Указ. соч. С. 82.

готни петербургский и московский философы возобновили свое прерванное больше чем на пять лет интеллектуальное общение, мы с братом, пришедшие к нему по этому случаю с университетскими товарищами, благоговейно слушали их диалог. Из вещаний Бердяева мне запомнилось главным образом следующее, которое носило историософичный характер с налетом двухвековой московско-петербургской неприязни. Покровительствуемая властями «Живая церковь», в которой Виппер хотел видеть русское подобие протестантской реформы, в суждении Николая Александровича приравнивалась к петрово-победоносцевскому Святейшему Синоду как орудию подчинения церкви государству; и в том и в другом явлении он усматривал выражение петербургского бюрократического духа.

Помнится, что на следующий же день мы провожали московскую группу, которая благополучно погрузилась за Николаевским мостом, с Васильевской стороны, на пароход *Oberburgermeister Hacken*. По позднейшим рассказам дочери А. А. Угримова, проживающей после войны в Москве, Веры Александровны Резчиковой, прибытие их в Германию было не лишено живописности. Подплывая к Штеттину¹, полагали, что уже там их будет встречать делегация русских эмигрантов, москвичи совместно приготовили прочувствованную ответную речь, произнесение которой было возложено на Бердяева. Выйдя с пристани, вся группа выстроилась на набережной некоторое время в ожидании чего-то. Поглядев налево и направо, Николай Александрович выразил

---

¹ В «Энциклопедии для детей» ошибочно сообщается, что осенью 1922 г. в Гамбург прибыл советский корабль (см.: Энциклопедия для детей. Т. 12. Россия: физическая и экономическая география. М., 1999. С. 158).

спутникам свое недоумение: «Что-то ничего не видно». Тогда по инициативе Угримова и некоторых других, объясняющихся по-немецки собратьев, были наняты две телеги, на которые москвичи погрузили свои неприглядные пожитки и, окружив их импровизированным конвоем на случай нападения проблематических грабителей, поволоклись на железнодорожную станцию.

Нет необходимости далее касаться истории выезда за границу инакомыслящей интеллигенции – она довольно подробно описана в литературе. Отсылаю читателей к учебному пособию И. И. Маториной. Автор предприняла попытку показать не только подготовку, но и итоги высылки. Ценно, что составлен список высланных (он включает 100 человек), сделана сводная таблица, в которой высланные разбиты по группам: профессиональная и общественная деятельность, научные звания и должность, политическая ориентация, национальность¹. В брошюре И. И. Маториной подробно рассмотрены и итоги высылки интеллигенции.

ДОКУМЕНТЫ

■ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ВЫСЫЛКЕ

Декрет ВЦИК

10 августа 1922 г.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

---

¹ См.: Маторина И. И. Подготовка и осуществление высылки группы «старой» интеллигенции из РСФСР в 1922 г.: Учеб. пособие. Нижний Новгород, 2002.

1. В целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, в отношении которых испрашивается у Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета разрешение на изоляцию свыше двух месяцев, в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к аресту, установить высылку за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке.

2. Рассмотрение вопросов о высылке отдельных лиц возложить на Особую Комиссию при Народном комиссариате внутренних дел, действующую под председательством народного комиссара внутренних дел и представителей от Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата юстиции, утверждаемых Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

3. Постановления о высылке каждого отдельного лица должны сопровождаться подробными указаниями причин высылки.

4. В постановлении о высылке должен указываться район высылки и время ее.

5. Список районов высылки утверждается Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного комитета по представлении Комиссии.

6. Срок административной высылки не может превышать трех лет.

7. Лица, в отношении которых применена административная высылка, лишаются на время высылки активного и пассивного избирательного права.

8. Высланные в известный район поступают под надзор местного органа Государственного Политического Управления, определяющего местожительство высланного в районе высылки.

9. Побег с места высылки или с пути следования

к нему карается по суду согласно статье 95 Уголовного кодекса.

На основании настоящего постановления Народный комиссариат внутренних дел издает подробную инструкцию местным органам.

Председатель Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета М. Калинин
Секретарь Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета А. Енукидзе
*Собрание узаконений и распоряжений рабочего
и крестьянского правительства. М., 1922. №51.
Ст. 646. С. 813–814.*

■ СПИСОК АНТИСОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ г. ПЕТРОГРАДА

июль 1922 г.

Список литераторов,
характеристики которых обсуждены на заседании
22-го июля в ГПУ под председательством
т. Уншлихта, в присутствии специально прислан-
ных т.т. Ю. М. Стеклова, Знаменского,
Ионова и Лебедева-Полянского.

1. Сорокин Питирим Ал[ексан]дрович. Профессор социологии Питерского Университета. Сотрудник «Экономического Возрождения», «Артельного Дела» и других. Бывш[ий] социал-революционер. Фигура несомненно антисоветская. Учит студентов ориентировать свою жизнь на преподобного Сергия. Последняя книга была враждебна и содержит целый ряд инсинуаций против Соввласти.

2. Изгоев-Ланде А. С. Правый кадет, старый веховец. Довольно сильная фигура. Всегда был большевикоедствующим кадетом. Это опасная его сторона. Его «дурачки и умненькие» – хороший памфлет на большевиков. Он умный и хитрый литератор. До сих пор избегает всяческого соприкосновения с нами и ведет довольно упорную работу в «Доме Литераторов». Душа всяких протестов, резолюций, которые там выносятся. Тов. Стеклов отмечает, что Изгоев пережил все лишения, но все же за границу не уехал.
3. Зубашев Е. Л. Сотрудник «Экономиста». Профессор Технологического Института, бывш[ий] ректор Томского Политехнического Института. По старому радикально настроен и может быть в 1905 г. входил в группу юристов радикалов, или правых с[оциалистов]-р[еволюционеров]. Фактически руководитель журнала «Экономист». Вредный человек. И лучшее доказательство – его статьи в «Экономисте». До сих пор сохранил старые консервативные традиции госуд[арственного] совета.
4. Бруцкус. Профессор С[ельско]-Х[озяйственной] Академии, сотрудник «Экономиста». Вредный человек. Правый с[оциалист]-р[еволюционер], но в [нрб] вопросе принадлежит к особой группе кадетского толка. Тов. Середа за высылку за границу.
5. Каган А. С. Каган богатый человек; субсидирует систематически экономистов и другие из-

- дательства. Старый пайщик «Голико и Вильмбора». Сейчас председатель правления Союза Литераторов где он ведет резкую линию против нас.
6. Лутохин. Один из организаторов журнала «Экономист». Пользуясь своим положением в Главбуме дает «Экономисту» на льготных условиях бумагу. В статьях ведет анти-советскую линию.
  7. Пумпянский Л. М. Сотрудник «Экономиста», правый меньшевик.
  8. Фромет. Сотрудник «Артельного Дела». Кадетствующий кооператор. Тов. Середа за высылку.
  9. Замятин Е. И. Сотрудник «Летописи» и «Литературных Записок». Скрытый заядлый белогвардеец. Он автор нелегальной резолюции, которую он проводил на собрании Дома Литераторов, в которой выносилось порицание Андрею Белому за его произведение в защиту Советской России. Выступает в своих литературных произведениях всецело против Советской власти. Он в тесной компании с бежавшим Ремизовым. Ремизов это определенный враг. Замятин тоже самое. При высылке за границу он сделается опасным лидером. Нужно выслать в Новгород, в Курск, но за границу ни в коем случае.
  10. Петрищев А. В. Член ЦК [нрб]. По сообщению Ионова жил до последнего времени в Брянске, работал и даже читал лекции в партийной школе. Приехав в Петроград был настроен к нам очень сочувственно,

но попал в Дом Литераторов, где его отшлифовали, поэтому высылка в другой город вновь вернет его к рассудку. Его бы следовало бы выслать хотя бы в Брянск. Комиссия с участием Богданова за высылку за границу.

11. Булгаков С. Н. Профессор. Поп. Живет в Крыму. черносотенец, церковник, антисемит, погромщик, врангелевец. Комиссия с участием т. Богданова и др. за высылку.
12. Волковысский Н. П.
13. Харитон Борис. Сотр[удники] Литературных записок. Организаторы в Доме Литераторов. Всем домом руководят. Бывш[ие] хроникеры, биржевики. Они ничего не писали и не пишут. Заядлые враги Советской власти, но хитрые и ловкие. Если их убрать, можно было бы подорвать то ядро, которое проводит позицию против нас.
14. Чаадаев И. Литератор из сборника «Утренники». Автор гнусной статьи в журнале «Утренники».
15. Карсавин. Профессор Петр. Университета. Философ-мистик. Церковник. Целиком ушел в мистицизм, никакой работы не ведет.
16. Лосский. Профессор Петр[оградского] Университ[ета] Редактор журнала «Мысль». Идеологически вредный. Карсавин и Лосский получали в 1920–1921 гг. через руководителя белой организации Таганцева денежную поддержку от белых эмигрантских кругов.

Список врачей г. Петрограда

17. Гуткин А. Я. Таврическая ул. д. 7. Врач Невско-Петроградского Района. Сочувствует меньшевикам. Злостный Соввласти противник. Комиссия с участием т. Богданова и др. за арест и высылку в северные и восточные губернии для использования по специальности.
18. Канцель Ефим Семенович. Подольская ул. д. 34. кв. 9. Доктор-хирург (неглазник) Работает во Врачебной Контрольной Комиссии. Противник Соввласти; один из организаторов контр-революционно настроенных врачей. Комиссия с участием т. Богданова и др. за арест и высылку в северные и восточные губернии для использования по специальности.
19. Збарский Давид Соломонович. Забалканский пер. д. 40. кв. 6. Врач Контрольной Комиссии. Меньшевик. Враждебен всем начинаниям Соввласти. Комиссия с участием т. Богданова и др. за арест и высылку в северные и восточные губернии для использования по специальности.
20. Садыкова Ю. И. Сергеевская ул. д. 24. Врач детской Выборгской больницы [нрб]. Открыто и злобно выступает на собраниях врачей. Комиссия с участием т. Богданова и др. за арест и высылку в северные и восточные губернии для использования по специальности.
21. Бронштейн Исай Евсеевич. Выбыл в Москву. Доктор. Злостный меньшевик. Комиссия с

участием т. Богданова и др. за арест и высылку в северные и восточные губернии для использования по специальности.

22. Павлов Павел Павлович. См[отритель?] больницы Жертв Революции. Черносотенец. Быв[ший] городской, выступал на общих собраниях против компартии и Соввласти. Ведет контр-революционную агитацию среди персонала. Комиссия с участием т. Богданова и др. за арест и высылку в северные и восточные губернии для использования по специальности.
23. Каргенс Николай Константинович. См[отритель?] больницы Боткина. Активный противник Соввласти. Ведет антисоветскую агитацию. Бывш[ий] пристав, неоднократно арестовывался. Комиссия с участием т. Богданова и др. за арест и высылку в северные или восточные губернии для использования по специальности.
24. Соловейчик Эмануил Борисович. Кирочная д. 1/8. Врач военно-санитарного управления. Правая рука Бюро Секции Врачей, [нрб] контр-революционное направление. Комиссия с участием т. Богданова и др. за арест и высылку в северные и восточные губернии для использования по специальности.

Список членов объединенного совета профессоров
г. Петрограда

25. Полетика. Секретарь Объединенного Совета Про-

фессоров. Монархист, деятельный член Совета. Исполнитель всех его постановлений. Комиссия с участием т. Богданова и др. за высылку. Главпрофобр за высылку.

26. Одинцов Борис Николаевич. Профессор-экономист Сельско-Хозяйственной Академии (естествен). Монархист. Главный вдохновитель Совета и активный организатор правых профессоров и студентов. На объединенных собраниях профессоров выступал с контр-революционной речью и запрещал коллегии брать должности от Петропрофобра. Главпрофобр за высылку.

Профессора
проходящие по делу Таганцева

27. Лапшин Иван Иванович. Кирочная д. 7 кв. 20. Профессор Общ[его] Педагогич[еского] Отд[еления] Петр[оградского] Университета. Получал материальную поддержку через Таганцева (руководителя военного заговора) от зарубежной белой организации. Главпрофобр за высылку.
28. Польнер Сергей Иванович. Разночинная д. 10. кв. 24. Учитель Технического Училища. Получал материальную поддержку от Таганцева. Главпрофобр за высылку.
29. Антоновская Надежда Григорьевна. Лермонтовская ул. Преподавательница. Получала материальную поддержку от Таганцева. Главпрофобр за высылку.

30. Селиванов Дмитрий Федорович. В[асильевский] О[стров] 14 линия 61/13 кв. 14. Профессор математики Петр[оградского] Университета. Получал материальную поддержку от Таганцева. Главпрофобр за высылку.
31. Френкель Григорий Иванович. Профессор. Имел связь с участником военного заговора профес. Лазаревским (дело Таганцева) по вопросу о разработке проекта о формах восстановления кредита для будущего белого правительства. Главпрофобр за высылку.
32. Островский Андрей. Соляной пер. д. 16/4 кв. 9/10. Служит в Госбанке. Бывш[ий] профессор. Имел связь с участником военного заговора проф[ессором] Лазаревским (дело Таганцева) по вопросу о разработке проекта о формах восстановления кредита для будущего белого правительства. Характеристика т. Сергеева: политически не наш, зловредный. Может быть изъят без ущерба.
33. Бутов Павел Ильич. В[асильевский] О[стров] 21 линия д. 10. кв. 2. Профессор геолог, поддерживал нелегальную связь с границей. [Нрб] в заграничной белой печати. Имел связь с организацией Таганцева. Был в курсе контр-революционной работы Таганцева (взрыв памятника Володарского и др.) Был арестован в мае 1921 года. Справка: 1907–1917 г. был большевиком. Главпрофобр за высылку.
34. Вислоух Станислав Михайлович. Детское село,

форма № 1. Профессор, геолог. Имел связь с контр-революционной организацией Таганцева. Был арестован в мае 21 г. и осужден к заключению в лагерь. Главпрофобр за высылку.

35. Витцер Герман Рудольфович. Бывш[ий] владелец завода. Имел связь с Финляндией. Обвинялся в шпионаже в пользу Финляндии. Был арестован ВЧК в 1921 году. Комиссия с участием т. Богданова и др. за высылку.
36. Корш. Лесная д. 13. Член партии к[онституционных] д[емократов], осведомитель [нрб] организации, находящейся в Финляндии.
37. Наройко. Миллионная ул. Профессор. Явка для курьеров Шмидта (главы белой организации Финляндии). Главпрофобр за высылку.

Общий список.

38. Штейн Виктор Морицович. Профессор Политехнического Института и редактор журнала «Экономическое Возрождение». Главпрофобр за высылку.
39. Савич. Управ[ляющий] делами Академии Наук. Черносотенец. Вел анти-советскую агитацию. Бывш[ий] Прокурор Харьковской Окружной Палаты. Главпрофобр за высылку.
40. Боголепов А. А. Профессор-юрист Петроградского Университета. Организатор Общественного мнения преподавательской коллегии в борьбе за автономию выс[шей] школы и в конфликте с Главпрофобром по пово-

ду назначения ректора. Главпрофобр за высылку.

41. Осокин Владимир Михайлович. Николаевская д. 61 кв. 2. Зав. Отд. Союза Сев. Кустаря. правый эсер.
42. Большаков Андрей Михайлович. Коломенская ул. д. 23. кв. 9. Профессор Института имени Герцена. Правый с. р. Главпрофобр не возражает против высылки.
43. Гусаров Игнатий Евдокимович. Инструктор Союза Северн. Кустаря. Караванная д. 14. кв. 9. Правый с. р. Пользуется влиянием.
44. Ермолаев Николай Николаевич. Троицкая д. 10. кв. 3. Контролер Правления Союза Сев[ерного] Кустаря. Правый с[оциалист]-р[еволюционер]. Освобожден из-под ареста под подписку о явке в ГПУ.
45. Еремеев Григорий Алексеевич. Зав[едующий] Отделом Союза Северн[ого] Кустар[я] Правый с[оциалист]-р[еволюционер].
46. Тельтевский Алексей Васильевич. 3-я Рождеств[енская] д. 32 кв. 12. Инструктор Союза Северн[ого] Кустаря. Правый с[оциалист]-р[еволюционер].
47. Евдокимов Петр Иванович. Троицкая ул. д. 10 кв. 3. Член правления Союза Северн. Кустаря. Народный социалист 1905 года. Непримируемый противник Соввласти. Комиссия с участием т. Богданова и др. за высылку.

Список питерских литераторов.

48. Герецкий Виктор Яковлевич. Знаменская д. 23 кв.

- 10 Литератор. 40 лет от роду. Принял участие в контр-революц[ионном] сборнике «О смене вех». Видный член Дома Литераторов. Кадет. Литературная комиссия о нем не осведомлена.
49. Крохмаль Виктор Николаевич. [Нрб]. 23. кв. 4. Управляющий ЦентроСоюзом. 46 лет. Был дважды арестован по делу белогвардейского заговора и по обвинению в контр-революционной деятельности. Меньшевик. Т. Хинчук против высылки.
50. Рожков. Меньшевик. Литератор. Сотрудник «Книги». Осторожен, довольно популярен среди студенчества. Госиздат приобретает всю его историю. Литературная комиссия против высылки. Комиссия с участием т. Богданова и др. против высылки.
51. Клеменс. Бывш[ий] Сотрудник «Речи». Считал себя в группе П. П. С. в 1908–1909 гг. Вообще ничтожная фигура.

■ **РАПОРТ О СОСТОЯНИИ ОПЕРАЦИИ
ПО ВЫСЫЛКЕ АНТИСОВЕТСКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
НА 23 АВГУСТА 1922 Г.**

23 августа 1922 г.

Секретариат Коллегии
Тов. СТАЛИНУ.

По поручению тов. УНШЛИХТА, посылаю рапорт о состоянии операции по высылке антисоветской интеллигенции на 23-е августа 1922 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ: упомянутое.

Секретарь Коллегии ГПУ Езерская.

1. За отчетные 2 дня присланы согласно наших телеграмм арестованные: из Вологды ШИШКИН и из Новгорода – БУЛАТОВ.

2. Нами арестовано из оставшихся до сих пор не разысканными 3 человека – Л. Н. ЮРОВСКИЙ, ОСОРГИН и ИЗЮМОВ и профессор ВЕЛИХОВ переведен с домашнего ареста во внутреннюю тюрьму.

3. Итого. по Московскому списку из 67-ми человек, подлежащих аресту и высылке за границу, нами арестовано:

А) Домашним арестом 11 человек:

1. МАЛОЛЕТНИКОВ Николай Васильевич
2. ЛЮБИМОВ Николай Иванович
3. РЫБНИКОВ Александр Васильевич
4. НОВИКОВ Михаил Михайлович
5. КИЗЕВЕТТЕР Александр Александрович
6. ФОМИН Василий Емельянович
7. ОЗЕРОВ Иван Христофорович
8. УГРИМОВ Андрей Иванович
9. ИЗЮМОВ Александр Филаретович
10. ЮРОВСКИЙ Леонид Наумович
11. ОСОРГИН Михаил Андреевич

Б) Арестованы и содержатся во внутренней тюрьме 14 человек:

1. ТЯПКИН Николай Дмитриевич
2. БРИЛИНГ Николай Романович
3. КРАВЕЦ Таричан Павлович
4. ТРУБЕЦКОЙ Сергей Евгеньевич
5. БАККАЛ Илья Юрьевич

6. КИЛЬЧЕВСКИЙ Владимир Агафонович
7. УШАКОВ Иван Иванович
8. КОНДРАТЬЕВ Николай Дмитриевич
9. ВЕЛИХОВ Павел Аполлонович
10. ПЕШЕХОНОВ Алексей Васильевич
11. КОРОБКОВ Николай Дмитриевич
12. УСПЕНСКИЙ Александр Иванович (временно в Смоленске на суде церковников)
13. БУЛАТОВ
14. ШИШКИН

В) Освобождены после заявлений о желании выехать за границу за свой счет 21 человек:

1. АРБУЗОВ Александр Дмитриевич
2. САХАРОВ Андрей Васильевич
3. КУЗЬМИН-КАРАВАЕВ
4. БАЙКОВ Александр Львович
5. АБРИКОСОВ Владимир Владимирович
6. МАТВЕЕВ Иван Петрович
7. ЗВОРЫКИН Владимир Васильевич
8. КУКОЛЕВСКИЙ Иван Иванович
9. ПАРШИН Николай Евграфович
10. МАТУСЕВИЧ Иосиф Александрович
11. КУДРЯВЦЕВ Василий Михайлович
12. ФРАНК Семен Людвигович
13. ЦВЕТКОВ Николай Николаевич
14. БОРДЫГИН Василий Михайлович
15. ЯСИНСКИЙ Всеволод Иванович
16. ФЕЛЬДШТЕЙН Михаил Соломонович
17. БЕРДЯЕВ Николай Алексеевич
18. РОЗЕНБЕРГ Владимир Александрович
19. АРТОБОЛЕВСКИЙ Иван Алексеевич
20. АЙХЕНВАЛЬД Юлий Исаевич
21. СТРАТОНОВ Всеволод Викторович

Все они дали обязательства в недельный срок закончить свои дела и выехать за границу

Г) Не арестованы по Москве 8 человек:

1. ИЗГАРЫШЕВ Николай Алексеевич
2. ОЗЕРЕЦКОВСКИЙ Вениамин Сергеевич
3. ИЛЬИН Иван Александрович
4. СИГИРСКИЙ Александр Иванович
5. СТЕПУН Федор Августович
6. ЛОСКУТОВ Николай Николаевич
7. МЯКОТИН Венедикт Александрович
8. ПАЛЬЧИНСКИЙ Петр Иоакимович

Д) Находятся в других городах 11-ть человек:

1. Казань – профессора ОВЧИННИКОВ и ТРОШИН

2. Тверь – КЛЕВЕЦКИЙ
3. Калуга – РОМОДАНОВСКИЙ
4. Орел – ИЗРАИЛЬСОН
5. Саратов – РОЗАНОВ
6. Петроград – ЮШТИН, ВАЙНБЕРГ, КОЗЛОВ
7. Батум – ОГАНОВСКИЙ
8. Гомель – ЧАРНОЛУССКИЙ

Сделан вторичный запрос местным губотделам о результатах ареста.

Е) Всего, таким образом, по списку недостает не указанных двух человек – ФАЛИНА, арестованного ранее и высланного под надзор органов ГПУ, и ЕФИМОВА, который содержится в Таганской тюрьме.

4. Из содержащихся во внутренней тюрьме 14-ти человек – 4 (ТЯПКИН, КРАВЕЦ, БРИЛИНГ и ВЕЛИХОВ) переданы вместе с делами в КРОГПУ. Ос-

тальные 10 человек подлежат высылке за границу за счет ГПУ и под конвоем.

5. С *Украины сведений* не поступало, послана вторичная телеграмма с предложением поспешить с ответом.

6. *Петроградский* губотдел представил следующую сводку о результатах операции: с 16 на 17 августа арестовано согласно распоряжения ГПУ по списку антисоветской интеллигенции гор. Петрограда 30 человек:

1. СТРОЕВ Василий Николаевич
2. САВИЧ Константин Иванович
3. ЗУБАШЕВ Сергей Лукьянович
4. СЕЛИВАНОВ Дмитрий Федорович
5. ЕРМОЛАЕВ Николай Николаевич
6. ЕВДОКИМОВ Петр Иванович
7. ЛАПШИН Иван Иванович
8. КАРГЕЛЬС Николай Константинович
9. ЛУТОХИН Долмат Александрович
10. КОЗЛОВ Николай Павлович
11. ОСТРОВСКИЙ Андрей Андреевич
12. ПЕТРИЩЕВ Афанасий Борисович
13. ЮШТИН Иван Иванович
14. БРУЦКУС Борис Давыдович
15. КОГАН Абрам Саулович
16. ПОЛНЕР Сергей Иванович
17. ТЕЛЬТЕВСКИЙ Алексей Васильевич
18. ГУСАРОВ Игнатий Евдокимович
19. ЕРЕМЕЕВ Григорий Алексеевич

Все вышеуказанные лица будут высланы за границу под конвоем за счет ГПУ.

ВЫЕЗЖАЙТЕ, ГОСПОДА!

1. ПУНПЕНСКИЙ Леонид Алексеевич
2. ЗАМЯТИН Евгений Иванович
3. ХАРИТОНОВ Борис Иосифович
4. ИЗГОЕВ-ЛАНДЕ Александр Соломонович
5. КАРСАВИН Лев Платонович
6. ВОЛКОВЫССКИЙ Николай Моисеевич
7. ЛОССКИЙ Николай Ануфриевич

Все вышеуказанные 7-мь человек согласно их желания будут пушены за границу за свой счет.

1. САДЫКОВА Юлия Николаевна
2. КАНЦЕЛЬ Ефим Семенович
3. ГУТКИН Абрам Яковлевич
4. БРОНШТЕЙН Исай Евсеевич

Все вышеуказанные 4 человека высылаются в Восточные губернии для использования по специальности по борьбе с эпидемиями.

7. Виза на въезд в Германию на всех подлежащих высылке уже получена. При своевременном получении денег всех подлежащих высылке за счет ГПУ можно выслать в течение ближайшего времени.

НАЧСОГПУ: Самсонов.

НАЧАЛЬНИК 4 ОТДЕЛЕНИЯ СОГПУ:

И. Решетов

АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 175, л. 77-81.

■ М. ОСОРГИН: «КАК НАС УЕХАЛИ»

Из воспоминаний

...В Москве шел слух, что в командующих рядах нет полного согласия по части нашей высылки: называли тех, кто был за и кто был против. Плохо, что «за» был

Троцкий. Вероятно, позже, когда высылали его самого, он был против этого!

Таким образом полоса паники уже прошла, а многих из нас даже поздравляли: «счастливые, за границу поедете!» И все же к зданию ГПУ, где я сидел дважды, и в «Корабле смерти», и в «Особом отделе», я подходил не без ощущения пустоты в груди. Но раньше меня туда привозили, теперь шел сам. И оказалось, что добровольно попасть в страшное здание не так просто!

– Куда вы, товарищ, нельзя сюда!

– Меня вызвали.

– Предъявите пропуск!

– Нет у меня пропуска, по телефону вызван.

– Нельзя без пропуска, заворачивай.

– Да мне к следователю.

Все-таки пропустили в канцелярию. Но и здесь с полчаса отказывали.

– Вам зачем туда?

Скромно говорю:

– Мне бы нужно арестоваться.

– Без разрешения нельзя.

– Как же мне быть? Исхлопочите разрешение.

Долго куда-то телефонировали, наконец, выдали бумажку – и молодой солдатик пропустил...

Допрашивали нас в нескольких комнатах несколько следователей. За исключением умного Решетова, все эти следователи были малограмотны, самоуверенны и ни о ком из нас не имели никакого представления; какой-то там товарищ Бердяев, да товарищ Кизеветтер, да Новиков Михаил... Вы чем занимались? – Был ректором университета. – Вы что же, писатель? А чего вы пишете? – А вы, говорите, философ? А чем же занимаетесь? – Самый допрос был образцом канцелярской простоты и логики. Собственно допрашивать нас было не о чем –

ни в чем мы не обвинялись. Я спросил Решетова: «Собственно, в чем мы обвиняемся?» – Он ответил: «Оставьте, товарищ, это не важно! Ни к чему задавать пустые вопросы». Другой следователь подвинул мне бумажку:

– Вот распишитесь тут, что вам объявлено о задержании.

– Нет! Этого я не подпишу. Мне сказал по телефону Решетов, что подушку можно не брать!

– Да вы только подпишите, а там увидите, я вам дам другой документ.

В другом документе просто сказано, что на основании моего допроса (которого еще не было) я присужден к высылке за границу на три года. И статья какая-то про-
ставлена.

– Да какого допроса? Вы еще не допрашивали!

– Это, товарищ, потом, а то там мы не успеваем. Вам-то ведь все равно.

Затем третий «документ», в котором кратко сказано, что в случае согласия уехать на свой счет, освобождается с обязательством покинуть пределы РСФСР в пятидневный срок; в противном случае содержится в Особом отделе до высылки этапным порядком.

– Вы как хотите уехать? Добровольно и на свой счет?

– Я вообще никак не хочу.

Он изумился.

– Ну как же это не хотеть за границу! А я вам советую добровольно, а то сидеть придется долго.

Спорить не приходится: согласился добровольно.

Писали что-то еще. Все-таки в одной бумажке оказалось изложение нашей вины: «нежелание примириться и работать с Советской властью».

Думаю, что по отношению к большинству это обвинение было неправильным и бессмысленным. Разве подчиниться не значит – примириться? Или разве кто-

нибудь из этих людей науки и литературы думал тогда о заговоре против власти и борьбе с ней? Думали о количестве селенок в академическом пайке! Непримирение внутреннее? Но тогда почему из ста миллионов выслали только пятьдесят человек? Нежелание работать? Работали все, кто как умел и что мог: но *желать* работать с *властью*, — для меня лично было достаточно опыта Комитета помощи голодающим, *призванного* властью для срочной совместной работы: это случайно не кончилось расстрелом.

Одним словом, — ехать, так ехать, раз требуется немедленно сделать это добровольно. В общем с нами поступили относительно вежливо, могло быть хуже. Лев Троцкий в интервью с иностранным корреспондентом выразился так: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно». Опять — без ручательства за точность фразы тогдашнего диктатора, позже высланного, хотя и были поводы его расстрелять.

Но легко сказать — ехать. А виза? А паспорт? А транспорт? А иностранная валюта?

Это тянулось больше месяца. Всесильное ГПУ оказалось бессильным помочь нашему «добровольному» выезду за пределы Родины. Германия отказала в вынужденных визах, но обещала немедленно предоставить их по нашей личной просьбе. И вот нам, высылаемым, было предложено организовать деловую группу с председателем, канцелярией, делегатами. Собирались, заседали, обсуждали, действовали. С предупредительностью (иначе — как вышлешь?) был предоставлен автомобиль нашему представителю, по его заявлению выдавали бумаги и документы, меняли в банке рубли на иностранную валюту, заготавливали красные паспорта для высылаемых и сопровождающих их родных. Среди нас были люди

со старыми связями в деловом мире, только они могли добиться отдельного вагона в Петербурге, причем ГПУ просило прихватить его наблюдателя, для которого не оказалось проездного билета: наблюдателя устроили в соседнем вагоне. В Петербурге сняли отель, кое-как успели заарендовать все классные места на уходящем в Штетин немецком пароходе. Все это было очень сложно, и советская машина по тем временам не была приспособлена к таким предприятиям. Боясь, что всю эту сложность заменят простой нашей «ликвидацией», мы торопились и ждали дня отъезда: а пока приходилось как-то жить, добывать съестные припасы, продавать свое имущество, чтобы было с чем приехать в Германию. Многие хлопотали, чтобы их оставили в РСФСР, но добились этого только единицы.

Я обязал себя описывать все это в «мягких тонах» — и исполняю. Но все же добавьте к этому, что люди разрушали свой быт, прощались со своими библиотеками, со всем, что долгие годы служило им для работы, без чего как-то и не мыслилось продолжение умственной деятельности, с кругом близких и единомышленников, с Россией. Для многих отъезд был настоящей трагедией, — никакая Европа их манить к себе не могла: вся их жизнь и работа были связаны с Россией связью единственной и нерушимой отдельно от цели существования. Все это в мягких тонах не выскажешь — и я пропускаю.

Но в менее «мягком тоне» я хочу вспомнить о последнем заседании Союза писателей за день-два до нашего отъезда. Значительная часть выславшихся состояла в Союзе, четверо были членами правления. Конечно, наша высылка вызвала большое волнение и общее сочувствие, и, конечно, она вызвала также и малодушие — страх каждого за себя. Уезжавшие хлопотали по своим делам, и на очередное заседание из них явился только я, так как

должен был быть председателем. Были мелкие дела — мы их скоро решили. На повестку ближайшего заседания поставили вопрос о замещении выбывших членов правления, в частности, двух товарищей председателя (Н. Бердяева и меня: председатель Б. Зайцев был раньше отпущен за границу). Закрывая заседание правления, я думал: сейчас кто-нибудь встанет и предложит поблагодарить меня и поручить мне передать последний привет от правления отъезжающим! Пять лет общей работы, почти в неизменявшемся составе, всегда дружной и всегда независимой! Демонстраций не нужно. Союз должно беречь.— но так, на одну секунду, маленькая растроганность все-таки ужасно нужна и мне и, я думаю, всем! Страшного ничего нет — одна семья!

Затем мы встали, отодвинули стулья. Помню, что я стряхнул с рукава пепел папиросы. Потом кто-то протянул: «н-да!» Затем один или двое вышли, а за ними медленно вышел и я, ничего не услышав вдогонку. В передней я поспешил первым надеть пальто. Впрочем, мы раньше прощались — у меня, у других, даже с застольными речами. Да и можно ли сомневаться в добрых чувствах старых друзей?

Осоргин М. А. Времена. Париж, 1955. С. 180–185.

■ Б. ХАРИТОН. К ИСТОРИИ НАШЕЙ ВЫСЫЛКИ

13 февраля 1923 г.

...Обстоятельства нашей высылки до сих пор известны только в общих чертах. Речь Зиновьева на партийной конференции в Москве в начале августа явилась симптомом какой-то новой затеи, хотя его речь и заканчивалась фразой о том, что бесполезно бороться репрессиями против враждебной коммунизму идеологии ли-

беральной интеллигенции. Оказалось, однако, что до конференции уже началась в партийных центрах и центриках та скрытая от всех работа по составлению про-скрипционных списков, которая закончилась – вполне ли? – высылкой многих интеллигентов на Запад и на восток. Чуть-чуть приподнялась завеса, когда появилась статья Луначарского, конфузливо завилявшего хвостом: он-де по этому вопросу и с Зиновьевым, и не с Зиновьевым. По статье видно было, что на верхах нет в этом деле единогласия. Это отсутствие единства сказалось и в истории с В. Я. Ирецким, высылавшемся вместе с нами, потом, в день нашего отъезда, по распоряжению из Москвы, оставленного в Петербурге, а спустя три недели все-таки высланного. Говорят, так же точно закончились передраги Е. И. Замятина, который остался в России вследствие вмешательства Каменева, но теперь все же высылается, несмотря даже на уход из петербургского ГПУ Мессинга. Отсюда вывод: высылка была делом группы во главе с Зиновьевым, и эта группа имела сильную поддержку и ревностных исполнителей в лице Уншлихта, Мессинга и др. деятелей ГПУ, сводивших на нет не только принципиальную оппозицию в данном вопросе со стороны другой группы, но не давших последней возможности избавить от высылки даже немногих отдельных лиц. И как при этом не подчеркнуть, что народный комиссар просвещения Луначарский в этой оппозиционной группе не был, а скорее помог группе Зиновьева, которую очень энергично поддерживали в этой кампании только петербургские газеты, где улюлюкали Сафаров, Гарин, Грескул и мн. др.

Вот все, что при российской свободе печати можно было разглядеть из происходящего на верхах. Низам в этом деле принадлежало, конечно, только техническое исполнение, но и оно заслуживает быть отмеченным.

Можно думать, что проскрипционные списки составлялись не в недрах ГПУ, ибо арестованы были и в Москве, и в Петербурге такие лица, о которых при всей тщательности наблюдения за гражданами РСФСР, в ГПУ не могло быть решительно никаких компрометирующих данных. Кроме того, если бы отбор представителей науки и литературы был предоставлен ГПУ, дело не ограничилось бы списком в две сотни имен на обе столицы и высылкой около 60 человек. Ведь размах ГПУ в таких случаях известен! Конечно, нельзя судить о делах ГПУ и РКП по методам логики, ибо меньше всего смысла в большинстве затей этих двух тесно спаянных друг с другом организаций. Но если связать то, что произошло, с предшествовавшей рассылкой ряду коммунистов, работающих в разных областях интеллектуального труда, детально разработанных анкет по вопросу об общественно-политической деятельности различных интеллигентских групп с требованием назвать фамилии, — то станет ясно, как попали имена высланных в партийный центр. И уже из партийного центра списки пошли во всемогущую зиновьевскую группу, а из этой «звездной палаты» в окончательном виде поступили в ГПУ только на предмет исполнения. Недаром не было никакого следствия и ни один вопрос касательно высылаемых, даже самый пустяковый, не решался в Петербурге местным, достаточно сильным и независимым ГПУ. Обо всем касавшемся высылаемых, сносились по телефону или через курьеров с Москвой. Случайно удалось узнать некоторые подробности о составлении этих списков. Они были трех сортов: 1) добросовестные, 2) чтобы отписаться, 3) злостные. «Добросовестные» исходили от так называемых «честных коммунистов», писавших то, что они, как им казалось, доподлинно знали, и о тех, с кем

они по службе или по роду деятельности встречались и разговаривали. «Добросовестные» доносили с тупой уверенностью в высокой полезности этого занятия для рабоче-крестьянской России. Они и не подозревали, что их дергают веревочками в интересах своей собственной политики «рабочий» Зиновьев, «крестьянин» Бухарин и другие члены «звездной палаты».

Ко второй категории принадлежат коммунисты либерального типа, мирно уживающиеся с деятелями из чуждого или враждебного коммунизму лагеря. Такие коммунисты смутились было: неловко, черт возьми, называть хорошо знакомого, своего же сотрудника, иногда приятеля, а с другой стороны, с парткомом шутки плохи. Как быть? И разрешили они эту задачу тем, что называли в своих анкетах имена, примелькавшиеся в речах Зиновьева и в газетных статьях, считая, что этих все равно не минует, если не сейчас, то впоследствии, карающий меч ГПУ. Одного такого «либерала» пишущий эти строки видел по выходе из тюрьмы перед отъездом за границу. Мой коммунист растерялся, неестественно засуетился, быстренько отведя глаза поздоровался и углубился в кучу лежавших перед ним бумаг. И все стало яснее еще, чем было до этой встречи. Мы уже знали, что сведения о литераторах собирались этим коммунистом, не имеющим о литературе отдаленного представления, хотя он и занимал в советской журналистике ответственные посты. Этот несчастный обращался ко всем писателям, которых он случайно встречал, с просьбой сообщить ему что-нибудь о современной литературе, имеющихся в ней течениях и т. д. Из Петербурга даже было послано письмо с указанием на то, что совершенно невежественным человеком собираются какие-то подозрительные сведения о писателях, их работе и пр.

Наконец: третья категория – заполнявшие анкету со

злостью мелких и подлых душонок. Эти использовали представившийся им случай для сведения личных счетов, для того, чтобы, оставаясь в неизвестности, побольнее укусить тех, кто был в Советской России живым укором для этих примазавшихся.

Разве для Лемке, обобравшего вдову Стасюлевича, для Святловского, с большим успехом для себя орудовавшего в качестве управляющего герцога Лейхтенбергского и председателя одного из обществ взаимного кредита, для О. Л. Д'Ора, составившего себе капитал на дружбе с известным Захарием Ждановым, для Як. Окунева, разведившего во время войны чудовишно-шовинистическую брехню на зависть Брешко-Брешковскому и Ксюнину — разве для них и им подобных не высшая радость доносить на знающих их насквозь, честных и стойких людей не в пространство — на столбцах газет, и не прямо в ГПУ, а в парткомы, в качестве вернейших из неофитов, доказывая тем свою преданность. Такие доносители оказались и среди инженеров, и среди педагогов, и среди студентов, и среди профессоров, и среди литераторов.

* * *

Когда-нибудь правдивая картина изгнания из России нескольких десятков ученых, писателей и инженеров будет написана со всеми теми подробностями, которые пока еще недоступны никому, кроме авторов и исполнителей этой дикой меры. Но и теперь следует каждому, кто что-нибудь знает, не хранить свои сведения для отдаленных мемуаров, так как дружная работа нововременцев и сменовеховцев уже творит зловерные легенды.

Дни. (Берлин). 1923, 13 февр.

Этюд четвертый

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Изгнанием из страны родной
Хвались повсюду, как свободой.

М. Ю. Лермонтов

Не станем же пенять на изгнание.

В. Набоков

Мировой опыт свидетельствует, что в обществе всегда есть люди, придерживающиеся различных политических взглядов, которые могут и не совпадать с государственной доктриной. По справедливому замечанию Т. П. Коржихиной, «постоянная борьба идеологий полезна: она заставляет правящие круги развивать теоретическую мысль, сверять ее с практикой, наблюдать за тем, соответствуют ли ее идеологические постулаты обстановке или их пора корректировать, чтобы не отстать от событий и не оказаться за бортом политической жизни. Другими словами, борьба идеологий – это фактор динамики общественной жизни, гарантия от застоя»¹.

Придя к власти в октябре 1917 г., большевики провозгласили революционный марксизм в качестве единственной идеологии, стали навязывать ее всему обществу. Между тем большинство дооктябрьс-

---

¹ Коржихина Т. П. Указ. соч. С. 313.

кой интеллигенции придерживалось другой идеологической ориентации. Можно выразить сожаление, что лидеры большевиков отказались от диалога с оппозицией, начали поход против инакомыслия, использовали более жесткие, по сравнению с царизмом, охранительные меры по защите устоев власти. Так возникла идея изгнания той интеллигенции, которая воспринималась властями как антисоветская, контрреволюционная.

Как известно, подготовка к высылке проводилась в условиях строгой секретности. Только в конце августа, когда основная работа была проведена, лидеры большевиков решили приоткрыть завесу над таинственной операцией.

30 августа газета «Правда» опубликовала интервью Л. Д. Троцкого американской журналистке Луизе Брайант, жене Джона Рида. В нем он разъяснил причины этой акции: «Так как высылаемые могут в период обострения международной обстановки стать потенциальными сторонниками врагов Советской России, их пришлось бы, по законам военного времени, расстрелять. Поэтому высылка для них – “предусмотрительная гуманность”»¹.

Можно ли рассматривать эту акцию как гуманную меру? Существуют полярные точки зрения на этот счет. В. Л. Соскин, в частности, отметил, что «в публицистике встречались мнения, что эта мера была чуть ли не гуманной, тем более на фоне расстрелов, широко практиковавшихся в годы гражданской войны, не говоря уже о репрессиях 30-х гг. Такие сравнения представляются неправомерными»².

Приведу еще мнения, высказанные совсем недавно.

¹ Правда. 1922. 30 авг.

² Соскин В. Л. Указ. соч. С. 82.

Начальник управления регистрации и архивных фондов ФСБ России В.С. Христофоров (из интервью корреспонденту газеты «Время МН». 2002. 31 июля)

«Безусловно, эта операция была антигуманной по своей сути. Но что было бы с этими людьми, если бы они остались в стране? Вероятнее всего, большинство из них мог уничтожить Молох репрессий более позднего времени».

Н. Богомолов, профессор МГУ (Известия. 2002. 16 авг.)

«Если бы этих людей не выслали в 22-м, то потом бы расстреляли. Может, не всех, но многих. Это не просто предположение. Насколько я знаю, несколько человек в последний момент сняли с пароходов и оставили в России. Так вот, подавляющее большинство из них или умерли, или были вскоре расстреляны. Но оправдывать одну негуманную акцию тем, что за ней могла последовать – и скорее всего последовала бы – еще более жестокая негуманная акция, вряд ли стоит».

Статс-секретарь ФСБ России В. Шульц (Известия. 2002. 16 авг.):

«Сейчас мы говорим о том, что эта акция, безусловно, была негуманной, направленной против прав человека и гражданина. Однако массовая депортация интеллиген-

ции 1922 г. с позиции прошедших лет, видимо, для многих высланных стала благом (даже если учесть, что судьбы их в эмиграции сложились непросты). Благодаря акции большевистских лидеров остались в живых выдающиеся ученые, которые внесли существенный вклад в развитие мировой науки, техники, искусства».

Истина конкретна. Нельзя давать оценку событию с оглядкой на репрессии 30-х гг. Эта мера (изгнание) была такой, какой могла быть в 1922 г., и определена властями в зависимости от ряда факторов.

Во-первых, среди высылаемых было немало людей, имевших в прошлом заслуги в революционном движении. Нередко они сидели с большевиками в одних тюрьмах и так же высылались в административном порядке в отдаленные районы при царе Николае II.

Во-вторых, лидеры большевиков прекрасно понимали, что обвиняемые не совершали каких-либо контрреволюционных действий. Их наказывали за убеждения, т. е. остракизму подвергались люди мысли.

В-третьих, новая власть в России заплатила высокую цену за выигранную Гражданскую войну. Теперь на первый план выдвигались задачи борьбы с разрухой, установления контактов со странами западной демократии. Вот что писал Ленин Сталину и Каменеву в августе 1922 г., когда операция «Изгнание» вступала в решающую фазу: «С Германией те-

перь надо быть “мудрым аки змий”. Ни слова лишнего. Не “дразнить” зря ни Франции, ни Англии. Не грозить зря (как 27 авг[уста] передовая “Правды”). Десять и сто раз подумать сначала о каждом слове. На ноту 27 авг[уста] ответить обдуманной нотой, предлагая деловую помощь (концессии, совхозы и т[ому] п[одобное]) и ни слова с призывом не исполнять Верс[альского] договора».

Из сказанного выше следует, что найденная карательная мера (изгнание) была не только хорошо продумана, но и оказалась относительно мягкой в сравнении с репрессиями против представителей партий меньшевиков и эсеров, а также церкви.

Анализ материалов свидетельствует, что не стоит искать чьей-либо персональной ответственности в этом деле (Ленин, Троцкий, еще кто-либо). Как верно заметил В. С. Христофоров, «идея высылки принадлежит партийно-политическому руководству».

Сколько же инакомыслящих было выслано за границу? В этом вопросе исследователи расходятся.

Можно согласиться с В. Л. Соскиным, что, «по-видимому, сводных данных не существует, поскольку высылка велась не только из столиц и не только за рубеж»¹.

С. А. Федюкин в одной из своих работ определяет число высланных цифрой в «160 наиболее активных буржуазных идеологов». Другие исследователи называют иные данные: В. В. Костиков – 200 человек, Ю. Голанд – 220, А. М. Гак, А. С. Масальская, И. Н. Селезнева – 300–400 человек, А. С. Солженицын – 300. В. С. Христофоровым выявлен документ, представляющий собой рапорт И. С. Ун-

---

¹ Соскин В. Л. Указ. соч. С. 72.

шлихту. Из него следует, что подлежало высылке за границу 228 человек, в том числе 32 студента.

Приведу еще одно мнение: «В августе 1922 года после появления в “Правде” статьи без подписи “Диктатура, где твой хлыст?”, последовали практические меры: административным решением ГПУ были высланы первые 160 человек»¹.

Из сказанного следует, что поиск следует продолжить, используя, в частности, и материалы наркомата иностранных дел – там выдавались паспорта на выезд за границу.

Хотели ли депортируемые покинуть Родину? Историк М. Колеров считает, что «все они на сто процентов не хотели уезжать...»². Согласиться с этим трудно.

Напротив, в этом событии можно найти редкий случай совпадения интересов власти и высылаемой интеллигенции: каждая сторона хотела, чтобы это осуществилось, причем как можно скорее. Из воспоминаний экспатриантов видно, что властями поощрялось создание общественных групп по выезду. Их представителям выделялся государственный транспорт, выдавались различные справки для получения виз и иностранных паспортов, обмена рублей на валюту и т. д. Ф. Степун вспоминал позднее, что в один из августовских дней к нему пришел Н. А. Бердяев и взволнованно сообщил, что его высылают. По тому, как он это говорил, можно было понять, что он скорее рад, чем огорчен. В интервью газете «Время МН» В. Христофоров отметил: «Федор Степун, когда его пригласили и сообщили о вы-

¹ Бесова Т. Культура и власть. М., 1991. С. 78.

² Известия. 2002. 16 авг.

сылке, сказал: у меня камень с души свалился. Его Европа тянула, но Россия не отпускала. Когда же ГПУ приказало выезжать, то собрался и с легким сердцем поехал. Тем не менее – и это теперь очевидно – каждый из высланных остался душой в России»¹.

Все так. С одной стороны, желание последовать за теми, кто уже уехал, обрести свободу творчества. С другой – душа оставалась в России. Вот и Н. А. Бердяев пишет, что при известии о высылке у него «сделалась тоска».

Многие исследователи спорят с мнением М. Колерова, например, о том, что эти люди «были выброшены из жизни, из культуры», что «большинство из них на Западе ничего принципиально нового не создали»². Ограничусь одним примером: труды Н. А. Бердяева переведены на 20 языков, список его работ насчитывает около 500 названий. Прав В. Костиков, когда говорит, что творческий потенциал, унесенный из России, зацвел и являет собой прообраз тех явлений, которые могут возникнуть на стыке культур и цивилизаций.

Завершая эту работу, хочу мысленно перенестись в 1922 г. и еще раз привлечь внимание читателей к газете «Правда».

31 августа, когда экспатрианты готовились к выезду, газета вышла в свет с передовицей «Первое предостережение». Кому же оно было адресовано? Разумеется, не тем, кто должен был уехать на пароходах. С ними все ясно. Предлагалось быть благонадежной той части интеллигенции, что оставалась в России. Проблема высылки не была закры-

¹ Время MN. 2002. 31 июля.

² Известия. 2002. 16 авг.

та. 11 января 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б), как бы подводя итоги данной массовой акции, предложило ГПУ «усилить наблюдение за лицами либеральных профессий и своевременно принимать меры по обезвреживанию врагов Советской власти»¹.

«Исторический смысл эпизода с “философским пароходом”, – таким нарицательным именем стало называться изгнание неугодной интеллигенции из Советской России в 1922 г., – состоял в том, что эта акция, осуществленная в условиях мира и перехода к нэпу, лишала интеллигенцию надежд на нормальную совместимость с властью, достойные, партнерские отношения. Да и сам нэп с самого начала раскрывался не как политика согласия, а как политика продолжения войны – состояния, естественного для государства, построенного на принципах классовой борьбы и диктатуры пролетариата»².

Очевидно, что статья в «Правде» с символическим названием «Первое предостережение» была ультиматумом, который интеллигенция должна была принять. А приняв, превратиться в людей, которые поняли правила игры, стали благонадежными, «придерживали» свои взгляды.

Но осталось и немало тех, кто находил в себе силы критиковать режим, отстаивать общечеловеческие ценности. Это о них хорошо сказала Анна Ахматова:

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя...

¹ Красильников С. А. Высылка и ссылка интеллигенции... С. 24.

² Соскин В. А. Указ. соч. С. 82–83.

ДОКУМЕНТЫ■ Л. Д. ТРОЦКИЙ «ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНАЯ
ГУМАННОСТЬ»

*Из беседы с американской журналисткой
Луизой Брайант-Рид*

...Вы меня спрашиваете, чем объясняется постановление о высылке враждебных Советской власти элементов за границу? И не означает ли, что мы их внутри страны боимся больше, чем по ту сторону границы? Мой ответ будет очень прост. Недавно вы были свидетелями процесса над эсерами, которые все время гражданской войны были фактическими агентами иностранных правительств, воевавших с нами. Трибунал признал их заслуживающими расстрела. Ваша пресса, в подавляющем большинстве своем вела отчаянную кампанию против нашей жестокости. Если бы мы догадались сейчас [же] после Октября выслать гг. эсеров за границу, мы избавили бы вас от необходимости возмущаться нашей жестокостью.

Те элементы, которые мы высылаем или будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они — потенциальное оружие в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений, — а они, несмотря на все наше миролюбие, не исключены, — все эти наши непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага. И мы будем вынуждены расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочитаем сейчас в спокойный период выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту пред общественным мнением.

Правда. 1922. 30 авг.

■ ПЕРВОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

1922 г.

Кадетствующие и эсерствующие круги интеллигенции, вообразив, что НЭП дает им новую опору для контр-революционной работы, усиленно повели таковую, поддерживая тесную связь с заграничными белогвардейцами. Советская власть, обнаружившая слишком много терпения, дала, наконец, первое предостережение: наиболее активные контр-революционные элементы из профессоров, врачей, агрономов и пр. высылаются частью за границу, частью в северные губернии. Для рабочих и крестьян все это служит напоминанием о том, что им скорее нужно иметь свою рабоче-крестьянскую интеллигенцию.

Несмотря на то, что Советская власть существует скоро пять лет, несмотря на то, что она пользуется доверием и поддержкой подавляющего большинства трудящихся масс России, несмотря на то, что она ведет напряженнейшую героическую работу по восстановлению разрушенного хозяйства страны и успешно выводит страну из периода наибольшей нищеты, разорения и голода, несмотря на это, определенные слои буржуазной интеллигенции не примирились с Советской властью, не оставили своих надежд на контр-революционный переворот, и все время вели более или менее тайную или более или менее открытую борьбу за возвращение буржуазного режима.

Когда существовали фронты, эти группы интеллигенции или эмигрировали за границу, или помогали возникавшим тогда подпольным белогвардейским организациям, или всеми другими способами старались вредить Советской власти. Они издевались над рабочими государства, которое не имело достаточ-

ного кадра своей собственной интеллигенции, и проводили политику открытого и тайного саботажа.

После победы Советской власти над белогвардейцами, после ликвидации фронтов и бандитских восстаний, эти группы оказались в тупике. Но в обстановке НЭПа они снова стали проявлять признаки жизни. Они старались теперь приспособиться к новым условиям, сплотиться и получить идейное влияние, прежде всего, на учащуюся молодежь, затем на мелкобуржуазное обывательское население вообще. Они пытались при Советской власти искать «легальных» возможностей для того, чтобы длительно и упорно продолжать ту самую работу, которая кончилась неудачей в открытой борьбе контр-революции с Советской властью. Эти слои буржуазной интеллигенции, целиком стоящие на почве свергнутого режима, социального и политического, старались установить связь с теми элементами населения, которые не могли примириться с властью рабочих и крестьян, с потерей своего имущества, своих политических привилегий.

Они нашли несколько опорных пунктов для своей антисоветской работы. Важнейшею их цитаделью была высшая школа, которая менее всего была затронута октябрьским переворотом. Политиканствующие ученые профессора на каждом шагу оказывали упорное сопротивление Советской власти, приступившей к реформированию высшего образования и к массовому введению в стены рабочих факультетов рабочих и крестьян. При всяком удобном и неудобном случае они проводили политику активного и пассивного сопротивления всем начинаниям Советской власти, искали связи с буржуазной частью студенчества, саботировали реформу высшего образования и

осмеливались даже на открытую борьбу, как это было весной этого года во время академической забастовки профессоров.

Эти группы организовали ряд журналов, издававшихся, главным образом, в Петрограде, в которых, хотя в большинстве случаев в довольно осторожной форме, но упорно, злобно и последовательно старались дискредитировать все начинания Советской власти, подвергая их якобы научной критике. В области публицистики они гнули ту же линию. Художественная литература, создававшаяся в этих кругах, была также антисоветской. В области философии они проповедывали мистицизм и поповщину, заваливая многочисленные частные издательства модернизированной идеологией средневековья. Группа антисоветски настроенных врачей усердно фабриковала антисоветское общественное мнение в своей среде, что так ярко проявилось на последнем съезде врачей. Контр-революционные элементы из агрономов вели ту же работу в своей области, ища поддержки среди студенческих кругов и эсеровски настроенных элементов кулачества. В кооперации ту же работу вели меньшевистские и эсеровские элементы, которые всегда были сильны в нашем кооперативном движении. Наконец, некоторые группы этих антисоветских элементов искали точек сближения с контр-революционным движением той части духовенства, которая активно выступила против изъятия церковных ценностей.

Наконец, все эти группы находились в тесной связи с нашей белогвардейской эмиграцией, получающей деньги от враждебных нам буржуазных правительств, и всячески дискредитировали все выступления Советской власти на международной арене. Из

этих же групп рекрутировались до сих пор корреспонденты заграничных белогвардейских газет, снабжавших лживой и клеветнической информацией зарубежную печать. Вся эта антисоветская контр-революционная работа велась этими господами за счет самой же Советской власти и трудового народа, поскольку все это представители буржуазной интеллигенции состояли на советской службе, получая спецовские ставки, состояли на академических пайках и использовали ту поддержку, которую оказывал ученым наш Наркомпрос.

Советская власть решила положить конец этой контр-революционной работе.

По постановлению Государственного Политического Управления, наиболее активные контр-революционные элементы из среды профессуры, врачей, агрономов, литераторов высылаются частью в северные губернии России, частью за-границу. Если этим господам не нравится в Советской России, — пусть они наслаждаются всеми благами буржуазной свободы за ее пределами. Советская власть обнаруживала слишком много терпения по отношению к этим элементам, надеясь, что они поймут бессмысленность своих надежд о возвращении к прошлому. Она предоставляла им полную возможность работать для дела восстановления нашего хозяйства и для действительно научной работы. Но кадетствующие и эсеровствующие элементы не пожелали пойти по этой дороге. И этим самым они выставили свои кандидатуры на заграничную командировку.

Эта высылка контр-революционных элементов, которые воображали, что при НЭПе им будет позволено идейно готовить контр-революционный переворот, покажет ясно им и остающимся их колле-

гам, что они ошиблись в своих расчетах. Принятые Советской властью меры предосторожности будут, несомненно, с горячим сочувствием встречены со стороны русских рабочих и крестьян, которые с нетерпением ждали, когда, наконец, эти идеологи врангелевщины и колчаковщины будут выброшены с территории РСФСР.

Среди высылаемых почти нет крупных научных имен. В большинстве это — политиканствующие элементы профессуры, которые гораздо больше известны своей принадлежностью к кадетской партии, чем своими научными заслугами. Но и эта высылка должна лишний раз напомнить рабочим и крестьянам, как мало еще у них своей собственной интеллигенции и как много еще предстоит сделать пробудившимся к сознательной жизни массам для создания своей собственной культуры, своих ученых, своих профессоров, врачей, агрономов и специалистов всякого рода. Эта работа по привлечению широких масс к науке уже началась, и она будет продолжаться.

Высылка активных контр-революционных элементов из буржуазной интеллигенции является первым предостережением Советской власти по отношению к этим слоям. Советская власть по-прежнему будет высоко ценить и всячески поддерживать тех представителей старой интеллигенции и специалистов, которые будут лояльно работать с Советской властью, как работает сейчас с ней лучшая часть специалистов. Но она по-прежнему в корне будет пресекать всякую попытку использовать советские возможности для открытой или тайной борьбы с рабоче-крестьянской властью за реставрацию буржуазно-помещичьего режима.

Правда. 1922. № 194. 31 авг.

**■ В. НАБОКОВ: «НЕ СТАНЕМ ЖЕ ПЕНЯТЬ
НА ИЗГНАНИЕ»***Из статьи «Юбилей»*

1927 г.

...И за одно мы празднуем 10 лет свободы. Такой свободы, какую знаем мы, не знал быть может ни один народ. В этой особенной России, которая невидимо нас окружает, живет и держит нас, пропитывает душу, окрашивает сны, — нет ни одного закона, кроме закона любви к ней, и нет власти, кроме нашей собственной совести. Мы о ней можем все сказать, все написать, скрывать нам нечего, и никакая цензура нам не ставит преграды, мы свободные граждане нашей мечты. Наше разсеянное государство, наша кочующая держава этой свободой сильна, и когданибудь мы благодарны будем слепой Клио за то, что она дала нам возможность вкусить этой свободы и в изгнании пронзительно понять и прочувствовать нашу родную страну.

В эти дни, когда празднуется серый, эсэсэсерый юбилей, мы празднуем десять лет презрения, верности и свободы. Не станем же пенять на изгнание. Повторим в эти дни слова того древнего воина, о котором пишет Плутарх: «Ночью, в пустынных полях, далече от Рима, я раскинул шатер, и мой шатер был мне Римом».

Руль. (Берлин). 1927. 18 нояб. С. 2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Этюд первый	
В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО	9
Документы	25
Н. А. Бердяев: «...Не удастся никогда социализм...»	25
Е. Замятин: «...Если писатель должен быть благоразумным... тогда нет литературы...» ..	28
О допущении свободного обмена идей по любому вопросу	29
«Мы будем выслушивать различные мнения и приводить различные оценки»	30
П. Сорокин: «...Поспешив, мы очутились не в XXII столетии, а в XVIII веке»	34
П. Сорокин: «...Без нравственного совершенствования людей не спасет и перемена общественного строя»	40
А. С. Изгоев. О задачах интеллигенции	46
Б. Д. Бруцкус: «... Научный социализм... теории социалистического строя до сих пор не разработал»	52
«...Только независимая пресса... всего надежнее гарантирует охрану идеальных и реальных интересов лица»	57

Этюд второй	
ИЗВОЛЬТЕ БЫТЬ БЛАГОНАДЕЖНЫ	60
<i>Документы</i>	109
В. И. Ленин. О значении воинствующего	
материализма	109
Диктатура, где твой хлыст?	117
С. Бобров. Ю. Айхенвальд. Поэты и поэтессы.	124
Ю. Айхенвальд. Александр Блок	126
Этюд третий	
ВЫЕЗЖАЙТЕ, ГОСПОДА!	149
<i>Документы</i>	180
Об административной высылке.	180
Список антисоветской интеллигенции	
г. Петрограда	182
Рапорт о состоянии операции по высылке	
антисоветской интеллигенции	
на 23 августа 1922 г.	192
М. Осоргин: «Как нас уехали»	197
Б. Харитон. К истории нашей высылки	202
Этюд четвертый	
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	207
<i>Документы</i>	215
Л. Д. Троцкий «Предусмотрительная	
гуманность»	215
Первое предостережение	216
В. Набоков: «Не станем же пенять на	
изгнание»	221

Научное издание

Михаил Ефимович Главацкий

**«ФИЛОСОФСКИЙ ПАРОХОД»:
год 1922-й**

Редакторы *Т. А. Сасина, В. И. Финнова*
Художественный редактор *В. С. Солдатов*
Дизайнер *Н. В. Рещ*
Оригинал-макет
Т. М. Явшевой, А. И. Явшева

ИД № 05974 от 03.10.01

Подписано в печать 16.09.2002. Формат 75х90¹/₃₂.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 6,42. Усл. печ. л. 6,51.
Тираж 500 экз. Заказ № 481.

Издательство Уральского университета.
620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Качество печати соответствует
качеству предоставленных диапозитивов.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.